КРУПНЫЙ ЖАНР

Ефим Гаммер
(г. Иерусалим, Израиль)

В СТОРОНЕ ОТ ФАРВАТЕРА
киноповесть

Ефим Гаммер — родился 16 апреля 1945 года в Оренбурге (Россия), закончил отделение журналистики Латвийского госуниверситета в Риге, автор 15 книг, лауреат ряда международных премий по литературе, журналистике и изобразительному искусству. Среди них — Бунинская, серебряная медаль, Москва, 2008, «Добрая лира», Санкт-Петербург, 2007, «Золотое перо Руси», Москва, золотой знак — 2005 и золотая медаль «Лучшему автору» — 2010, «Петербург. Возрождение мечты, 2003». В 2012 году стал лауреатом (золотая медаль) 3-го Международного конкурса имени Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков и дипломантом 4-го международного конкурса имени Алексея Толстого. Его роман о подростках «Приемные дети войны» был также отмечен Фондом «Русский мир». Картины Ефима Гаммера представлены на трех персональных и более чем ста международных выставках в Иерусалиме, Нью-Йорке, Торонто, Ванкувере, Ницце, Лионе, Париже, Сиднее. Работает на радио «Голос Израиля». Шеф-редактор и ведущий авторского радиожурнала «Вечерний калейдоскоп»; член израильских и международных союзов писателей, журналистов, художников; член редколлегий журналов «Литературный Иерусалим», «Литературный Иерусалим улыбается» (Израиль) и «Приокские зори» (Россия); широко печатается в журналах России, США, Израиля; Германии, Франции, Латвии, Дании, Финляндии, Украины, Молдовы и других стран; переводится на иностранные языки.

НЕЗВАННЫЙ ГОСТЬ

Татьяну Сергеевну разбудили частые удары в заиндевелое окно. Она неохотно вылезла из кровати, накинула на плечи теплый халат с набивными цветами и направилась к двери.

В комнату вошел рослый, заросший недельной щетиной парень, в ватнике и ушанке. Он прошел к печи, согрел на забеленном камне руки. Представился.

Костик. Костик.

Татьяна Сергеевна. Татьяна Сергеевна.

Костик. Знаю, потому и пришел.

Татьяна Сергеевна. Белое не подаем.

Костик. Мне и красное без надобности. Помощь требуется. С Федюлей неладное. Без врача окочурится.

Татьяна Сергеевна. А что с ним? Какие симптомы? На что жалуется?

Костик. Ну?

Татьяна Сергеевна. Я уже не практикую. Уволилась. Тут разве что за Фролом Красноштановым присматривала — бакенщик...

Костик. Доктор! Вы говорите — говорите, а там человек...

Татьяна Сергеевна. Далеко?

Костик. Пару махов отсюда. Вниз по Лене. Он на барже застрял. Лихоманка какая-то! Держится, черт, за живот, стонет, мать его! Может, аппендицит? А, доктор?

Татьяна Сергеевна. Господи! У меня же ни инструментов, ни обезболивающего. И потом — вам хирург нужен, а не терапевт. Вызвали бы по рации. Или?.. И рация у вас сломана?

Костик. Сломана, мать ее! Говорил этому Федюле, надо бы заменить. В случае чего, помощь — по-экстренному. На вертолете. А он...

Татьяна Сергеевна. Но поймите же, если резать...

Костик. Не сдохнет, вы его хоть топором.

Татьяна Сергеевна. Напарник по зимовке? Подрались?

Костик. Хватит вам, доктор! Пойдемте! Там человек гибнет! А вы тут!.. Разводите... Я наворочал снегу... Ради вас, да? Ну и будьте здоровы! Лучше бы укатили уже в свои Палестины, а то мозолите нам здесь глаза!

Татьяна Сергеевна. Муж вернется с визой, вот и укатим. И мозольте себе глаза самостоятельно.

Костик угловато шагнул к двери.

.

Татьяна Сергеевна. Стойте!

Костик. Так-то лучше. Сколько вам на сборы?

Татьяна Сергеевна. Минуточку! Я переоденусь. Вы... вы повернетесь спиной... И без этих... Не оборачивайтесь.

Татьяна Сергеевна переоделась — ватные штаны, вязаный свитерок, телогрейка, сапоги-карбоза, прихваченные по голенищу собачьим мехом, заячья шапка с длинными, заменяющими шарф ушами.

Татьяна Сергеевна. Я готова! Пошли. Где твоя баржа?

БАРЖА

В каюте, на узкой койке, под одеялом верблюжьей шерсти, лежал человек с отечным лицом, жадно, по-рыбьи хватал воздух. Пол усеян окурками, в углу раскаленная буржуйка и ведро с пустыми консервными банками. На стене гитара.

.

Татьяна Сергеевна. Не подмести! Не убрать! Ну и зрелище: огарок свечи и... раз-два-три... пустых из-под питьевого спирта. Глотку не сожгли?

Костик. Под гитару ее остужали.

Татьяна Сергеевна. Красиво жить не запретишь.

Костик. Люди — не звери...

Татьяна Сергеевна. Оно и видно. Вскипяти воду, побольше. И нож приготовь мне. Какой поострей...

Костик. Резать будете?

Татьяна Сергеевна. А если придется? Что я могу знать до осмотра?

Костик. Хорошо. Федюлю можно резать. Но не до смерти.

Костик выискал закатившееся под вторую койку эмалированное ведро и вышел из каюты.

Татьяна Сергеевна, сняв ватник, прошла к больному. Уселась рядом с ним — на табуретку. Задрала на Федюле рубаху, цепко стала ощупывать живот.

Татьяна Сергеевна. Щекотно? Нет?

Федюля. Мы это так... случайно. Не по вражде...

Татьяна Сергеевна. Догадываюсь, с перепою.

Федюля. Скорее, по глупости.

Татьяна Сергеевна. Ты про живот лучше думай, Федюля.

Федюля. Я животом думать не привык.

Татьяна Сергеевна. Не хохми! Не напрягайся животом, я тебе говорю.

Федюля. Резать будете, Татьян Сергевна?

Татьяна Сергеевна. Если резать, то не до смерти. Костиково ЦЕУ.

Федюля. Костик знает, чо говорит. Чо не скажешь на больную голову...

Татьяна Сергеевна. А давно у него?

Федюля. Чо?

Татьяна Сергеевна. С головой.

Федюля. Таким уродился, с гнильцой.

Татьяна Сергеевна. А ты?

Федюля. Чо я?

Татьяна Сергеевна. Как у тебя с головой?

Федюля. Тянет на две полши, и не колышется.

Татьяна Сергеевна. Значит, крепкий?

Федюля. Мы Никулинские! Наш хромосом с железом в кости родится!

Татьяна Сергеевна. А про мамку не вспоминаешь, когда болит?

Татьяна Сергеевна подобралась пальцами под нижнее ребро.

Федюля вплелся в женские руки. И в крик.

Федюля. О-о-о! Вы это чо? Зачем про мамку? Я вам не малец какой. Я!.. Я сам уже папкой быть могу, если позволите.

Татьяна Сергеевна. Сначала до свадьбы доживи, тогда и позволят. Ушиб у тебя, ничего страшного.

Федюля. Почем знаете?

Татьяна Сергеевна. Училась, вот и знаю, Федюля.

Федюля. (Обиженно). Поучите и меня. Я... ведь сказано... не малец уже. Я... я...

Федюля тянул уже не слово. В слове задохся. Руку тянул, спасительницы своей и мучительницы, ниже и ниже, за рубаху, за ее, бортиком подшитый край.

Татьяна Сергеевна. Дурак!

Женщина с отвращением вырвала руку из потных, мыльной скользкости пальцев. Потрясла ею, как после укуса, и повернулась на скрип открываемой двери.

Татьяна Сергеевна. (Костику). Я же воды просила!

Костик вносил в каюту поднос с угощеньем. На тарелке под кружками лука малосольная рыба-кондевка. На другой — матовые полоски замороженной строганины, обложенной дольками консервированных огурцов. Карман его телогрейки пузырился бутылкой питьевого спирта.

Костик. Что охраняем, то имеем. Будет и вода!

Татьяна Сергеевна. А не переборщишь, Костик?

Костик. Мы с закусоном, не как-нибудь голиком, ваше высочество. И потом... За знакомство. Закон требует! У кавалергарда век не долог. А тут выпало впервой — голубая кровь, живая княгиня...

Татьяна Сергеевна. Не дури!

Костик. И декабристской нельзя?

Татьяна Сергеевна. Татьяна Сергеевна — и точка!

Костик. Хорошо, Татьяна Сергеевна, будь по-вашему. А песню? Песню тоже нельзя?

Татьяна Сергеевна. Какую?

Костик. Гитарную-вашенскую, родовую, так сказать. «Поручик Голицын, корнет Оболенский...»

Татьяна Сергеевна. Мой поручик Голицын был вовсе не поручик. Он вышел в отставку прапорщиком. Пора уже знать, если решил погусарить под моего Голицына.

Костик. Кто он вам, если на пальцах считать? Прапрадед?

Татьяна Сергеевна. Обойдешься без заполнения анкеты.

Костик. А то?

Федюля. На дуэль!

Татьяна Сергеевна. Я вам в этом деле не компания!

Костик. В дуэли, Татьяна Сергеевна?

Татьяна Сергеевна. В пьянке-гулянке!

Федюля. Отчего же, Татьян Сергевна? С этого дела легчает. Проверено — мин нет!

Федюля плавно влил в себя спирт, поостерегся порывистого движения.

Федюля. Хошь, Татьян Сергевна? Не хошь? Как хошь! А мне, Костик, повторную. Хорошо пошла, напрямки к оздоровлению организма.

Костик пододвинул тумбочку к Федюлиной койке. Быстро порезал кондевку, на шесть частей. Обсосал слезящиеся жиром пальцы, протер их газетой. И после, все так же молча, прошел к иллюминатору, под которым держал опорожненную посуду. Отдраил его и побросал бутылки на лед.

Татьяна Сергеевна. Застудишь парня!

Костик. Чего там! С морозца не дохнут! А иллюминатор — это... типа окно в Европу. Глядь, сейчас сущий цирк будет! Собака там у нас, просто черт живой. Идите сюда, а то прошляпите зрелище. Во! Не зазевалась — махнула за борт. Во-во, глядь! Тащит уже, тащит назад тару стеклянную. Наш характер, таежный. Чего деньгам зря пропадать?

Татьяна Сергеевна. Кино!
Костик. Не кино, а цирк.
Федюля. Такое дело надо обмыть.

Костик бросил ломтик строганины собаке, за дверь. Повернулся к Федюле.

Костик. Выходит, на вторую потянуло?
Федюля. Говорил же, пошел напрямки — к оздоровлению организма, паря.
Костик. Хвалю!

Взялся за бутылку.
Горлышко просыпало стеклянную дробь по краю стаканчика.

Федюля. Не расплещи!

Пахучая лужица растеклась по поверхности тумбочки.

Костик. Ну, на грудь! Сейчас костерчик запалим.

Костик чиркнул спичкой. Синеватый огонек вскинулся над тумбочкой.

Татьяна Сергеевна, не реагируя, упокоила руки на плечах и, слегка покачиваясь, смотрела на огонь, как в зеркало...

Тепло добиралось до нее волнами, низовыми, обласкивало ноги. Но в груди все еще занозисто гноился холодок, быть может, не живой.

Этот чувствительный, но странный по восприятию — будто бы из потустороннего мира — холодок, достался ей в наследство от известного с давних времен на все таежное приволье золотодобытчика, печника, и летописца Кима Кудесника, обучаемого французскому женами ссыльных декабристов, негласного тестя князя Валериана Голицына.

Ким Кудесник слыл великим выдумщиком и чародеем. Знал множество потайных троп и целебных трав. Видел прошлое и будущее. В своих летописях, памятуя о наказе атамана Бугра, вел жизнеописание Киренска — не жалел слогу ни силы ядреной, ни цвета исконного.

«День вертит солнечный жернов к ночи,— писал он в 1829-ом, горько вздыхая от дум своих.— Ночь извергает небесный огонь на рассвете. И вспыхивают облака зорным заревом. Первые российские облака, порожденные у восточных границ Отечества нашего. Облака, коим нести очищающее пламя на запад, в далекую Московию. Облака, кои будут за плечами у отрока Валериана, князя Голицына, когда оторвется он от дщери моей, светлой лицом Ольги Разумницы, и направится по цареву указу в солдатчину. Соловей поет к разлуке. Не стерплю, заплачу я...»

Эти, последние слова о соловье, слетев невзначай с пера Кима Кудесника, обросли крыльями и превратились в песенные, народные, распеваемые в Сибири и в Арктике, на Урале и Дону.

Жизнь, по летописям Кима Кудесника, вырисовывалась тяжкая, но Богом отмеченная, не пресекаемая из рода в род. На дальнем побеге рода своего видел он сиятельный знак небесного знамения и Святой Земли, где пра-пра-внучка его Татьяна явит миру младенца, нареченного Мессией новых времен, и потому, не страшась, ввел свою дочь — красавицу Ольгу Разумницу — в опочивальню ссыльного декабриста Валериана Голицына.

Ким — единственный грамотей — был приставлен к нему в услужение до при-

бытия гувернера грека Василия Лазова. Тот был отправлен из семьи с запасом книг в край невероятной отсталости, где, как явствовало из письма Валериана,— жило всего семьсот человек, и все они такие дремучие, что не с кем перекинуться словом, разве что с Кимом Кудесником, которого жены сосланных декабристов обучили даже французскому, и его дочерью Ольгой. В остальном — никаких развлечений. Слово «театр» звучит для киренчан сугубо абстрактно. О существовании библиотек — понятия никакого. Правда, кое-кто, кое-когда мог о них слышать, но во имя чего ими пользоваться никто представления не имел.

Столь образное описание времяпрепровождения в Киренске, понятно, вызвало панику в княжеских покоях. И гувернер Василий Лазов, с деньгами, домашней библиотекой и двумя крепостными был снаряжен в дальнюю дорогу. На перекладных он добрался до Иркутска, представился губернатору. И попросил разрешение поселиться в Киренске — у своего воспитанника князя Валериана Голицына.

Губернатор боялся выглядеть снисходительным по отношению к государственным преступникам. Поэтому он пообещал Василию Лазову обратиться с запросом к генерал-губернатору Восточной Сибири. Заодно и поинтересовался: как это отпрыска высокочтимой фамилии князей Голицыных занесло в вольнодумцы? На что грек Василий Лазов ответил приблизительно так... Никакой бес не попутал молодого князя Валериана, а просто-напросто он из уважения к человеческому достоинству и вольности записался в Северное общество. На допросе Валериан пояснил: к этому его побудило то, что он «заимствовал свободный образ мыслей от чтения жарких прений в парламенте тех народов, кои имеют конституцию, а также от чтения французских, английских, немецких и итальянских публицистов». Если же быть абсолютно точным, следует добавить следующее: в Северное общество молодого князя Валериана Голицына принимал Александр Викторович Поджио, итальянец по происхождению, чей отец переселился в Одессу вместе с отцами-основателями города: герцогом Ришелье, Ланжероом и де Рибасом.

Дав исчерпывающую информацию губернатору Иркутска, Василий Лазов не стал дожидаться милостивого соизволения на проезд в Киренск, и двинулся туда на свой страх и риск. Ждать пришлось бы долго. Ибо и генерал-губернатор, по известной каждому русскому чиновнику причине, не отважился взять на себя ответственность. Он перекинул решение вопроса на всесильного шефа жандармов Бенкендорфа.

Получив послание из Иркутска о том, что грек Лазов, упредив высочайшее соизволение, самовольно направился в Киренск, всемогущий шеф жандармов Бенкендорф тоже не сподобился на волевой поступок. И обратился к царю Николаю Первому. Царь потребовал обстоятельных разъяснений у Натальи Ивановны Голицыной, матери декабриста. И эти разъяснения получил в письменном виде.

«На вопрос, по какому случаю грек Лазов находится в Киренске объясняю, что более 20 лет он жил у нас в доме как друг и по собственной своей привязанности к нам и детям нашим просил согласия ехать в Киренск, так как от правительства не было запрещения на въезд и жительство в оных городах свободного состояния людям. Мы не только не отказали ему в том, но были совершенно уверены, что он не допустит нашего сына впасть в пороки, которые еще могут усугубить его положение».

На письме княгини Натальи Ивановны царь Николай Первый поставил собственноручно резолюцию: «Крепостных отправить в Россию, а греку разрешить остаться в Киренске». Но было уже поздно. Лазова, чтобы не морочить себе голову перепиской с высокостоящими начальниками, спровадили восвояси: из Сибири — куда подальше, на запад. А в 1829 году, когда Ольга была на девятом месяце, и Валериана Голицына выслали из Киренска. По указу императора его откомандировали в действующую армию, на Кавказ, в унизительном для князя звании — рядовым...

А Ольга?

Ольга родила сына, дала ему по отцу имя — Голица. Таким образом — не зря ее величали Разумницей! — заложила и для детей сына своего, внуков да их потомков, славную, от роду положенную им фамилию — Голицыны. И еще оставила она им всем, как в наследство, песню Кима Кудесника — колыбельную женского сердца: «Соловей поет к разлуке. Не стерплю, заплачу я...»

ЛИШНЕЙ ВОДКИ НЕ БЫВАЕТ

Татьяна Сергеевна вышла из забытья, ощутив в пальцах холодное стекло.

Татьяна Сергеевна. Это лишнее.

Федюля. Но не для меня!

Костик потянулся к нему с бутылкой.

Татьяна Сергеевна. Хватит ему! Ты же его спаиваишь, Костик.

Федюля. Спаить — не удавить! Мы Никулинские! Мы можем! Налей, казак, атаманом будешь! Плесни! Плесни! И Татьян Сергевне удружи. А то, глянь, в штаны ватные втерлась, а сама дрожит. Штаны-то что? Снаружи греют. А водка изнутри — по-нашему, как сердце... Правда моя, Татьян Сергевна?

Татьяна Сергеевна. Вся твоя правда, дружок, на донышке.

Костик. Ага! Муж алкоголик. Не любит таких... Нас...

Татьяна Сергеевна. Ох, парень, парень! Все твои мысли дают крен на сорок градусов.

Костик. А нам — что? Мы в лед вросли. Нас крен и на девяносто градусов не скопытит. Самый стояк!

Федюля. Спирт стакану — не обуза.

Татьяна Сергеевна. Я вам не компания. Да и поздно уже. Пойду.

Костик. Ой ли? Пойдете! Куда вы пойдете на ночь?

Татьяна Сергеевна. Как пришла, так и пойду. Привычная.

Костик. У нас крен на сорок. А у вас? У вас вообще крыша поехала, доктор! Напоритесь на шатуна-якута, и полный шахсей-вахсей. Он вам шею свернет на все сто восемьдесят.

Татьяна Сергеевна. Не свернет! Я у вас одолжусь ружьишком. Есть у вас ружьишко, Костик?

Костик. Как не быть? Под койкой у Федюли. Но... доктор! Как вам ствол? Он... того... нам под расписку даден...

Татьяна Сергеевна. О неразглашении?

Костик. Чего? А-а, язвите с устатку. Дело хорошее. Мы не в претензии. Ствол нам даден для охраны груза. А груз у нас приметный... На нюху у каждого зверя в человечьем обличье. Спиртяга.

Татьяна Сергеевна. С вашим аппетитом, Костик, вы весь свой груз...

Костик. До навигации, хошь сказать? Не боись, доктор! Не пропьем — некуда стеклотару сдавать. А если под серьез подвести... Мы, Татьяна Сергеевна, не дуриком лезем в горлышко. Что положено на усушку, то — да! — прямым ходом в пасть, как пить дать. А что не положено... За «неположено» — тюрьма. Мы, доктор, свои права, знаем.

Татьяна Сергеевна. На спиртовом дыху мозги выветриваются.

Костик. В этом вы правильный курс держите. На спиртовом духу человек начинает ноздрей думать. Кого наш спиртовоз ни притягивает, дай только запашку поднаглеть. Даже шатун-якут, и тот повадился. Следами кружит вокруг баржи, а зайти стесняется.

Татьяна Сергеевна. Гостинца не припас на обмен?

Костик. Он без гостинца не заходит. А гостинец его — жакан убойный. Правильно я говорю, Федюля?

Паренек уже тихо посапывал. Откликнулся спросонья.

Федюля. Чо?

Костик. Докторша вот надумала драпать.

Федюля. А я?

Костик. Ты — выздоравливай сам!

Федюля. С твоей, видать, помощью, Костик? Твоя помощь, паря, известная. Спасибо, что не убил.

Костик. Ну, болотун! Все по природе, малец! Сильному — право, а с правом — и верх. Правильным я курсом иду, доктор? Или в ваших Палестинах все наоборот?

Татьяна Сергеевна. Налей уж, Костик. А то говоришь-говоришь, поскользнешься на языке и зубы сломаешь. Лучше уж выпьем за здравье, чтобы не пить на упокой.

Костик. А что? И убить горазды?

Татьяна Сергеевна. По мне, важнее исцелять. Некоторых и от каши в голове.

Татьяна Сергеевна пододвинула к себе тумбочку, высвободила от газет вторую табуретку для Костика. И подставила стаканчик...

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Судорожно, двойным глотком, в перехват горла Татьяна Сергеевна вобрала в себя студеное питье, поспешно закусила кондевкой и лишь потом вспомнила о запивке. Потянулась стаканчиком к Костику. А он, оказывается, уже позаботился: впритык к бутылке поставил эмалированную кружку с водой. Движение же Татьяны Сергеевны истолковал превратно. И чтобы угодить, поторопился, плеск-плеск, девяностоградусного спирта, наскоро, с переливом.

Татьяна Сергеевна. Повремени.

Костик. А мы и не заставляем! Кто сколь может! — (И к Федюле).— Правильным я курсом иду, паря?

Федюля. Чо?

Костик. Да ничо... Правильно?

Федюля. У тебя всегда правильно, пока не убьешь невзначай.

Костик. Поговори мне!

Федюля. А чо?

Костик. Через плечо! «Отговорила роща золотая».

Татьяна Сергеевна. Есенин?

Костик. А то! Мы могем ходить конем! Надо, и в рифму впряжемся на раз... Если жить, как жить, по уму, без дураков, в получку положенных!

Татьяна Сергеевна. Ладно, ребята. Выпьем за вас.

Костик. Пей до дна! Пей до дна! Там на дне любовь видна!

Федюля. Видите, как обрадовался, что уговорил вас. Для него «своя» — это всегда праздник.

Костик. Вот вы, доктор... вы по музеям ходили. Деньги выкладывали за входной билет, смотрели на разных Рембрандтов. Репин там, Левитан... А у меня музей без входного билета! Бесплатно! Здесь! На борту баржи! Федюля!.. Мозгов бы ему поболе — продавай в Эрмитаж.

Татьяна Сергеевна. Мозги?

Костик. Мозги ему высыпали. Их не продать. А картины...

Федюля. Помолчал бы в тряпочку.

Костик. Прикиньте, доктор. Вот живем-живем, хлеб жуем, ухом не ворочаем. Стрельнем какого зверька — на мясо. Мясо съедим, белым запьем, и под кусты. Тишь да тоска мухобойного времени! Ну и? Пусть так, вы умная, я не очень. Но и мы — мы! — можем. Можем, Федюля? Можем! Правильным я курсом иду, Федюля, а?

Федюля. Другого у тебя не бывает.

Костик. Слышали? Федюля — на полном согласии. А он не простак, а мастак, если в рифму. Мастер художественного промысла! Он вас, Татьяна Сергеевна, проявите лишь понимание на копейку, изобразит на рубль с полтиной. И будете красоваться на портрете, как живая.

Татьяна Сергеевна. Я и без того покрасовалась

Костик выволок из-под Федюлиной подушки коленкоровую папочку с тесемочками. Хлопнул ею по ладони, для звука богатырского, и протянул гостье первый из наугад выхваченных листов.

Костик. Мы можем, доктор! Можем! Глядите, завидуйте, я человек! Мой дюжий талант не растает, как снег!

Видя, как Татьяна Сергеевна, взяв лист ватмана, жмурится от нехватки света, Костик затеплил на тумбочке огарок свечи, потом еще один на приклепанном к переборке угольнике, где и оставил коробок спичек.

Татьяна Сергеевна. Не понимаю...

Костик. Что «не понимаю», доктор? Я вам подсунул не историю болезни.

Татьяна Сергеевна. Не понимаю... Федюля, ты где-то учился этому?

Федюля. Не-а!

Татьяна Сергеевна. А с какими художниками знаком?

Федюля. Лично?

Татьяна Сергеевна. По альбомам хотя бы...

Федюля. У нас разве что настенный календарь купишь.

Татьяна Сергеевна. Как же тогда? У тебя линия... композиция... прием... Да и похож ты... Это не придумано. Дважды одно и то же не придумывается. Твое... Как бы это тебе разумно объяснить? Твое, понимаешь, от него... Ты похож... знаешь, на кого ты похож, Федюля?

Костик. На папу! Я же говорил: он не пальцем деланный. Он и сам уже способен мальца заделать. Только пригласи — будет вам чудо заморское, как на роду написано.

Татьяна Сергеевна. Погоди, балабол! Он похож... Как это может быть?

Федюля. Мне дадено.

Татьяна Сергеевна. У меня муж...

Костик. Тот, кто за визой рванул?

Татьяна Сергеевна. Других не держим! Так вот... Мишаня мой по образованию искусствовед. И я, надо сказать, под его влиянием поднаторела.

Костик. Дурак он у вас, простите за резкость!

Татьяна Сергеевна. Если бы так, Костик. Всем бы жилось полегче. Дуракам — счастье, а женам их печатные пряники и расписные кокошники.

Костик. А чего он вас тогда с курса сбивает? Голубая кровь...

Татьяна Сергеевна. (Будто кому-то подражая). А променяла на...

Костик. На европейскую, Татьяна Сергеевна. Европейскую. Мы без этих. Нам что француз, что арбуз. Одно едино — за Уральским хребтом, Европа! Все бы им нашенское вывозить. Свое создать не способны — нашенское им подавай за бесплатно! Вот разродитесь там, глядь, и впрямь чудо явите из чудес. И опять они за наш счет — впереди планеты всей. А мы? Мы не умы! Правильным я курсом иду, доктор? Я — то правильным. А вы — увы, как говорят знающие люди! И кто же вас сбивает с пути?

Татьяна Сергеевна. Не он, Костик. Не Мишаня... Успокойся. Да и вообще, родись он, где нужно... Не сидел бы в местной газетке, не гнал бы строкаж о коровах, надоях. Он музейный эксперт, Костик... Талантливый человек.

Костик. Как Федюля?

Татьяна Сергеевна. В другом смысле... Эксперт от Бога! Если я разглядела в этих рисунках Шагала, то можешь себе представить...

Костик, перебивая. Куда шагала?

Татьяна Сергеевна. Вот-вот...

Костик смутился.

Костик. Я не деревня!

Татьяна Сергеевна. Какая разница, да пусть городской! А город у нас, город! Бревенчатый, изба на избе — допотопное зодчество! В гордом одиночестве торчит посредь тайги, один на пятьсот верст по округе. Минус сорок. Канализации нет. Водопроводом не обзавелись. Воду таскай коромыслом из проруби. Так кто мы, киренские? Не деревня?

Костик. Себя, Татьяна Сергеевна, величайте, как слово на язык напросится. А меня не невольте. Я Петропавловский!

Татьяна Сергеевна. С каких это пор ты стал городской?

Костик. Было однажды: делать из нашего села город. Но не позволили в Иркутске, в области. Два города на один район — замного, постановили в центре, передерутся еще, кого звать столичными.

Татьяна Сергеевна. Столичные вы, не столичные... Называйтесь хоть заграничными! Каждый — иностранец Федоров! А по большой нужде приспичит, бегать все равно на двор. В дощатик. Дикость, как при атамане Бугре — основателе Киренска, триста пятьдесят лет тому назад. Цивилизация!

Костик. Не накладывайте резолюцию, Татьяна Сергеевна. Доктор вы по другим болезням. Вот я недавно прочитал: динозавры жили шестьдесят миллионов лет подряд, и ничего — ни следа. А мы, человеки? Подумаешь, и десяти тысчонок нам не настукало.

Татьяна Сергеевна. Динозаврам, Костик, во двор при минус сорока ходить не понадобилось. Они предварительно вымерли. От страха, за участь...

Костик. (Под смех Федюли). Своих яиц?

Татьяна Сергеевна. Пусть так...

Костик. Ладно, Татьяна Сергеевна, не будем думать яйцами. Я посоветоваться хочу. А не попробовать ли нам опять, петропавловским?

Татьяна Сергеевна. Что? С динозаврами соревноваться?

Костик. А то самое! Взять да перелицевать себя в городские нынече. Времена покамест мирные: загривок топором не причесывают. Разродились бы у нас, в Петропавловске, а? Глядь, малец и впрямь чудо, с небесным знаком отличия. Соображаете, какой резонанс в мире? Новое Пришествие! Новое Пришествие! Паломничество к нам тотчас начнется. И сразу прав у нас на городское наименование прибавится. К тому же, для укрепления рейтинга, можно напомнить: в прошлом здесь и сам Косыгин, Алексей Николаевич, уродился. И предки его, купцы богатейшие. А не уродился, так жил и работал. В двадцатых — прослышали? — верховодил у Киренских кооператоров, писал в нашу газету.

Татьяна Сергеевна. Скажу тебе по секрету, Костик, чего не знаешь. В семьдесят третьем, когда Косыгин гостил в нашем регионе, редакция «Ленских зорь» из этих заметок газету для него на ватмане напечатала. В одном экземпляре. И преподнесла в дар. А он нам за это — «Орбиту» поставил. Вот телек и смотрим.

Костик. А то! Какой секрет? Слышали! По личному своему указу! Значит, есть смысл и сегодня кого попросить из большого начальства. Разделите вы по личному своему указу, господа хорошие, нашу территорию по уму. На два района. Киренский и Петропавловский. Чтобы стенкой не ходить на стенку, не гоношиться — кто столичный, кто глухая провинция. Правильно я говорю, а, доктор?

Татьяна Сергеевна. (Пожала плечами). Я знаю?

Ей было не до Костика. Она изучала содержимое коленкоровой папочки. Переворачивает листы, рассматривает рисунки.

Татьяна Сергеевна. И Шагал из-за отсутствия красок рисовал в двадцатых годах ламповой копотью.

Костик. Ну?

Татьяна Сергеевна. Что?

Костик. Ну, так я интересуюсь, доктор. Дайте диагноз. Правильно мы пьем, по поводу?

Татьяна Сергеевна. Вы пьете правильно.

Костик. Налить?

Татьяна Сергеевна. Налей! И я выпью правильно.

Костик. Мозги, видать, не заклинило. А то я и так и этак ему: рисуй акварелью, цветные картинки всегда симпатичнее. Нет, натягает из керосинки грязи, разбавит водичкой, и ну возить по бумаге. Думал я, срамотища! Потом думал — а хрен его знает! Теперь хочу думать — а почему бы не в музей?

Татьяна Сергеевна. В музей?

Костик. А то! Ваш муженек — мы прослышаны — со всеми музейными наперечет знаком.

Татьяна Сергеевна. Этого мало.

Костик. А пусть пригрозит: здесь Федюлины картинки не возьмете на выставку, я их в Париж увезу, за деньги там показывать буду.

Татьяна Сергеевна. Мы не в Париж собрались.

Костик. А хоть и в Палестины!

Татьяна Сергеевна. Разрешаешь? В ущерб Петропавловску?

Костик. Ну...

Татьяна Сергеевна. Петропавловску Федюлины картины не по карману?

Костик. Не по мозгам. Было еще на что им гроши тратить.

Федюля. Отстань! Дай Татьян Сергевне!

Татьяна Сергеевна. Откуда ЭТО у тебя?

Федюля, не поняв. Этот? На крыше избы? С дудкой? Который коров собирает?

Татьяна Сергеевна. ЭТО...

Федюля. А-а... Папаня картинки привез. На стенах прикнопил.

Татьяна Сергеевна. Он бывал в Витебске?

Федюля. Чо?

Татьяна Сергеевна. В городе, спрашиваю, Витебске? Рисунки — оттуда?

Федюля. Не-а! Из Костикова села. По плотницкому делу, когда судно зимой на приколе, их выкомарил. В Петропавловском, на халтуре. Раскатывал там богатую избу. Наследнички упросили — перебирались в Киренск, на столичное житье. Как им на новом месте без избы?

Татьяна Сергеевна. Я о рисунках...

Федюля. И я о том же. Там, в той избе, на чердаке, и выкомарил папаня картинки. Там еще, в сундуке, керенки были. Но куда с ними нынче? Селедку в них заворачивать — себе дороже. Вот папаня и сдал их в нашу школу, в музей, стало быть. Об этом даже в газетке нашей, в «Ленских зорях» писали.

Татьяна Сергеевна. Мой муж и писал.

Федюля. Помню. Называлась статья — «Ценная находка».

Татьяна Сергеевна. А подпись... Не помнишь?

Федюля. Почему? Я еще из памяти не вышел. Большими буквами было — МИХАИЛ ГОЛЬДИН.

Татьяна Сергеевна. А внизу? Маленькими?

Федюля. Во пристала! Всего не упомнишь, Татьян Сергевна.

Татьяна Сергеевна. Внизу... маленькими... «искусствовед».

Федюля. Куда это вы клоните, доктор?

Татьяна Сергеевна. Лучше бы твой папаня ему рисунки Шагала показал. Это же!.. Это же... неизвестные работы Шагала! Революция в умах! Событие на весь мир! А то керенки. Подумаешь, невидаль.

Федюля. Спасибочки, вам Татьян Сергевна! А вы задумывались, какие украшеньица у нас в избе? Фотки родичей, да и те выцветши. А тут картинки... Папаню не проведешь. Дашь кому посмотреть, назад не допросишься. А что на стены кнопить? От вашего наива страдать умом станешь...

Татьяна Сергеевна. Какое у тебя образование, Федюля?

Федюля. Восьмерка. И курсы речников.

Татьяна Сергеевна. А дальше?

Федюля. Чо?

Татьяна Сергеевна. Учиться.

Федюля. Век учись, Татьян Сергевна, все равно дураком помрешь.

Татьяна Сергеевна. Все-то у тебя, парень, просто.

Костик. А чего сложного в жизни. Жизнь одна. И с ней обходись попроще. Как с собакой. Встать! Лечь! К ноге!

За дверью заскулила собака, скребя когтями по дереву.

Татьяна Сергеевна. А ты, Федюля? Как ты?

Федюля. А так, Татьян Сергевна! Я за правильное житье. Чтобы мне — мое, ему — его. Он в том разе не позарится на мое, я на его. И все миром. Иначе война, и руби головы. Чего проще?

Татьяна Сергеевна. Проще? Федюля, как же проще, когда себе противоречишь? Вот, например, ты. Сам того не ведая, ты позарился на весь мир.

Татьяна Сергеевна выжидательно постукивала пальцем по коленкоровой папочке.

Федюля. Я? Дался вам этот мир, доктор! Мне этот мир и даром не нужен!

Татьяна Сергеевна. А если прославишься?

Федюля. Чо?

Татьяна Сергеевна. Если твои картины будут выставлять в музеях? Если о тебе будут писать в газетах?

Федюля. Газеты... это... Я в газеты плохо верю, Татьян Сергевна. У них дурной глаз. Про папаню разок прописали. Мол, унаследовал он тропку-чудесницу. К Юмале, богине Сибири, литой, понятно, не из сургуча, что на почте. Из самородного золота. Прописали и забыли. А папаню за эти писания... Где тропка? Где золото? И в прорубь...

Костик. Так на слуху. А что всамдел произошло с батяней — никто толком не знает. Глядишь, и сам по пьяни нырнул. Известно лишь, что секрет этой тропки с концами ушел под лед. И теперь, пока не сыщут деда его, Федюлиного, стал быть,— никто не доберется до Золотой бабы. Дед у него шаман. Может, наслышаны? Григорий Конда.

Татьяна Сергеевна. Как же! Слышала. От Фрола Красноштанова, бакенщика. В его избе я и окоренилась с тех пор, как приехала лечить старика. Странный мужик был, собственную смерть день-в-день предсказал.

Федюля. Чепуха! Какие у него, кегебешенного пытателя, предсказания? Это все мой дед!

Костик. Шаман!

Федюля. Сам ты шаман! Дед — большой человек! Всей Сибири властитель! Сколько лет по тайге бродит, вроде пропал совсем. Ан нет! Каждое его слово докликивается до людей — почище вашей газеты. Помнят люди его, берегут от винтаря. И передают тишком, не-а, не старое, а сего дня молвленное. И где молвленное? В такой задыми, что... Как с того света дед говорит. И аукается каждому его слову тайга.

Костик. Не врет. Люди слушают. А потом слово, сказанное им, само собой выполняется — факт!

Федюля. Вот прорезалось у деда, мол, помрет вскоростях Фрол Красноштанов. И чо? Фрол перечил, гоношился, как по молодости, когда пытал деда паяльной лампой? Не перечил слуху, не гоношился. Отправил писулю в пароходство — «пришлите кого-нибудь в помощь». И все тут.

Татьяна Сергеевна. Э, нет, Федюля! Неправда твоя. Фрол лично мне божился — предчувствие у него.

Федюля. Фрол от дьявола! Он тут Че-Каблучил! Че-каблучил, людей в гроб загонял. А вы — божился... Значит, допекло! И все же, лучше, не божился, Татьян Сергевна, а сказывал? Согласны?

Татьяна Сергеевна. Пусть сказывал... Что это меняет?

Федюля. А то! Сказывал, да не все, Татьян Сергевна! Сказывал он, откуда взялось такое предчувствие? Не морщите лоб, не сказывал. А взялось оно не с неба. От меня! Проходил я на барже мимо бакена, а мне голос дедов. «Спусти якорь, иди к Фролу Красноштанову. Иди и скажи ему: «Смерть твоя пришла, Фрол! Заканчивай свои земные дела, и собирайся в дорогу». У них, Татьян Сергевна, давние счеты. Это сейчас Фрол был при полезном деле... А раньше... раньше — говорят, по приказу самого Сталина — вылавливал из тайги Золотую бабу. «На фига твоей потайной женщине в снегах укрываться? — теребил деда под присмотром винтаря.— Золото — это народное достояние!» Однако дед не подался Фролу. И богиню Юмалу не отдал на растерзание. А накричал-напророчил: «Будешь ты бирюк бирюком, без жены, без детей, и Че-Каблучить тебе разохотится! А умирать будешь, о Боге вспомнишь».

Татьяна Сергеевна. Подействовало?

Федюля. Вы свидетельница, Татьян Сергевна.

Татьяна Сергеевна. Умирал он у меня на руках...

Федюля. Прощение просил?

Татьяна Сергеевна. Просил. У меня просил, за все прегрешения. Странно, что у меня. Но... Знаете, ребята, еще он просил поставить на помин его души свечку в Храме Гроба Господня.

Костик. Это — где? В Иерусалиме?

Татьяна Сергеевна. В Иерусалиме.

Костик. Поставите?

Татьяна Сергеевна. Поставлю, если вы меня отпустите в Израиль.

Костик. Я отпускаю.

Татьяна Сергеевна. Федюля?

Федюля. А картинки мои повезете к вашему Шагалу — на проверку достоинств?

Татьяна Сергеевна. Шутишь?

Федюля. Я не шучу... Ни папани, ни деда в наличии. Какие шутки? Сеструху снасильничали, померла. Да и маманя... Живет ли, нет — на лбу словом не написано. Вот такие, Татьян Сергевна, наши с вами пироги с капустой. И кому все это было нужно?

Татьяна Сергеевна. Не кому, а — зачем?

Федюля. Вы о чем?

Татьяна Сергеевна. О себе я, о себе...

Федюля. О себе не во вред. Хуже, когда о всем человечестве.

Татьяна Сергеевна. Честно, не только о себе. О тебе, Федюля, о Костике...

Федюля. И обо всем человечестве?

Костик. Мы могем — ходить конем! А?

Татьяна Сергеевна. Мне подумалось невзначай, ребята... как бы это вам?

Федюля. Не маленькие.

Татьяна Сергеевна. Вижу, большие! Тогда поломайте со мной голову над одной мыслью. Как это так получается, что Гитлер и Чаплин родились в один день. 20 апреля 1889 года...

Костик. Было над чем думать!

Татьяна Сергеевна. Не густо!

Федюля. А он на другое не способен. Ему щец пожиже, но побольше, до зелененького ранта на тарелке.

Костик. Ладно, уймись, философ хренов! Тебе уже зелененькое мерещится. Скоро и до зеленого змия докличешься.

Федюля. Змий, не змий. А дед... Тут он — мельком прошмыгнул... И смерть заглядывала, как с того света...

Костик. Опять? Хватит тебе, не шамань! Думает твой дед о нас, как же! Сгнил уже, вывонялся весь до косточек! Возле разлюбезной своей Золотой бабы!

Федюля. Сам ты вывонялся!

Костик. Говорят, говорят о нем... А кто его видел вживую?

Федюля. Фрол его видел. В том году, когда сеструху снасильничали. Сам и передал мне приветствие. «Приходил твой дед Григорий,— сказал мне.— И пообещал, что предупредит меня о смерти, чтобы мог я по-хорошему подготовиться, грехи отмолить». И еще сказал, смерти боялся вот и сказал: «Чистый я перед дедом твоим Григорием. Не я его убил, он меня. Так пусть на меня зла не держит».

Костик. А ты, Федюля, ему и поверил?

Федюля. Перед смертью не врут. Перед смертью уже знают. Там суд правый. Ежели загодя совесть не отмоешь, там все твои пятна проступают наружу. По ним и читают повесть жизни твоей.

Костик. Брось! Станет Фрол выводить пятна загодя!

Федюля. Станет. Когда за плечами — смерть, баловству конец. Лицом повертываешься к Богу.

Костик. Федюля! О чем ты? У тебя же Бог из золота... Забыл?

Федюля. Не важно, какому Богу молиться, верят-то в Единого. Молитвы всегда направлены к небу. Даже у Фрола. Пусть и не верил, а душу все равно отдал Богу.

Костик. Кто докажет?

Федюля. Я...

Костик. В окошко подсматривал?

Федюля. Не без этого.

Костик. И как Он выглядит?

Федюля. Своего Бога каждый видит по-своему.

Костик. А свою смерть?

Федюля. Свою смерть не дано увидеть. Чужую — да, свою — нет.

Костик. Ну и как она, чужая?

Федюля. Оглянись и подумай!

Костик. Да ну тебя, черт никулинский! Запугаешь!

Федюля. А ты не пугайся, Костик. Тебе один фиг, что назад глядеть, что вперед. А мне — страшновато. Вижу, таится она тут у баржи, в каюту пару раз захаживала.

Костик. Костлявая? С вострой косой? Так и выглядит?

Федюля. Она в каждом из нас по-своему выглядит.

Костик. Моя покраше твоей будет? Ну, художник, рисуй!

Федюля. Не то, Костик. Не то... Своя смерть всегда красива. А вот чужая... В нас, паря, живет и чужая смерть. Но не в ружье она, не в заточке. В душе... или еще где, назвать не берусь. Но в нас. Это точно. Это проверено. Не веришь? Что ж, приметь, во что выливается твоя ненависть и во что моя. Твоя в кулаки, в кулаках она и гаснет. Моя — в долготерпение. А долготерпение — это не смирение отнюдь. Это, в итоге, пуля. Тебе нужны примеры? К слову, ты, конечно, глух, да? Примеры — тайна моя. И все же... Никто никогда ничего не докажет! Слушай! Помнишь капитана Толмачова? Как он выжимал из меня масло, помнишь? Он ведь чего хотел? Он хотел — да ладно, догадываешься! И вместо того, чтобы меня... сам угодил, козел, в задницу! Помнишь, перед половодьем махнул он по Лене? «Эх, прокачу!» И куда? Загулял в полынью, к рыбам на свадьбу. Так что, Костик, не робей. Нам, Никулинским, не привыкать. Мы и смерть посылаем по указанному адресу.

Костик. Заказным?

Федюля. Не письмом, не телеграммой. А живой молнией.

Костик. Пошел бы ты, Федюля, знаешь куда?!

Татьяна Сергеевна. Ребята, угомонитесь!

Костик. С ним всегда так! Путем и не выпьешь! Кладбищем умоет. В могилу сведет. Черт бы его побрал!

За дверью отрывисто залаяла собака.

Федюля. Чужой!

Костик достал из под Федюлиной койки ружье, положил его на свою, под небрежно взведенную на одеяле складку.

Татьяна Сергеевна. А без этого нельзя?

Костик. Без этого? Вы думаете, доктор, он приволокся сюда ради ваших прекрасных глаз?

Татьяна Сергеевна. Комплименты в следующий раз!
Костик. Прослышал — спирт на борту, вот и приволокся!

ЧУЖОЙ

В каюту вошел незнакомец. Ружье за спиной, на поясе финка с наборной ручкой. Потер ладони, потрепыхав висюльками-рукавицами, подвешенными на резинках к обшлагам телогрейки.

Рогычаев. Будем знакомы! Алексей Рогычаев! Я с зимовья, тут недалече.

Понес руку, угадывая старшинство. Сначала Костику. «Будем знакомы!» Потом Федюле. «Рогычаев!» Обошел тумбочку, и к Татьяне Сергеевне. «Приветствую, Алексей!»

Присел на табуретку. Поправил ружье, чтобы не мешало прикладом. Опустил в ноги рюкзак. Выжал в горсти бороду, без потери для упрятанного в ней серебра.

Рогычаев. А вы с дамой... Хвалю!
Татьяна Сергеевна. Я доктор.
Рогычаев. А я моряк. Что это меняет во глубине сибирских руд?
Татьяна Сергеевна. Я настоящий доктор! Он заболел... Федюля... Вот меня и вызвали...
Рогычаев. Вызвали и вызвали... Зачем кипятиться-оправдываться?
Татьяна Сергеевна. Вы, Алексей, на Деда Мороза похожи. Вам согреться — не во вред.
Рогычаев. Греются из нутра.

Костик поднялся с койки.

Костик. За гостя и не грех выпить.
Рогычаев. И гостю не грех. А то гость до костей сомнамбула, и ни на грамм человек.

Взял стаканчик, протер усы и с легкостью таежника вобрал в себя питье.

Рогычаев. Да-а-ах! А мне сегодня, братишки, сороковником стукнуло. Круто это, круто, когда так, ни с того ни с сего, бац, и готово! Жили — жили и дожили!.. Пятый десяток. Да-а-ах!.. Спасибо за угощеньице.
Татьяна Сергеевна. С праздничком!

Костик разлил остатки по донышкам, чокнулся с Рогычаевым и поспешил на выход.

Костик. Я за припасцем. Обмоем праздничек. Выпьем раз, выпьем два, чтоб кружилась голова.
Рогычаев. Поэт?
Федюля. Это иногда на него находит.

Рогычаев внимательно посмотрел на Федюлю, словно пытаясь что-то вспомнить.

Федюля также внимательно посмотрел на него, и вернулся к карандашному наброску — к женскому портрету, над которым некоторое время уже работал.

Татьяна Сергеевна. Встречались?

Федюля. Сибирь большая.

Рогычаев. Как океан. Идешь-идешь, суши не видишь. И вдруг вахтенный на клотике: «Берег! Берег!» В этой ситуации и чужой берег — великая радость. Вот как сейчас. Как здесь. На чужом берегу, а душа — греется, отмерзает.

Федюля. Костик принесет добавки, станет совсем тепло.

Рогычаев. Я к вам не по-пустому. Так что не будем!.. Примите привет от Лени Красильникова, из Кузьминок. Мы с ним в зимовье напару живем. Белкуем понемногу.

Татьяна Сергеевна. Сколько же вы там выпили?

Рогычаев. Было.

Татьяна Сергеевна. Тяжко?

Рогычаев. Не знакомо?

Татьяна Сергеевна. Сейчас Костик вернется. Полегчает.

Рогычаев. Вот вы о чем...

Татьяна Сергеевна. О чем же еще? О мировых проблемах?

Рогычаев. Да сорок мне, сорок! Не понимаете? А жизнь...

Татьяна Сергеевна. Не у каждого слаживается.

Рогычаев. Слаживается — не слаживется! Жизнь — не кубики! У меня жизнь — подмечу для верности — как раз всю жизнь и складывалась. Эх, и боевито гулял я, милая вы моя женщина! Под килем семь футов и форштевнем брызги разбрасывай! Эх-ка! Подперло — сорок. Снегом проросла шевелюра. Да и времечко на дворе, снегом засеянное. Белкуй! Отоваривай отпуск. Но тоска, тоска! Вдруг повалит, как тот же снег, и хоть умри на месте. Утеряно, все утеряно! Сорок — и никакого события! Как с морскою границей. Своя территория — нейтральные воды — загранка... Вода, сколь не изучай ее сквозь окуляры бинокля, везде одинаковая. Та же свинцовая угрюмость, та же неторопливая волна. Кинься в эту воду, те же несколько минут определены тебе до разрыва сердца. А тут — сорок лет, и ничего! Глушь — смурь — тишина!..

Татьяна Сергеевна. Знакомо... Местная...

Рогычаев. Местная — уместная! Можно подумать, я без понятия. Я о вас еще до вашего рождения наслышался. От бабушки-дедушки. Будет, мол, у Кима Кудесника внучка-пра-правнучка, краса ненаглядная. Как соберется на Земли Обетованные, знайте, время настало. Пройдет узаконенный срок для рождения ребенка, и ждите Нового Пришествия.

Татьяна Сергеевна. Очень остроумно!

Рогычаев. Со стариков какой спрос? Не я сочинял. По сказкам я не мастак, а вот курс проложить... Могу быть проводником. Хоть до Хайфы. Я ведь моряк-загранщик. По морям — по волнам, нынче здесь — завтра там. По молодости не в речники махнул, как другие, а в мореходку, и «прощай, любимый город, уходим завтра в море». Море — это не Киренга и не Лена. Море!.. Бывали?

Татьяна Сергеевна. На Рижском взморье...

Рогычаев. Рижский залив — не море. Я вам больше скажу, даже Балтийское море называют Балтийской лужей. А вы — «пляж-пляж, золотой песочек!»

Татьяна Сергеевна. Ничего подобного я не говорила.

Рогычаев. Еще скажете.

Татьяна Сергеевна. Ничего такого я не скажу.

Рогычаев. Давайте на спор.

Татьяна Сергеевна. Уймитесь, Рогычаев!

Федюля. Она замужем!

Рогычаев. Я... я без намерений.

Татьяна Сергеевна. Вы женаты?

Рогычаев. И да, и нет, сейчас трудно сказать. Мне печать нужна была для паспорта, чтобы в загранку ходить.

Татьяна Сергеевна. Ох, мужики! Как это так? Жить и без любви?

Рогычаев. Да не живу я, Танюша! Можно вас так называть?

Татьяна Сергеевна. Называйте так, если вам легче от этого на душе.

Рогычаев. Старый, да?

Татьяна Сергеевна. Глупости!

Рогычаев. Хотите без глупостей? А если без глупостей, то... Не живу я вовсе! Не живу я!.. Разве это жизнь? Сороковник, и никаких событий! А любовь? Была у меня любовь. Как без любви? Я о настоящем говорю. Из-за меня... из-за любви неразделенной, можно сказать, одна девчушка тут даже...

Федюля. Вешалась?

Рогычаев отстраненно посмотрел на Федюлю.

Рогычаев. Скажешь, паря, не подумав. Потом душа болеть будет. Эх, чего там! Не будем старое вспоминать, нервные клетки не восстанавливаются.

Татьяна Сергеевна. Это на Балтике не восстанавливаются. А у нас, в таежной сутеми... у нас тут они восстанавливаются. Что им еще делать здесь? Или от скуки сходить с ума. Или восстанавливаться. Поверьте мне, я врать не буду. Все-таки врач.

Рогычаев. Отчего же, не поверить. Мы люди темные, врачу на слово горазды верить.

Татьяна Сергеевна. Тем-ны-е... По вам, Алексей, не скажешь, что вы — темный.

Рогычаев. От вас ничего не скроешь, Танюша. Родом я, правда, из Кузьминок — глушь глушью. Но отсюда по молодости лет рванул в Северную столицу, а там — мореходка и все остальное. Догадайтесь, кто я теперь по званию буду?

Татьяна Сергеевна. Небось, капитан дальнего плавания?

Рогычаев. Чиф!

Татьяна Сергеевна. А кто это такой?

Рогычаев. Старший помощник.

Татьяна Сергеевна. Неплохо. Что же вас забурило в тайгу? Погнали с мостика?

Рогычаев. Э-э, Танюша, как же это так, с мостика? Мы же, родная, просолены в морской купели, как сельдь. Нас куда ни кинь, хоть рылом в огород, все равно курс норд-ост, машинный телеграф на «полный вперед» и в открытое море по штурманской прокладке.

Татьяна Сергеевна. Почему же вы здесь? Не у машинного телеграфа?

Рогычаев. Да, отпуск у нас. На весь экипаж в один срок. А отпуск — ба-а-ль-шой, Танюша!

Татьяна Сергеевна. Как у медведя, когда спячка?

Рогычаев. Похоже. Мы же, родная, если в плавании, так без выходных. Вахта — в «солому», вахта — в «солому».

Татьяна Сергеевна. «Солома»?

Рогычаев. По-нашему — в койку. Я имею в виду — сон, ничего прочего.

Татьяна Сергеевна. Догадываюсь.

Рогычаев. Отгулов — нет, вот и накапливаются отпускные. На тот еще отрезочек времени. А куда потом с этим отрезочком? Ни друзей, ни знакомых на берегу. Ну и...

Море отпустит, тайга притянет — и вываливаешься, как за горизонт, за грань времени. Здесь-то, у вас, как на том свете, времени нет. Полное безвременье, по-нашему — штиль. Спускай паруса и — живи надеждами на счастливый случай. Авось подфартит... Нам бы, Танюша, попутный ветерок, а курс — не беспокойтесь! — мы проложим, не мешкая.

Татьяна Сергеевна. Красиво сказано. Будто вы и по сказкам мастак, Рогычаев. А?

Рогычаев. Не пишем... Э-э, да у вас здесь гитара!

Рогычаев снял гитару с гвоздика. Проверил настрой инструмента. Прежде чем сесть на табуретку, прислонил ружье к Федюлиной койке. Подвернул колки, подлаживая семиструнку под свой голос. И басовито затянул:

У компаса нет для нас
лишней стрелки про запас.
У компаса правило:
курс — «туда»,
хоть рвись — «обратно».
Уходить легко,
а приходить приятно.

Возвращаемся к жизни,
возвращаемся к жизни,
и к любви,
если жизнь — любовь.
А над нами
звезды нависли,
как гирлянды
непонятых слов.

Возвращаемся к жизни,
ребята,
и к любви возвращаемся
вновь.
Что нам нужно,
и много ли надо?
Только жизнь нам нужна
и любовь.

Татьяна Сергеевна. А вы душка, Алексей Рогычаев.

Рогычаев. Вот не думал. Просто — баловник я природы, вот и все.

Рогычаев положил ногу на ногу, усадил на колено гитару и стал наигрывать мелодию, косо поглядывая на Федюлю, который продолжал что-то рисовать, полулежа на койке.

Костик выявился в проеме двери с бутылкой спирта.

Костик. Будешь? Или как?

Рогычаев. Каком вниз.

Костик. Значит, не разбавлять, позабавишься чистым?

Рогычаев. Грязное отпил.

Костик плеснул в подставленный стопарь.

Рогычаев. Будем жить! И никаких гвоздей! Вот лозунг мой и солнца!

Костик. Будем! Однако не перевирай Маяковского, он этого и на том свете не любит. Просил ведь перед самострелом — «Не делайте под меня, делайте под себя!»

Татьяна Сергеевна. Костик! Не приставай!

Рогычаев. Оки-доки! Кто-то тут нами брезгает. Или мне мерещится?

Он поднялся с табуретки, протянул Федюле стаканчик.

Рогычаев. Не обижай! Кто не пьет, тот по нашим, морским верованиям, слушает лишнее. Или... уже набрался — под завязку?

Федюля. Это у нас? У Никулинских? Под завязку?

Рогычаев рассматривал нарисованную им картинку — графический портрет женщины.

Рогычаев. Эк-ха, братишка! Твоя препо-даваха и не смахивает на Танюшу.

Татьяна Сергеевна порывисто схватила рисунок. Действительно, не очень похоже. Отдаленное сходство есть, но...

Рогычаев. Танюша! Карандашику ли поспеть за мимолетным видением чистой красоты? Вглядитесь в себя. У вас глаза... Разве способен ленский тихоход ухватить их сияние? Моряком надо быть, чтобы увидеть их в истинном свете.

Татьяна Сергеевна. Из какого это заграничного фильма про любовь?

Рогычаев. Танюша! Не верите, обратитесь к зеркалу. Слово моряка, у вас глаза цвета морской волны. Такие бывают лишь у русалок.

Татьяна Сергеевна. А встречали?

Рогычаев. Русалок?

Татьяна Сергеевна. Их самых, Андерсоновских.

Рогычаев. Наше дело — морское. Курс — туда, хоть рвись обратно.

Татьяна Сергеевна. В Копенгагене, наверное, пересеклись по курсу?

Рогычаев. Э, нет, Танюша. Меня на ваших познаниях не проведешь. Каменная баба есть и в Таллине. Я о настоящих русалках. Не поверите, а ведь они существуют. Есть такое место в Риге, на выходе из Даугавы, там, где вода уже соленая... Так там они собираются. Ну-у... как на дикий пляж. И вытворяют по ночам... вытворяют... С одной я даже пообщался.

Татьяна Сергеевна. Давно это было?

Рогычаев. Поди, в мае.

Татьяна Сергеевна. Сейчас она, небось, на девятом месяце.

Рогычаев. Скажете, Танюша. Я о романтике, о возвышенном, о любви с первого взгляда. У русалок, учтите, только так. Влюбляются, и ни в зуб ногой!

Татьяна Сергеевна. Хвостом!

Рогычаев. Хвостом? Чего так?

Татьяна Сергеевна. Хвост у них вместо ног, Алексей. Или за любовными играми запамятовали?

Рогычаев. Ох, уж эти женщины! Все видят, все подмечают. Подумаешь, хвост. Не морж все же усатый, русалка! Красы необыкновенной. Посмотрит — рублем одарит.

Татьяна Сергеевна. А вы душка, Алексей, если не миллионер.

Рогычаев. Я не душка, Танюша, и не миллионер. Русалки наличные не носят — карманов нет. Просто я всю жизнь прожил среди людей, и никогда не был лишним.

Татьяна Сергеевна. А я вот — лишняя.

Рогычаев. Вы не лишняя, Танюша. Ох, как вы не лишняя! Загляните мне в сердце, увидите.

Татьяна Сергеевна. Соблазняете?

Федюля. Она замужем!

Рогычаев. И я — по бумагам — женат. Но сердцу не прикажешь. Загляните в душу мою, сердце открыто для каждого!

Татьяна Сергеевна. В вас, Алексей, бродят морские волны. Что я увижу в вашем сердце, кроме воды?

Рогычаев. Любовь, Танюша.

Татьяна Сергеевна. Вам еще выпить надо, Алексей. Вам это на пользу!

Рогычаев. Перельете!

Рогычаев перехватил ее руку, направленную к бутылке. Погладил успокаивающе, не стесняясь Костика и Федюли.

Федюля взял чистый лист бумаги и снова погрузился в рисунок, что-то бормоча под нос

Федюля. Однако памятью слаб, слаб ты памятью, Лешка! А кто памятью слаб, тот слаб и сердцем.

Федюля не был памятью слаб. Память его проявилась на листе ватмана, разумеется, не Татьяной Сергеевной, а Валюшей, старшей сестричкой: ее продольной складочкой на переносье, глупенькими — так уж ли глупенькими? — ямочками на щеках, смешинками в зрачках.

Складочка на переносье, ямочки на щечках, смешинки в зрачках... И все же мертвая!

Да и какой ей предстать перед тобой, морячок, если снасильничали, если вешалась?

Было так... Пили — ели — веселились. Маманя впервые после исчезновения отца нарядилась тогда, в цветастые шелка, хранимые в шкафу. Впервые гляделась тогда прежней, без визгливой слезы в голосе.

Было так... В Кузьминки, на побывку к родичам, прибыл морячок с Балтики. Загранщик Лешка. А с ним дружок его неразлучный Коля-Нос. Из Кузьминок шастали они к никулинским, мостились к маманьке и сеструхе. Маманька и подалась Лешкиным ухаживаниям. А Валюшка, как выяснилось, тоже в него врезалась, хотя Лешка рядил ей в кавалеры Колю-Носа. Не полюбился девчонке Коля. Лешку охотила. И выохотилась...

Маманя вроде перебрала. Прилегла. И он, Лешка-загранщик, вскоре прилег... Но напротив. К Валюше. А Валюша... Валюша не спала. Валюша дождалась, получается, своего часа. Грудью — о его золотые галуны. Щекой — о его шкиперскую бородку. Руками — за шею, притянула к себе — «Любый!..»

Тут и Коля-Нос подвернулся. Приволокся, весь в снегу, с полночных игрищ. Видит — такое дело. И переусердствовал в дружбе. Нырнул под одеяло к мало понимающей по отключке маменьке и сделал свое охотничье дело, чтобы на утро не кричала она Валюше — «Позор!»

А потом Валюша опомнилась, застыдилась. И кинулась со двора. Куда? Сама без

понятия. Кружило ее, как суводью, несло вдоль ледовой реки. А там, у тракта, приметили девчонку кузьминские, бывшие одноклассники, алкогольным градусом разгоряченные. «Ах, ты, девка — мата! От нас нос воротишь, а ему, с Европы,— пожалуйста!» Все проведали, змеиды, либо догадывались. Злость их тяготила. Набросились на Валюшу. И давай давить из нее воздух.

Не осилила себя Валюша, когда очнулась. Одна-одинешенька, и никого вокруг. А внутри — стыд! стыд! стыд! Жжет, выворачивает. Не выдержала. И через перепад чувств — в смерть — вешаться!

Проезжий шофер, Юркин-младший из деревни Орлова, вынул ее из петли, отвез на ЗИЛе в медпункт. Но там — что? — волшебники? Ноги-руки обморожены, резать их скальпелем. Отправили сестричку в Киренск. Но и в городской больнице волшебников отродясь не водилось.

Те не волшебники, эти не волшебники, а Валюши нет. И все, что произошло с ней,— сплошная ошибка.

Он, Лешка-загранщик, может быть, по ошибке...

Ты, Валюша, может быть, по ошибке...

Маманя из ума, как положено ей, по ее ошибке...

А ему — ему, Федюле, самому младшему, проясните, куда ему по его ошибке? Жжет его, милые вы мои, крапивная мысль: мы всей семьей для него, Лешки-загранщика, выслужились, подвели живехонького, ухоженного, будто под рученьки, к праздничку его, к сороковничку. Ему праздничек, надежды на будущее, а нам — воспоминания и слезы.

Где же тут справедливость?

ССОРА

Рогычаев поднялся с табуретки, глянул искоса на рисунок, завершаемый Федюлей.

— Да-а-ах! И эта неказиста.

Костик. Что ты понимаешь? Он почти Шагал! Татьяна Сергеевна говорила. А она понимает, что говорит.

Рогычаев. Я — нет?

Костик. У тебя пьяный язык.

Рогычаев. Тогда послушай, что я тебе скажу по-тревезому. Из дружка твоего Шагал, как из меня Шаляпин. Я Шагала!.. Я лично с Шагалом!.. Если ты хочешь знать... Лично с ним пил на Эйфелевой башне.

Федюля. Он, полагаю, непьющий.

Рогычаев. Пьющий! Непьющий! Много ты сечешь на своем ленском корыте. Он... он малопьющий, но пьющий. Факт мною проверенный.

Татьяна Сергеевна. На чем же вы сошлись, Алексей? На взглядах об искусстве? На «штурманской прокладке курса»? На «машинном телеграфе»?

Рогычаев. Шутить изволите, Танюша? На чем с ним не сойтись, как не на любви к России?! Он же наш насквозь человек, хоть и по-французски шпрехает. Услышал русскую речь, вот и подвалил к нашему столику. «Как живем, как можем?» — интересуется. Так и отбарабанили, борт о борт, всю ночную вахту.

Татьяна Сергеевна. Он тоже барабанил?

Рогычаев. Та-ню-ша! В нем та же музыкальная тональность, что и во мне. А не веришь, иди — спроси у него!

Федюля. С этого и начинал бы, паря, вешать лапшу на уши.

Рогычаев. Не трави концы, пацан! Я начинал, как все! С нуля! С такого же ленского корыта! Пройди моими путями, тогда и поговорим. Отсюда в загранку — это тебе не соболя в глаз. Доходит?

Федюля промолчал

Рогычаев. Да, согласен, из какой Роттердамушки легко шлепать домой. Рейс удобистый — «на коротком плече» называется. А в круговорот Земли нашей? Тошниловка! Гнусь! Накручиваешь на винт милю за милей. Наши, морские мили. У вас здесь мили на километры мерят. Дикари! Так вот, накручиваешь, а им, милям нашим, как в космосе, имя одно — бесконечность. Наконец дождались, впереди маячок. Не бакен ваш! Маячок — глаз родного порта! Причалишь и — баста! Весь мир позади... Там себя показали, тут покрасуемся.

Рогычаев, утверждая себя, поволок из Федюлиных пальцев лист ватмана. Но — захмелел! — нерасчетливо поволок. Карандаш побежал вниз по рисуночку, подпортил тускло выявленное лицо женщины.

Федюле была интересна реакция Лешки-загранщика. Вспомнит ли он, этот посланец смерти, пусть уже не Валюшу, а маманьку его, изображенную на втором рисунке.

Но не врубился Рогычаев в рисунок.

Рогычаев. И гуляем! Морячку положено, как прокаженному. Девицу привечаешь заграничными шмотками, официанту делаешь «шмайс». За все уплачено. Се-ла-ви, как говорят Шагалы, когда говорят на французском языке. А по-русски — такова жизнь! Жизнь, пацан! Жизнь! А в жизни как? В жизни все есть. И шмотки заграничные, и выпивка. А жизни... жизни самой... как не было, так и нет! Или... я ее за этими милями-километрами не увидел. И за это ты меня не уважаешь? Слову не веришь? А ведь я тебе честное слово даю — пил с ним, пил с Шагалом, на Эйфелевой башне! И чокаясь, и на брудершафт. А ты не веришь. Фома ты неверующий после этого, Федюля!

Федюля. Я не Фома.

Рогычаев (держит на отлете лист бумаги). И не Шагал! Не обижайся, пацан, но и эта... на Танюшу... не очень. Да и постарше выглядит. Одна молодуха, вторая старуха. Рисуй третью, возрастом промежду двух первых препо-давух. А мы пока выпьем.

Пошатывало Рогычаева над тумбочкой. Хотел рукой к бутылке, а не вышло. Уронил ее на пол грифом гитары.

Рогычаев. Та-ню-ш-ш, мы с тобой два сапога — пара. Невезуха нам — мать родная!

Федюля. Она замужем!

Рогычаев. Замужем — не замужем, какая разница? Брак закрепляется на небесах, а не в ЗАГСе. Там, на небесах, и Шагалами становятся. А не в снегах. Ясно? Тоже мне, художник, от слова — худо! Танюшу деревенской бабой изобразил, в платочке. А ты видел ее хоть раз в платочке?

Свое разочарование Татьяна Сергеевна выразила тягучим вздохом и неуверенно протянула руку за бутылкой. Но ее не оказалось на прежнем месте.

Татьяна Сергеевна. А выпить?

Рогычаев. (Костику). Кореш! Неси сюда еще одну полшу! Гулять, так гулять! За все уплачено будет!

Костик. А не переберешь?

Рогычаев. Я не фраер!

Костик. Но тебя уже кинуло на борт.

Рогычаев. Сказано тебе, я не фраер! И помни — к тебе не торговаться пришли. Во-о-о! Бери-принимай с моего борта на свой причал. Все, что настрелял, твое. Весь рюкзак! По-честному, а-а? Я — человек, кореш! И ты подражай!

Костик. А чему подражать? Что за невидаль такая в твоем рюкзаке? Пару собольков, горностай-альбинос, сколько-то белок. Но не аккуратные, не аккуратные. В крапинку-дырочку.

Рогычаев. Очумел? Да я в глаз без промаха бью!

Костик. Это — если кулаком да по хулиганке.

Татьяна Сергеевна. Костик!

Костик. А что, доктор? Проверим гостя? Каким это он из Европ своих к нам в тайгу приперся, а? Или в ваших Палестинах другого мнения люди?

Татьяна Сергеевна. Годи! Не приставай к человеку, обидится — разнимай вас потом.

Костик. Он обидится, доктор? Это я обижусь! Он мне соболишек, да? А зачем они мне, порченные, в крапинку-дырочку? По пьянке сделанные.

Рогычаев. Ты сам по пьянке сделанный, порченный, в крапинку-дырочку!

Рогычаев бросил гитару на кровать к Федюле, и — нащупывать ружье.

Татьяна Сергеевна. Алексей, прошу вас, успокойтесь.

Федюля. Не боись, Татьян Сергевна! Это как игра — таежная дуэль. Постреляют, но не до смерти. Так у нас принято, если не трус.

Рогычаев покопался в левом кармане телогрейки, взвесил на ладони пяток патронов.

Рогычаев. У меня тут на зайца... дробь.

Костик опоясался патронташем.

Костик. И у меня на зайца.

Рогычаев. Без обмана?

Костик. А говоришь «свой». Чужак ты, моряк дальнего плавания!

Рогычаев. А чем подсвечивать будем? Темно как у черта в заднице. А-а-а! Идея! Факела! Сообразим на двоих.

Рогычаев свернул в трубочку оба рисунка, заткнул их за пояс, изломав бумагу у финки с наборной ручкой.

Рогычаев. Федюль! Не печалься и не хмурь бровей. Все равно препо-давухи твои на Танюшу совсем не похожи. (Повернулся к Костику). Тебе, кореш, будет та, что постарше. Мамка-оберегательница! Мне молодуха — жаркий рот и два уха! По справедливости, да?

Костик. А спички у тебя имеются?

Костик поискал на железном угольнике-подсвечнике, над Федюлиной койкой, коробок спичек.

Рогычаев. Да есть у меня спички! Кто по тайге без спичек бродит?

И пошел из каюты.

Костику самое время поспешить за ним, повиниться в непреднамеренной задержке. Но Федюля... Федюля... Занедужил. Бормочет, как наговаривает.

Федюля. Он, хромосом этот, послал на смерть мою Валюшу. Ты отправишь его за ней.

Костик. Не подправляй мою руку, шаман!

Федюля. Рука в тебе не твоя, паря. Моя рука в тебе.

Костик. Чокнутый ты придурок! И лечить тебя от расстройства мозга — кулаков не хватит. Медицину тебе подавай...

Костик взглянул на Татьяну Сергеевну: голова на груди, глаза закрыты — умаялась, спит... Махнул рукой. И к иллюминатору. Как там Чужак?

Рогычаев пританцовывал на Ленском льду, с первой спички поджигая бумажные факелишки.

Рогычаев. Костик-чехвостик! Мили на километры мерит, мудило. Мерь — не перетрудись глазом. Испортишь его здесь снежной искрой, век не видать себя в дальнем плавании, с заходом в «братский» на шмотки порт. Салага! Тебе, шмотки, понятно, подай. Шмотками, не ропщи, отоваришься в море. А жизнью? Жизнью, салага, не отоваришься ни на «коротком плече» — где-нибудь у финнов либо шведов, ни на «длинном» — хоть в какой их карнавальной Бразилии. Жизнью — учти и помни, пацан! — отовариваешься в нашей домотканой деревушке. Входишь туда как по фарватеру, в полном флотском обмундировании. А для развития куриной слепоты — у местных при виде золотых галунов эта болезнь часто встречается — цепляешь на плечи погоны. И восходишь на уровень Председательской дочки. Тут и начинается жизнь. День за днем в пьянках-гулянках, сеновал — застолье. А когда отпуск катится к закату, родственные чувства закрепляются родственными словами.

— Блюди себя, друг,— наставляет тебя за штофом Председатель.— Помни о чести Краснозвездной Балтики. А то знаем мы вас, поганцев. В каждом порту по девахе. А у меня дочка одна-разъединственная...

— Э-э! Друг ты мой дорогой! — отвечаешь с достоинтсовм.— Знал бы — не говорил, вентиль! Порты есть — да. Но они для загранщиков. А нам, военным... Нам на чужой берег спуск запрещен. Мы насквозь для берега засекреченные.. Ходим, как челноки на ткацкой фабрике, туда — сюда — обратно. Вы — в снегах, а мы — подо льдом. Подо льдом да с песней. К ним... туда... На атомной... На подводной... Догадываешься? А там, подо льдами... там... как в нашей песне... сам сочинил. «И никто нам не подметит, где подлодка НЕ ВСПЛЫЛА...» Словом, ручкуемся, и имей в виду: выявлюсь из спецзадания — ваш, и прямым ходом в ЗАГС.

— Сельсовет...

— Хорошо. Уговорил, пусть будет по-вашему. Не выявлюсь, ставить тебе, друг ты мой дорогой, бронзовый бюст, скромно отметим, героя секретных горизонтов. Так что, «прощай любимый город, уходим завтра в море...»

И уходил...

Лешка, сколько ты ни уходил в море, ты — «это» не тонет — всегда, мудак, возвращался. За жизнью возвращался.

Ради тряпок и жратвы можно было и там остаться.

И Коля-Нос, кореш твой, одной с тобой волной просоленный, уходил. И тоже возвращался. Жизни хотел — вот и возвращался. Оба умные, когда не дураки... Вы телеграммки слали по известным адресам «на задании по спецзаданию» и ехали по неизвестным адресам. Артисты! И все спектакли — сплошная импровизация, без единой репетиции! И ведь уверен ты, Лешка, душа морская, что пусть не бронзовый, пусть гипсовый, но стоит где-то бюст с твоей фотокарточкой, председательской волей обеспеченный. Стоит себе, родимчик, выставляется в укромной точке. С уважением поставлен, как герою. А здесь, на ленском их корыте, какое уважение? Ну-у, Костик? В подплаве гибнут всем экипажем. А приспело мне в одиночку, что ж... корешей в этом деле не подведу. Выходи уже, отгребись от мамкиных сисек, пацан!

СХВАТКА

Рогычаев поднял двустволку, грохнул дуплетом.

Рогычаев. Выходи, пацан! Я как динозавр уже, не переживу ледникового периода!

И накликал. Дробью шарахнуло по факелишкам, бросило их на лед догорать.

На барже завыла собака.

Рогычаев. Ах ты, сукин сын! Не по уговору!

Снарядил ружье, взвел курки.

И опять как жахнуло — нет, не с баржи, с противоположного берега реки. Пулей. Прямиком в ногу. В мякоть, повыше колена.

Рогычаев засек вспышку. Приклад к плечу, палец на спуск. Выпалил разом из обоих стволов. И ничком на лед. Отвалил от догорающих факелишек. Обогнул прорубь. И потек вдоль баржи на новую позицию. Пристроился за сугробом, примечая Костика, скакнувшего на лед с баржи.

Костик. Живем?

Рогычаев. Мне это занятие еще не надоело.

Костик. Тогда не высовывайся. А то собаку он мне с первого выстрела подстрелил, чтобы на след не вывела. Башковитый, гад. Кто? Да, шатун-якут... Водится здесь один такой чокнутый...

Рогычаев. Одна извилина, и та прямая, как Невский проспект?

Костик. Хуже... Но не будем. Ты вот... Ты загребай вправо и время от времени постреливай, чтобы вызвать внимание на себя. А я... Я кругом.

Рогычаев. Понял.

Костик. Главное, патронов не жалей. А уж за меня не боись. Я ему яйца вырву! Про спирт пронюхал, повадился сюда, паразит! Э-э, да ты... (Рука Костика попала в какую-то влажину на ноге Рогычаева.) У тебя штаны мокрые.

Рогычаев. Кровь!

Костик. А я что говорю?

Рогычаев. Зацепило чуток.

Костик. В этом деле, паря, чуток не бывет. Через малый срок ты уже не жилец, а то и ногу отрежут.

На палубе баржи показался Федюля. Осторожно, чтобы не разбередить боль в ребре, он бочком спускался по трапу.

Издали громыхнуло. Сгустком дроби шарахнуло о металл, воздух противно заскрежетал. Рогычаев выстрелил в ответ.

Рогычаев. Надеюсь, попал,

Костик. Паря, кончай с баловством! Ты уже отстрелялся. Двигай на баржу. Там аптечка. Там докторша. Тебе перевязаться надо, а то...

Рогычаев. Чего?

Костик. В жизни раз бывает сорок лет... А пятьдесят?

Федюля грузно опустился на снег рядом с Рогычаевым.

Костик (Рогычаеву). Стволы передай Федюле, а сам... Там на палубе — ящичек с питьем. Не заради твоих соболишек, но... Дотащишь до каюты?

Рогычаев. Спирт тащить — силенок всегда хватит.

Костик. И Шатун-якут того же, видать мнения. За тем и приперся. Да вот фотку никому не показывает.

Федюля. В лицо его никто не видел. Шатун — на то и шатун. А якут? Прозвище... «Погоняла» такая, как у сидельников-уголовников с Катанги. Там прежде была лагерная зона. Поди, и паспорт у него есть. И прописка, как у людей. Ходит себе на работу где-нибудь в Усть-Куте, в Бодайбо, отпуск берет на охотничий сезон и промышляет. Целая история ходит по языкам на этот счет. Да ладно, какая история? Приспело курками щелкать.

На палубе Рогычаев отыскал ящик, на четверть заполненный поллитровками питьевого спирта, зацепил его железным крючком и поволок вдоль борта.

Над заснеженной рекой несся Федюлин голос.

Федюля. Эй! Это правду о тебе говорят, шатун, что ты — сумасшедший псих? Ты псих? Ты сумасшедший?

«Шед-ши-шед-ши-ши-и-и!» — ворохнулось эхо у противоположного берега, разбилось о каменный откос.

Вдали вспыхнул ружейный огонек. Вниз по реке покатился дробный звук — словно в приступе злости разорвали плотный лист бумаги.

Федюля. Чо? Ты чо сказал, Могила? Так стрелять — это шкурку зазря портить.

Шатун. Я те шкурку попорчу!

(Эхо понесло) — «чу-чу-чу!»

Федюля. Сумасшедший! Беглый псих из дурдома! Сволочь!

Эху раздолье: «до-о-ма! но-о-чь!

ВОЗВРАЩЕНИЕ В КАЮТУ

Рогычаев перевалил через комингс ящик со спиртом, стянул зубами рукавицы. Татьяна Сергеевна лежала на Федюлиной койке, лицом к нему, Рогычаеву. Ее коленки остро выпирали под одеялом, которое одним краем сползло к полу.

Рогычаев поправил одеяло. И аккуратно, чтобы не потревожить спящую женщи-

ну, опустился на табуретку. Подложил в печурку пару полешек. Прикинул — где аптечка? В тумбочке? Действительно, там. Вынул бинт, капсулу с йодом, откупорил ее лезвием финки-неразлучницы. Скинул на Костикову лежанку ватник, стал стягивать унты.

Тут-то и ударило болью.

Рогычаев. (С досадой). Не умно! Сначала — что? Поднаркозиться надо, чиф. А потом...

Вылил в себя стаканчик, пожевал, для вкуса, кондевку. Выполз из ватных брюк, остался в кальсонах. Распорол ножом бежевую байку — от колена до бедра.

Кривясь от ожога, Рогычаев обработал рану йодом. Смахнул со лба пот, глотнул из «горла» белоградусной, и — мастерить перевязку.

Рогычаев. Д-а-а-ах, угораздило. Без жгута не обойтись.

Отрезал кусок марли. Пропустил ее, прокручивая, сквозь ладони. Завязал узлом концы. Финку приспособил под вороток и — наверчивать по кругу, под затяжку. Удавку затянул потуже, кончик лезвия запустил под бинт, чтобы нож не раскрутился назад.

Рогычаев присосался губами к щербатому краю эмалированной кружки с водой. Но, втягивая в себя воду, внезапно ощутил нестерпимый холод. Понял, колотит его ознобом, замерзает он, Лешка, а живое тепло — вот оно! — в двух шагах: Татьяна Сергеевна, казалось бы, такая доступная, в свитерке, с припрятанной на груди рукой, с выпирающими из-под одеяла коленками, острыми, живехонькими...

Рогычаев. А ведь мила она, мила. И как дышит во сне. Дышит — как плывет. Ровно, мягко, без всякого беспокойства в мыслях. Везет же людям — так жить безмятежно.

Рогычаев медленно, без излишнего шума, поднялся с табуретки и шагнул к Татьяне Сергеевне.

Рогычаев. (Тихо). Танюша! Не обидь. Поверь, не баловства ради. Обогрей! Замерзаю! Спаси человека! Не бросай за борт. В океане — всего несколько минут до разрыва сердца. А сердце не для разрыва дано, для любви...

Татьяна Сергеевна не ворохнулась, не воспротивилась в дремотном безволии. Покладистая во сне, увела коленки, приняла голову Рогычаева на покатое плечо.

Рогычаев, бормоча, как в несосознанке. Да-а-ах, сороковничек. А ведь мы еще кое-что можем. Чем мы хуже других? Чем мы хуже Танюшкиного Мишани? Столько лет замужем — и ничего. Будто лишний он в этой истории, Кимом Кудесником предсказанной. Столько лет вместе, и не разродится. Тут и Земля Обетованная не поможет, если мужик со слабиной. Тут на помощь небес надо надеяться или... или на лотерейный случай... Случай — не случай, но свело тебя невзначай, Лешка, с Божеским замыслом. Как Моисея с неопалимой купиной. Он не по воле своей. Ты не по воле своей. Но кто-то ведь свел. А у того, кто свел — планы свои, земному умишку не подвластные...

Только сейчас, на прицеле у смерти, когда из-за потери крови оказался уже чуть ли не за гранью жизни, открылось Рогычаеву: он теперь не тот, не прежний, естеству подопытный кролик, не «по бабам мастак», другой... потому и не гребет ладонью наобум, без лоций, по такой податливой коже. По животу. По бедрам. Ближе и ближе... Туда... в дивные шелка... где... умри — не живи!.. ближе уже не бывает. Он другой! Он теперь другой! Отчего? То ли излишне кровью-живицей изошел. То ли просветлел внутри, спасаемый от полного окоченения живительным теплом Татьяны Сергеевны. То ли... Но нет, ничего он не содеял — и не намерен содеять! — против пальцев ее, втекших в пальцы его. Ничего! «Против пальцев ее я никогда!.. Против пальцев ее, ребята... Костик!.. Федюля!.. Я... Помираю я, братцы... Помираю... Крови разок лишиться — это как души — навсегда...»

Рогычаеву представлялось: он не спит, он наяву пребывает в своих благих думах. Не наносных. Не от земли. Не от хлеба насущного. От неба. От того высокого неба, которое всегда над нами, на какую ни поднимись высоту. Того неба, от которого постоянно ждут чуда. И он ждет чуда. И Танюша. И Ким Кудесник, пусть сам уже на небе, тоже ждет чуда. Почему бы ему, Лешке Рогычаеву, не стать провозвестником этого чуда? Чем он хуже других? Главное, оказаться в нужное время в нужном месте и не проспать свой шанс.

Однако он спал...

Время — время... Не покидай его, время. По ту сторону времени нет.

НА ПРИЦЕЛЕ У СМЕРТИ

В каюту ворвался шатун-якут. Шапка, тулуп, борода. И ружье. В глазах никакой раскосины.

Шатун. Не ожидали, кролики? Думали, выставлюсь у вас на прицеле. Не за тем охотились. За слухами вы охотились. А я не под слухи рисуюсь, когда смотрюсь в жизни. В жизни все иначе, чем по слухам.

Шатун наклонился над ящиком с питьевым спиртом. Выбрал бутылку. Откупорил зубами. Глотнул.

Шатун. Знатное питье, для согрева.

Рогычаев заскреб ногами по матрасу, вздымая себя по подушке, вслед за испуганной, ничего не сознающей спросонья Татьяной Сергеевной.

Затылок припер к металлической спинке кровати, руку опустил вниз, чтобы украдкой — ближе и ближе... Ближе к наложенному на ногу жгуту, ближе к финке — своей неразлучнице. Ею гвозди в Беса загонять по шляпку — так метко бьет по мишени!

Шатун. (Татьяне Сергеевне). Ты-ы! Ты-ы! Где родилась, там и умри! Ким Кудесник мне не указ! Нечего возвеличивать Земли чужие! Все бы им наше, наше — на дармовщину! Здесь не хочешь рожать, и там не родишь!

За бортом баржи бабахнуло дуплетом.

Шатун-якут открутил барашки задраек, открыл иллюминатор, пристроился с ружьем, беря на прицел стрелка.

Рогычаев. (Едва слышно). Умирать нам рановато. Не в Бермудском мы, Бес, треугольнике. Их нечистая сила нас не взяла, а с нашей сам Бог велит справиться!

Рогычаев вытащил из-под бинтов финягу и выложился в броске.

Финяга и сработала. На совесть. Без промаха. По рукоятку вошла в спину Шатуна-якута.

Однако смерть свою шатун-якут ощутил не сразу.

Он еще повернулся и выстрелил по Рогычаеву.

Он еще поволокся к двери, чтобы уйти-убраться восвояси. Но...

Дверь распахнулась. И оттуда, из черного прямоугольника, набежал на него Костик. Набежал и в упор шарахнул из двух стволов.

Потом обернулся к запоздавшему Федюле. И в нерасчетливый замах. Но опустилась рука, обезволила от нокаутирующей тяжести кулака.

Костик. Эх ты, нашаманил! Черт тебя подери!

Федюля. Сказывал, смерть сюда заглядывала. А не шаманил. Не шаманил я, Костик. Смерти не прикажешь, она без спросу захаживает.

Татьяна Сергеевна, мало-помалу осознавая происходящее, вела глазами: от Костика к Федюле, от Федюли к Рогычаеву, лежащему сбоку от нее.

Машинально массировала пальцы, выходила из нервного стресса, врастала в себя, прежнюю. В ту, какою была менее суток назад, в час появления в ее избе Костика.

Татьяна Сергеевна. Костик! Вскипяти воду, побольше. И нож приготовь, какой поострей.

Костик. Резать будете, Татьяна Сергеевна?

Татьяна Сергеевна. А если придется?

И в этом — «если придется» — всплеснула вдруг женская, каждому близкая и понятная надежда — надежда на чудотворное «если»...

Алексей Яшин
(г. Тула)

ЗАТО МЫ ДЕЛАЛИ РАКЕТЫ: ИЗ РАССКАЗОВ НИКОЛАЯ АНДРЕЯНОВИЧА*

Французские историки, описывая положение французского войска перед выходом из Москвы, утверждают, что все в Великой армии было в порядке, исключая кавалерии, артиллерии и обозов, да не было фуража для корма лошадей и рогатого скота.

(Лев Толстой «Война и мир»)

В длинные осенние вечера, вернувшись из университета, уже попривыкший к своей роли доцента Николай Андреянович ужинал, со смехом просматривал предвыборную дармовую почту, что по пути вынимал в подъезде из ящика, затем брал в руки серьезную книгу — по отечественной истории или из русской классики — и уютно примащивался на диванчике, стараясь не глядеть в сторону телевизора, что трудолюбиво смотрела супруга, переделав домашние дела.

Но, как говорит народная мудрость, от дьявола-искусителя и в чистом поле не отвяжешься. То есть и из телеящика слова в уши втекают, а по утрам, за завтраком, кухонный репродуктор то пургой гневной завывает, то ласково шепчет о пользе пищевых добавок. Про добавки, то есть биологически активные вещества (на основе дешевого витамина «С»), все понятно: нанятые актеры второго разряда имитируют голосами заботливых докторов и болящих старушек-пенсионерок. А как быть с пишущими в газетах, вещающими по радио, красующимися перед телекамерами с актуальными интервью, творческими и депутатскими отчетами, многочасовыми воспоминаниями о своем творческом пути и так далее? Ведь каждый из них, о чем бы ни говорил, обязательно вначале, как по обязанности, лягнет «тоталитарные советские годы». С них подписку что ли берут?

А тут прямо живой и свежий пример. Взял в руки вечером Николай Андреянович бесплатную ветеранскую местную газету, что вынул из почтового ящика, и решил прочитать заинтересовавшую его статью известного местного же писателя Виталия Жирова по поводу 500-летия городского кремля. С изумлением узнал из статьи наш доцент, что оказывается только в последние годы кремль был приведен в приличный вид. Не верь глазам своим! Ведь Николай Андреянович прекрасно помнил из своей юности, только-только приехав в семьей с Севера в *Т.*: разрушенный веками кремль, почти груду камней, полностью восстановили и купола башен позолотили именно в 60-е годы. И собор в кремле тоже. Так и стоит по сию пору. Правда, про позолоту писатель Жиров упомянул, хотя и здесь со снисходительной усмешкой в словах...

* Главы из нового романа, над которым сейчас работает автор. Начало см. в «ПЗ» № 4, 2014.

И во всех этих обязательных «идеологических предисловиях» утверждают: все было плохо в советские годы, все неладно и наперекосяк.

Отложил Николай Андреянович уважаемую им ветеранскую газету (хотя сам еще не на пенсии), задумался. Да, конечно, много было нелепого, но еще больше хорошего, оптимистичного, полезного человеку. Сейчас вроде как все наоборот, хотя за пятнадцать-то лет уже и попривыкли. Но прежнее всегда приятно вспомнить. Даже это самое нелепое.

С определенными, но весьма существенными оговорками Николай Андреянович признавал, что в золотые советские 60—80-е годы жили скучновато. Если, конечно, под скукой понимать отсутствие нынешних казино («И, как на золотое дно, ныряет сволочь в казино»,— это какой-то поэт припечатал), стриптиз-клубов, ночных ресторанов с «комнатами отдыха», бандитских разборок, многомесячных шоу-выборов депутатов разных уровней и так далее. Поэтому народ, особенно молодой, искал развлечения в очевидных нелепостях. И получал отменное удовольствие от этого. Такая вот интеллектуальная забава процветала.

Тут к месту вспомнился Витька Смышляев — дружок Николая Андреяновича еще по работе в ЦКБ агрегатостроения, куда он был распределен после окончания института, проработал восемь лет и ушел в НПО «Меткость». Как раз позавчера, гуляя после лекций в городском парке, он и встретил Витьку, тоже возвращавшегося домой с работы, все из того же ЦКБ агрегатостроения, только теперь с приставкой «ОАО». Поговорили о былом, вспомнили сослуживцев.

...А теперь Николай Андреянович стал вспоминать о своей работе в ЦКБ юным инженером, о проделках Смышляева — первого пересмешника в учреждении, о прежнем начальстве. Благо недавно из областной официальной газеты узнал: некогда бывший основатель и первый начальник ЦКБ, уже четверть века проживающий в Москве, получил очень высокое почетное звание.

Все одно к одному тянуло на приятные воспоминания..

1. О шестидесятниках и немного о детективах

Люди мы смирные, все люди в стране и особенно мы, шестидесятники. Отшумело в кои-то года интеллигентное поколение эпохи великой гласности и общественного мнения — начала века, отшумело на земских съездах, думских трибунах и сгинуло в Европах, а самые неловкие — на Беломорканале. Несколько позже перемерли голодной смертью, были расстреляны в подвалах ОГПУ—НКВД, умерли от «сердечной инфекции» (сам в руках держал реабилитационные бумаги со стандартным диагнозом) на Колыме, а позже — в Степлаге, Берлаге и Онеголаге люди, из которых грозился поэт навыделывать наикрепчайших гвоздей. В Великую войну повыбиты крупповским металлом последние миллионы отчаянных российских людей. Итак, в кратчайший исторический срок Троцкий со Сталиным уничтожили хотя и робко, столетиями, но впоследствии все быстрее и увереннее накапливавшийся в народе генотип инакомыслия и духовной раскрепощенности. Много, кстати говоря, написано о гонениях на лженауку генетику, и причины указывают: темные, мол, люди у власти стояли, бездарям покровительствовали в науке. Но так ли просто? Мне кажется, что темнота эта отлично сочеталась у них с черноземной хитростью, понимали про себя: из грязи в князи выкарабкались, не имея за собой поколений генной эволюции, становления и закрепления интеллекта. Это уязвляло нуворишей власти, которые посему и поспешили объявить о первозданном, природном многоумии, запретили генетику... Но это к слову. Так вот, выжили люди смирные, все мы с вами ведем род от них. В конце 50-х годов народу позволили перевести дух; следующие шестидесятые годы

прошли в эйфории выздоравливающего больного. Что было дальше — вы знаете. Вот тогда-то, прямо к полету Гагарина, к семилетке и провозглашению с высоченных трибун пришествия коммунизма на памяти ныне живущего поколения, нынешние шестидесятники учились в золотых, по школьным понятиям, классах: от шестого до девятого; десятый и одиннадцатый, недавно введенный, не в счет. Почему? Только по наблюдениям, это были люди еще предшествующей эпохи. Какие-то год-два, но отделяли их от нас. Понятно, что в школе это не было видно, но впоследствии, сталкиваясь постоянно с ними в жизни, убеждался: это не шестидесятники. Такой вот парадокс. И что за незримая грань? Ума не приложу. Это как до и после встречи с милиционером: все к тебе товарищ да товарищ, а вот он, сокол в красной фуражечке, подошел, откозырял и — «пройдемте, г р а ж д а н и н !».

Веселое поколение росло, впервые в новейшей истории страны не голодало, впервые — и опять-таки единственный, увы, более не повторившийся случай за всю историю! — почти исчезли очереди. А раз не голодало, то умное росло, видное собою, добротой оттаявшее, не приучаемое копейку с копейкой складывать. Когда школы мы позаканчивали, в институты пошли, то еще веселее жить стали, потому что юность влюбчивая накатила, а девушки-шестидесятницы под стать выросли: красивые, добрые, ласковые, денег сами не брали и не требовали, а главное — Никитушко, хоть в опале к тому времени уже был, но сумел-таки нас за школьной партой увлечь своим безоглядным оптимизмом, верой во всемогущество научно-технического прогресса. Тогда физики словесно победили лириков, а мы всей братией, гордо миновав КПП военных училищ, плюнув на вывески юридических и разных торгово-экономических вузов, пошли учиться на инженеров, хотя даже в провинции в технических институтах свирепствовал конкурс. Счастливое было время, как прекрасно и волнующе в теплую сухую осень пахло в городе дымком сжигаемых листьев! В киношках шли хотя отобранные, но все же настоящие итальянские и французские фильмы, а наши девушки, прилежные ученицы-медалистки, чуть робея от непривычности перенятых с экранов манер, в темноте парковых аллей расстегивали кофточки и позволяли нам, страшно волнующимся, целовать их маленькие груди...

Быстро все закончилось. Застой крепчал. Мигом, по приказу, перестали печатать в толстых журналах ужасающие повести и романы о пытках в плавучих тюрьмах по пути на Магадан, расстрелах тысячных толп заключенных... ну, это вы сейчас все вновь читаете. А тогда послушно замолкли, один только чудак засопротивлялся, непонятливый человек... Но иные хитрецы вроде как на рожон полезли, в дурдомах побывали, а оттуда — прямо за бугор. Это опять к слову. Слова-то словами, но за считанные годы все произошло навроде недавно слышанной мною оговорки диктора центрального радио: «Вы слушали скрипичные сонаты советских композиторов, а теперь послушаем музыку...» Мы вышли из вузов в жизнь, в которой более не было свежести, оптимизма и научно-технического прогресса. Как память о них остались с нами навеки наши добрые, сейчас чуть смешные жены — бывшие подруги с трепетными маленькими грудями, а в пыльных чуланах «хрущевок» — учебники обществоведения и конспекты по сопромату. Вот тогда-то стал складываться психологический тип, а заодно и социальный, шестидесятника: слабо приспособленного к реальной жизни, в которой к тому времени командно-распределительные, торгово-культурные посты заняли предшествующие и последующие за нами поколения. Сверх меры инфантильные, по привычке юности верующие в науку и не верящие, что «от трудов праведных не наживешь палат каменных», любящие потолстевших жен, потому попавшие им под каблук, анекдотисты, уважающие праздничные застолья с друзьями, по-семейному, очень увлекающиеся холостяцкими пирушками, посиделками в тогда очень доступных ресторанах, беседами с народом в пивных (еще не «барах» с обяза-

тельной дорогостоящей закуской). Душевную надломленность шестидесятники по молодости топили в интеллигентном винопитии, легком адюльтере с незамужними шестидесятницами, слушании «Голоса Америки» и «Дойче Вилле», чтении привозимых из Ленинграда ксероксов с «Архипелагом Гулагом», Вивеканандой и «Разворованной республикой» (это об Азербайджане). После тридцати занялись детьми, построили дачи, но деловыми людьми так и не стали: не получили закалки в те десять освежающих лет. Жили, как и раньше, на голую зарплату, в торговлю пирожками не шли, защищали диссертации, создали самый большой в мире фонд изобретений, что не внедрялись в бюрократизованную промышленность, крепили оборону страны за кульманами и паяльниками отделов, лабораторий, копали в обезлюдевших колхозах картошку, сахарную свеклу. Самогона не гнали тогда. Вот такое выросло поколение, в чем-то сродни шестидесятникам XIX-го века. Еще раз подчеркну: наиболее массовая группа шестидесятников осела в НИИ, КБ, а тамошние условия в наибольшей степени препятствовали их перерождению в торговцев пирожками, хронических пьяниц, проституток, милицейско-руководящий аппарат управления жизнью общества. Именно в этой многолюдной, своеобразной среде сложился свой стиль жизни, свой фольклор, философия мировоззрения. Эпоха преобладания в жизни шестидесятников — годы семидесятые, по-своему тоже веселые, анекдотичные, слуховые; слухи заменили прессу и телевидение, а любимым чтением стали детективы. В инженерной среде высший тип детектива — психологический (народ попроще баловался милицейскими комиксами и «Семнадцатью мгновениями весны»), что не удивительно: сама наша жизнь стала все более напоминать сложный, изломанный по сюжетной линии детектив, в котором развязка все приближается, приближается, но не наступает, захватывает все больший круг персонажей, всю страну и... все летит в тартарары без логически осязаемого смысла. Вот, кстати, о детективах.

2. Место обитания шестидесятников

Было время — учреждения располагались в невысоких, по преимуществу, двухтрехэтажных домах добротной, в полсажени у основания, кирпичной кладки. Окна задумывались невеликими, в толстых стенах они смотрелись изнутри покоев бойницами. Просторные подоконники заставлялись кадками с японскими деревьями, в заведениях второго разряда закладывались стопками пыльных дел, тесня горшочки с геранями и чахлыми фиалками. Здания со всех сторон огораживались решетчатыми чугунными оградами, в промежутках между ними росли столетние, выше крыш вязы и тополя. Такое устройство в совокупности с духовым отоплением — высшим достижением калориферной мысли — создавало учреждению приятный, ровный климат во все времена года и даже исправляло крайние выпады природы в России: в тридцатипятиградусную жару, безводную засушливую духоту и пыль толстые стены, невысокие этажи, томные вязы доставляли служащим райскую тенистую прохладу, а в лютый, французов сгубивший мороз, те же стены, сугробы застрявшего между тополями и оградой слежавшегося снега, самовар сторожа под лестницей, а более всего отменные калориферы приятно покоили теплом и уютом чиновников в добротных суконных вицмундирах: от писцов 14-го класса и выше, вплоть до действительных статских, тайных...

Так было, а может, сказывается обычный ностальгический скепсис памяти предков? Своего рода ретроспективный оптимизм: дескать, раньше и вода была мокрее! Но уж очень многое говорит за реальную основу зависти быту старинных служащих: во-первых, схоронились от Кагановичей и Татлиных эти самые уютные, климатически выдержанные здания, в них сейчас, по преимуществу, районные нарсуды и про-

куратуры розыск и правеж ведут. Кроме того, достаточно сравнить численный состав новых учреждений со старыми; последних имелось 4—5 на губернский город, невеликое число служащих в них упражнялось, не было массовости, а именно переход от индивидуальности к избранности, от нее к массовости есть онтологическая первопричина стандартизации, то есть упрощения условии быта и самого стиля существования.

В наше с в а м и,— как любит говаривать парторг КБ, где я тружусь,— время, когда число служащих в стране почти сравнялось с числом работающих (я использую устоявшееся определение слова «работающий» в смысле кующий, вертящий, строгающий, ворую... нет, это из другой прослойки), об избранности, не поминая даже об индивидуальности, смешно речь вести. Более того, начальники над служащими, по-старинному избранные из избранных, и, сверх того, начальники над начальниками, то есть прежние индивидуальности, и те служат в условиях всего лишь условного, делового комфорта, отличаясь от простых исполнителей только уединенным расположением и тамбурированным входом. А могло ли быть иначе? — как пишут сегодня в газетных статьях с критикой сталинизма. Увы, это закономерная, диалектическая, хотя и жестокая, необходимость. Так учит нас наша передовая философская мысль. Ведь, если бы не была приостановлена тенденция строительства учреждений-особняков, то... страшно помыслить. При нынешнем, вызванном безостановочным научно-техническим прогрессом росте числа учреждений и служащих в них, вся европейская часть страны, включая Поморье, Валдайскую возвышенность, Таврию и Северный Кавказ, покрылась бы сплошной сетью, плетенной из узорных чугунных оград, а в каждой ячейке, посреди вязов и тополей (елей на севере, кизиловых н тутовых деревьев на юге) — учреждение со стабильным климатом... Не осталось бы места для железных дорог, по которым высшие служащие командируются в Центр за инструкциями, гребных физкультурных каналов и каналов малосудоходных, а также площадок для размещения производственных мощностей, необходимых хота бы для оправдания существования самих учреждений, призванных идейно и административно руководить этими мощностями.

Такой путь, конечно, всерьез не принимался даже в эпоху волюнтаризма. Выход нашли в социально-экономической жертвенности: поступились удобствами быта служащих. Жертвование протянулось на несколько десятилетий и проводилось в три этапа. Поначалу, когда финансовые и технические возможности резко отставали от динамики роста учреждений, выход искали в переуплотнении населения зданий прежних управ, судов, банков и пр. Это совпало по времени с общегосударственным жилищным кризисом. На следующем этапе, когда финансово-технические возможности еще не сбалансировались с ростом числа служащих, ввели ночные смены для руководящих товарищей и граждан (грань между этими категориями стала очень неустойчивой), размещали учреждения в случайных, совсем иного функционального назначения помещениях, расширили ареал географического расположения — децентрализация,— в частности, освоили огромные сибирские просторы. Частично ситуацию подправляло робко начавшееся строительство в масштабах народного хозяйства.

Но только третий, решающий, этап разрешил проблему: наконец-то нашли разумный, также диалектически сбалансированный компромисс между возросшими финансовыми и строительными возможностями государства, с одной стороны; резко прогрессирующей численностью учреждений и служащих, с другой; минимумом жизненных удобств служащих, с третьей. За техническую основу взяли принципы нового конструктивизма (не татлинского!) школы Ле Корбюзье, за финансовую — технологичность и дешевизну поточно-панельного домостроительства. Так появились многоэтажные учреждения из стекла и бетона, в которых разместились много-

численные учреждения со всем своим основным, техническим и вспомогательным персоналом.

Бетон — незаменимый материал для строительства посадочных полос аэродромов, заводских корпусов с тяжелым кузнечно-прессовым оборудованием, бомбоубежищ и оборонительных сооружений для долговременного сопротивления ракетно-артиллерийскому обстрелу. Перспективны почему-то отвергнутые идеи 20-х годов о строительстве океанских тяжелогрузов с литыми бетонными корпусами. Менее удобен, но еще терпим бетон при сооружении жилых зданий, терпим, учитывая, что владельцы квартир сами заделывают дыры, щели и другие огрехи спешно-поточного строительства. Кроме того, дареному коню в зубы не смотрят, на безрыбье и рак рыба. А что касаемо сохранения тепла зимой, то отчасти здесь помогает центральное водяное отопление, небольшая кубатура комнат с легким перенаселением. Летом можно бороться с раскаленной духотой: открывать балконную дверь, проводить жаркое дневное время на работе, на даче, в пивной...

3. О пользе утренних прогулок

Но вот в учреждениях бетон враг номер один, а вреден своими коварными свойствами: идеальная теплопроводность, когда зимой в бетонном здании холоднее уличного, летом жарче пляжного. Всему этому хорошо помогают огромные витринные окна, занимающие до 75 процентов от площади наружных стен помещений, а где окна, там щели, незатворяющиеся до упора рамы, фрамуги, отлетевшая замазка. «Огромная кубатура помещений — идеальный полигон для разгула температурных стихий»,— так монотонно, в ритм ходьбе докладывал сам себе мой приятель, коллега и бывший однокашник Виктор Смышляев с необязательным по его малой должности — инженер-конструктор 2-й категории — и относительной молодости отчеством Сергеевич, идучи утром на работу. Обличительную, хулительную филиппику против бетона ему подсказала сама жизнь, а именно: установившаяся с неделю тому назад знойная июльская погода. Несчастный он, бедный, не сумел отвертеться от восьмичасового сидения в конторе в этакую жаркую непогодь! Более умные, сообразительные его коллеги устроились на это время кто как смог: кто отпуск подгадал к самой ненавистной для служащего в двенадцатиэтажной бетонной башне поре; кто-то сумел обосновать и внушить начальнику своего отдела необходимость в срочной, долговременной казенной поездке в прохладные места: в Ригу по снабжению, в Ленинград по обмену опытом, на худой конец, в Вологду к смежникам — там сейчас циклонит. Народ посерее, поплоше догадливостью загорал в колхозе на сенокосе или на поздней прополке. По аналитическим подсчетам Смышляева,— дал Бог в насмешку антагонистической его натуре типичного шестидесятника фамилию! — еще процентов до 30 сотрудников КБ, не попавших в число отпускников, командированных и сенокосных, таинственно исчезли на жаркое время из учреждения без всякого видимого обоснования причин отсутствия. Как только люди умудряются? Много в природе нерешенных загадок, но именно эта, судя по всему,— постулат, нечто необъяснимое, априорное сущности конторского бытия.

Предоставленный самому себе, Смышляев уподобился утопающему, спасение которого дело его рук. В подобных ситуациях человек мужает, развивает свой инстинкт выживаемости, плавучести тож, Точно так же бросают малых ребят в воду: учись плавать по жизни, малыш! Не хочешь тонуть — плыви, работай ручонками, сучи ножонками. Хотя давно прошли те времена, когда жизнь учила Виктора выживанию в стенах учреждения, бросая в разнотекущие конторские воды, но июльскую жару в бетонной, стоймя поставленной коробке он всегда ожидал с ужасом, отчаяни-

ем, сердечным биением: был по рождению и начальному вырастанию сибиряком, не мог подавить в себе атавизм прохлады и простора. Но коли судьба из-за некоторой, тоже от сибирской температуры, раздольности строптивого характера и воспоследовавшей от этого некоторой же холодности к нему начальников — непосредственных и посредственных — не смогла избавить от каторги июльского присутствия в конторе, то ему самому приходится искать противоядие. Хотя и частичное, но оно было найдено: с наступлением невыносимо душных дней Виктор ежегодно отказывался от услуг троллейбуса, а на работу ходил пешком.

И не только по причине жары. Как-то случайно проснувшись слишком рано, еще не будучи женатым, проживая без забот и печалей, не желая выслушивать нудные материны нотации по поводу перерасхода вчерашнего аванса без убедительных мотивов (потратил он четвертной билет, купив у подозрительного ханыги из носковской пивной, впрочем, ханыги себе на уме, по дешевой до смеха цене роскошно переплетенную книгу Вейнингера «Пол и характер:»), Виктор выскочил из дома за полтора часа до работы. Стоял тогда пусть не душный июль, но весьма жаркий август. Все же сообразив, что в его ничтожном чине появляться на службе за час до звонка — дерзкий вызов и намек, он впервые, не опаздывая, не толкаясь в переполненном неопохмеленными работягами троллейбусе, дивным летним утром, не спеша, интересуясь во встречных киосках сигаретами, газетками, пристойными его возрасту и увлечениям журналами, а также встречными, розовыми со сна девушками, прошелся по вымытым, свежим с ночи городским улицам и заявился в контору вовремя с чудесным прогулочным настроением, которое цепко держалось весь день. А кроме настроения, что само по себе немаловажно, пришло ему в голову на той утренней прогулке несколько афористических мыслей о начальниках, сути начальничества, которые помогли хладнокровнее, спокойнее выполнять в течение дня наиболее необъяснимые, вроде как нелепые установления правил внутреннего дисциплинарного распорядка.

С того дня, хотя появилась требовательная жена, впоследствии еще более хлопотная дочурка, а с ними масса житейских, политико-бытовых, морально-этических хлопот, когда только можно было, Виктор добирался до своего учреждения пешком. Афоризмы, которых со временем набралось на целую общую тетрадь большого формата, обычно сопутствовали безмятежному состоянию души, а сумеркам ее более отвечали гневные эссе-обличения, также заносимые по приходу в КБ в большеформатную тетрадь, за ознакомление с которой дорого бы заплатили иные руководители, особенно его непосредственный начальник Михаил Иванович Дорофеев, человек любознательный.

...Сегодняшнее предчувствие тропического сидения в стеклобетонном гробу, да к тому же в предельно (в который только раз?) обострившейся, неугасаемой, чисто органического происхождения борьбе между ним и администрацией что-то грозило взрывом. Все это склоняло размышления именно к пространным обличениям.

Развитие монолога о зловредности бетона прервало видение: на противоположной стороне улицы им. Пфаффенбляхера мелькнул и энергично спрятался в автобусе двадцать восьмого маршрута Чурбаков, мелкий начальник из соседнего отдела. Шахматист, он спешил к получасовой разминке перед работой. Мысли Смышляева потекли по иному руслу. В чем суть его многолетнего конфликта с начальством? Вопрос был древний, оскомину набивший, но навязчиво — своего рода мазохизм — всплывавший в голове всякий раз, как случалась очередная неприятность. А вывод, давно сформулированный, гласил: все дело в неверном о нем, Смышляеве, мнении, сложившемся у начальников. Давно открыл он парадокс, чем гордился, и полагал себя первопроходцем мысли, парадокс о ложной убедительности народной мудрости:

чем дольше знаешь человека, тем больше его узнаешь, выраженный в крылатой фольклорной форме («пуд соли нужно съесть, чтобы человека узнать»). В давние времена мысль эта верно отображала сущность дела, во времена оформления народной мудрости. Но тогда-то люди жили в деревнях, откуда истоки фольклора, когда человек был на виду со всех сторон, в избе, в работе, в гульбе, в отношениях с родственниками, соседями, просто односельчанами и чужаками. Деревенский ум, скучая по событиям в своем замкнутом мирке, все свое неуемное любопытство и острое внимание крестьянина сосредотачивал на личности каждого в отдельности. Ни одна мелочь характера и поведения за время долгой, сконцентрированной деревенской жизни не ускользала от оценивающего, изучающего соглядатайства. Так было.

«Но теперь? — Сколько бы ты ни служил в КБ, толку в смысле истинного узнавания не было никакого. Более того, здесь характерным является нечто противоположное: метод цепной реакции в составлении и закреплении ложного представления о человеке. В силу самой природы власти начальствующему свойственно замечать в подчиняющемся ему лишь негативное; положительное же крепко в голове не оседает, попросту не регистрируется, ибо оно-то и считается нормой поведения идеального служащего, исполнителя. Наблюдая лишь внешнюю сторону человеческой натуры, запоминая промашки, замечая озлобление, уделяя каждому конкретному подчиненному лишь по нескольку минут в день, начальник никогда не проникнет в душу подчиненного, а лишь с течением времени укрепит неверное свое о нем мнение...» На самой горячительной фразе Виктор подошел к проходным и вступил в иную климатическую зону; даже сейчас, прохладным ранним утром, в вестибюле повисла душная сырость, оставшаяся с вечера, сконцентрировавшаяся за ночь влага дыханий тысяч ртов. Бетонные стены сочились осязаемой мокротой. В лифте мерзило застарелым запахом потных ног. Рабочий день начинался с неприятностей для обоняния.

Уже входя в отдел и слегка позвякивая тяжелой поклажей матерчатой сумки-нищенки, он вспомнил, что сегодня жена нашла для него второе противоядие против зловонного, жаркого июльского дня в конторе.

4. Бремя начальствования и система противоядий

Начальнику всегда кажется, что он знает и видит своего подчиненного насквозь. Михаил Иванович Дорофеев, начальник небольшого конструкторско-тематического отдела, находился на взлете невеликой личной карьеры, вполне гармонировавшей по размаху с его средним, но ближе к пенсии возрастом, элементарными административными способностями и пониманием своего места под солнцем, то бишь в структуре КБ. Человек он был, объективно говоря, хороший, даже начальствование не смогло его испортить. О многом говорит тот нашумевший в КБ факт, что, будучи любителем покопаться на даче и страстно мечтая приобрести автомобиль для удобства поездок за город, он года два тому назад отказался от трудового, заслуженного места в списке утверждаемых на Государственную премию в пользу лавролюбивого тогдашнего начальника отделения Гриневицкого с тем, чтобы ему вне отделенческой очереди разрешили покупку «Запорожца». Именно таким людям свойственно, как ни странно, приписывать себе сверхпроницательность.

В обычном течении жизни учреждения, весьма спокойном, общечеловеческие качества начальников средней руки и рядовых инженеров стремятся к умиротворяющему тождеству, никто никого не дергает, а начальник такой же, в общем, человек, как Курбаченко, Давыдова, Смышляев... или вот молодой специалист Мирошников. Но статика взаимоотношений ведет к застою администрирования, почти к панибратству. Это прекрасно понимает высшее руководство, время от времени дергает

Дорофеева и людей его сословия. Те, в свою очередь, вынуждены дергать Курбаченковых, Давыдовых, Смышляевых. Радости Дорофеевым от этого никакой, но, помимо воли, появляются азарт, озлобление. Вот, допустим, умный парень Смышляев, соответствует своей фамилии. Понимает, что он, Дорофеев, такая же пешка в руках начальника отделения Кладунова; и если этот умный парень имеет зуб на Дорофеева, то только по чисто физиологической, оборонительной причине — известно, человеку более неприятен дающий зуботычину исполнитель, палач, нежели истинный виновник, инициатор и приказчик — в смысле отдающий приказы о наказании. А вот засидевшаяся в девках Давыдова — грудастая, в теле, с этакой тяжелой, ошеломляющей матерых мужиков ладностью и красотой, но слишком разборчивая... или глуповатый спортсмен Мирошников — те-то, не удосуживаясь подумать, полагают именно Дорофеева изощренным истязателем, неутомимым в пытках даже в июльскую жарищу. Хотя, конечно, надо быть построже с ними со всеми. Без придирок, но — строго! Распустить коллектив — раз плюнуть. Бдительность и внимание, но не понимание где взять время? План, колхоз, отпуска, командировки — все это способно замотать и более дюжего человека. А сверху требуют, настаивают, порой грозят.

Тревожнее стало работать после передачи его отдела из ведома Гриневицкого в отделение Кладунова, известного в КБ полным отсутствием юмора, тощей высокостью роста, прямолинейной убежденностью в своей всегдашней правоте. По прошествии уже многих лет всей конторе помнилось его предложение, высказанное на партактиве КБ: для предотвращения утечки информации, упорядочения хранения технической и иной документации, а также в целях укрепления трудовой дисциплины ежевечерне, по окончанию рабочего дня, авторитетной комиссии проверять столы сотрудников. Именно после этого события по рукам долго ходила карикатура, явно вышедшая из сектора дизайна: стилизованный Кладунов, высокий, тощий, в раздутых старшинских голубых галифе, в сапогах и мундире неведомой армии, в франкистской пилотке с кисточкой, с засученными рукавами френча, идет мимо вывернутых наизнанку из столов подчиненных ящиков и ворошит плеткой-семихвосткой их содержимое: бумаги, объедки яблок, пустые флаконы из-под духов, принесенные на перепродажу интимные принадлежности дамского туалета, дефицитные импортные презервативы с «усами»...

Человек, по своей конституции сухой, поджарый, он резко диссонировал с остальной массой служащих — начальников и подчинениях — безмерно страдавших от духоты и зноя. Более того, именно в июльские преисподние дни у Кладунова наблюдались спонтанные взрывы активности. Кроме выгодных физиологических особенностей, здесь немалую роль играло его коварство — в томящую погоду жаркого месяца, когда служащие теряли остатки бдительности, предполагая такой же порок в начальстве, легче было выявить, застать врасплох, подловить на нарушении, на неисполнении.

«Дурная голова ногам покоя не дает»,— подумал нечто вроде этого, только (даже в мыслях!) облачив в более почтительную форму, Дорофеев, выходя из кабинета начальника после получения очередной инструкции. Была она малоприятной и касалась Смышляева. Кладунов, ведя индивидуальные мысленные досье на всех более или менее приметных сотрудников своего отделения, в последнее время вплотную обратился к личности обладателя скромной должности инженера-конструктора 2-й категории и вот теперь сообщил его непосредственному начальнику некоторые свои наблюдения, а именно: раза три в течение нынешнего лета, гуляя по городу с женой или с сыном-восьмиклассником, он вроде бы видел подчиненного Дорофееву инженера в пивных очередях. На последнем — к майским торжествам — учрежденческом вечере Смышляев довольно изрядно выпил в буфете с Мишиным и Пирожниковым, а

на торжественной части громко разговаривал и смеялся в задних рядах. На воспоследовавшей затем демонстрации он опять был навеселе, вычитал с несомого Мирошниковым и Курбаченко транспаранта с гербом, кажется, Казахской ССР пролетарский девиз и беспрестанно бубнил: «Барлык елдирдин, пролетарлары биригиндер!» И что переполнило чашу терпения — не далее как вчера он встретил Смышляева в коридоре вполуобнимку с молодой сотрудницей от Розалины Тимофеевны с очень красным, потным лицом, причем от него вроде бы исходил легкий запах спирта или водки.

— Я знаю, как выглядят сибиряки в жару! — досадливо перебил Кладунов Дорофеева, пытавшегося сказать о климатической аллергии своего подчиненного,— сам родился в. Магадане, после жил в Алмалыке, где летом градусник ниже сорока в тени не показывает.— Дорофеев знал, что ныне покойный отец его начальника в конце тридцатых служил в охране Берлага, а после войны с повышением был переведен оперуполномоченным в лагерь под Ташкентом.— И вообще, ходят слухи, что за кульманом Смышляева, он ведь отгораживает глухой угол комнаты, за его столом часто собираются в обеденный перерыв записные, общеизвестные выпивохи: художник Пирожников из оформительского сектора и ведущий инженер Мишин из двенадцатого отдела. Звенят стаканами, как видно, пьют принесенный из лабораторий спирт, закусывают. Откуда данные? Вам, Михаил Иванович, лучше знать, народ не совсем слепой и глухой рядом со Смышляевым сидит, видит и слышит. Пора положить этому конец. Самого парня до добра не доведет и тень на отделение бросит. Поэтому следует поймать за руку и примерно — другим наука! — наказать.

Такова в общих чертах была инструкция, полученная Дорофеевым от начальника. Он раньше сам отмечал, что Смышляев хотя и неназойливо, но дает повод думать о нем, как о «нелюбителе» выпить. И верно, встречали его в пивных очередях, на учрежденческих вечерах не избегал буфета, в предпраздничные дни ходил по этажам под легким хмелем, но все более или менее в общепринятых рамках. Водил компанию с Пирожниковым и Мишиным, имевшими несколько подмоченные репутации. Из угла, где, отгороженный большим немецким кульманом, сидел Смышляев, часто доносились в обед тройственные — хозяин низким, Пирожников высоким голосом, а Мишин, участник самодеятельности, темперированным баритоном — разговоры, смешки, после которых от выходящей курить троицы чуткий нос вроде как улавливал то спиртовую резкость, а то и хлебный запашок ординарного портвейна. Известно было, что Пирожников, как человек общеполезный, художник, пользуется расположением во всех подразделениях КБ, особенно в лабораториях, где ему под заказы на торжественные адреса свободно отпускают спирт.

Вроде бы все, годами наблюдаемое, говорило к очернительству Смышляева. Молодой, неопытный начальник давно бы затретировал, призвал к ответственности и... кроме неприятностей для себя со стороны высшего начальства, полной потери авторитета у подчиненных, ничего бы не имел. Но Дорофеев-то был руководителем со стажем, четко анализировал и сопоставлял доводы, из которых следовало: против Смышляева ничего не предпринимать. Доводов насчитывалось три. Как специалист Смышляев в отделе труднозаменим. Невысокая его должность, сравнительно со стажем работы и полезными в ней качествами, ничего не объясняла, так как была лишь результатом его ершистости и административной непоколебимости. Парень обидчивый, что-либо предпринять против него — беседы «по душам», запугивания — нерентабельно. Никаких льгот тот от конторы не имел, не ожидал, так что угрожать было нечем. Во-вторых, собственно, все домыслы о нарушении дисциплины за все время его работы в КБ никакого официального, документального подтверждения не имели; никто его не водил с работы на экспертизу, не делалось устных или

письменных выговоров за пьянство на работе. Даже со стаканом в руках и подготовленной к тому закуской никто из начальников не заставал, хотя часто видели суетящихся Мишина с Пирожниковым, пробирающихся из своих отделов с оттопыренными карманами, закусочными свертками, слышали легкий перезвон посуды в углу. Наконец, все трое часто уходили на обед в город, задерживаясь на час-другой, но опять, как-то сглаженно все это было, с правдоподобными поводами, не вызывающе... И наконец, по наблюдениям Дорофеева, сам Смышляев, долго работая в КБ, славящемся на весь город скандалезностью, открыл превентивный способ борьбы за спокойное существование, а именно, систему мер-п р о т и в о я д и й. В данной ситуации противоядие состояло в умелом использовании аннигиляционных разговоров. Аннигиляция есть термин астрофизический, означает уничтожение вещества при столкновении с антивеществом. В человеческом обществе аннигиляция была известна задолго до физического обосновании существования античастиц, особенно — аннигиляция слухов или встречно-предупреждающая пропаганда. Еще Макиавелли и Гвиччардини («*Ricordi*») отмечали это чудодейственное средство сокрытия истины, но принято виртуозом аннигиляции считать рейхсминистра пропаганды доктора Геббельса, хотя в последние десятилетия эта наука столь развилась, стала такой массовой, общеупотребительной, что и доктор выглядит на таком фоне любителем.

Смышляев, как только почувствовал завитавшие слушки, приступил к испусканию мощных аннигилирующих струй: за краткое время вызывающе создал себе — на словах — репутацию не просыхающего пьяницы. Поскольку это сильно гипертрофировало реальное скромное увлечение, несостыковывалось с его трудолюбием, аккуратностью в работе, свежим внешним видом, то он достиг желаемого: народ воспринял это как сорт юмора, на фоне которого всякие слушки потеряли доверительную ценность. Созданием аннигиляционной зоны Смышляев полностью обезопасил себя от посягательств, что вполне удовлетворило Дорофеева, но вот некстати вышла инструкция от Кладунова... Опять думать, выискивать, наказывать. Дорофеев осторожно вздохнул и принялся за дело.

5. «Медведь обложен!»

Дорофеев, равно как и переключивший одним своим появлением на противоположной стороне чудной улицы течение мыслей Смышляева начальник 203 сектора Чурбаков, был шахматным любителем. Надо отметить, что в наших учреждениях утром, в обед и после звонка в шахматы играют в основном начальники. Это не значит, что рядовые инженеры сплошь дубиноголовые, просто индусская забава нужна начальникам профессионально. Они в этой хитроумной игре оттачивают, как кошка коготки перед мышиной ловлей, свое административное ремесло: двигать людьми по ведомым только им, вершителям, законам выдвижений, перемещений, боковых ходов. Видимость деятельности у фигур на доске имеется, но к цели идет через их моральную отставку и погибель только он, начальник.

Отгремела получасовая утренняя битва. Со звонком шахматисты-пятиминутники разошлись. Дорофеев, неприятно взволнованный «высадкой» в первой же партии блица (зевнул обоих слонов!), как хранитель всей шахматной снасти, сгреб фигуры в ящик стола; доска, нарисованная цветной тушью на ватмане Пирожниковым за стакан спирта, собранного любителями, была стационарно прижата столешным листом оргстекла. Затем он переложил шахматные часы на шкаф, сел за стол, залистал папку с перепиской со смежниками по изделию. Со звонком в отдел подтягивался последний народ, было его мало по летнему времени. В комнате начинался новый рабочий день. Служащие, как воробушки, а правильнее сказать, как коты на заборе, поудоб-

нее угнездывались за своими столами. Наступал час первой стражи: тихий, сонный час вхождения в ритм дня. Пролетит в дреме этот час, и тихие воробушки загалдят грачиной стаей, загомонят. Только обед слегка их успокоит. Михаил Иванович по-отцовски дóбро смотрел на подчиненных, любуясь их умиротворением и покоем. Вот они, страдальцы жарчайшего конторского июля, одни за всех отсиживающие в бетонных тропиках, рассаживаются по местам. В ладном, красиво бюстированном теле, спортивно-похотливая, на первый взгляд, строго уселась за столом Давыдова. Засидится она в девках до старости! Раньше хоть на все лето в колхоз правдами и неправдами вырывалась, а сейчас и этого не пожелала. Хотя стоило только полслова сказать — Кладунов к ней благоволит. А как, сидя в отдельской комнате, жениха найти? Своего — но если с десяток лет по восемь часов в день видеть перед глазами молодого Жана Марэ времен съемок «Графа Монте-Кристо», так и тот хуже столовских котлет опротивеет! Ну, сиди, сиди, от тебя хоть ни пользы, но и вреда никакого нет. Так просто, украшение интерьера. Мирошников, глуповатый физкультурник, только из института, уткнулся вроде бы в альбом чертежей по 1506-й ведомости, а знаю! — «Футбол-хоккей» читает, вот и скальпелем воровато двигает, разрезает только для этой газетки характерные, слепленные поверху полос листы. Мирошникова, как человека без права голоса, он выдерживает для осеннего, принудительного, с грязью до колен и позднеоктябрьской стужей колхоза. Принимай боевое крещение, малец!

Солидный Курбаченко, постарше его, отставной подполковник по артиллерийскому интендантству, но с техническим образованием, врос за столом, как дуб, смотрит на свой же чертеж. Хорошо ему, оклад с пенсией в сумме на полсотни превышает зарплату Дорофеева, а ни черта не делает и не тронь его! Хотя мужик хороший, разговор с ним одно удовольствие вести неспешный. Опять же машина — не отказывает иногда подвезти, когда своя на мелком ремонте либо «лысая» стоит в гараже. Через три минуты (Дорофеев взглянул на часы, выверяя точное время) уйдет в курилку, там с такими же отставниками до самого обеда о военных пенсиях станут спорить... сорокапятилетние пенсионеры!

Надо сказать, что Дорофеев несколько своеобразно воспринимал юмор, ибо в детстве сильно ударился головой в гололед, а врач, знакомый по даче психиатр, определил эту специфику как очаговое нарушение эмоциональной деятельности в результате поражения правого полушария мозга. Физических страданий это не приносило, только порой моральные. По этой причине, даже хорошо и давно зная аннигиляционную сущность заявлений Смышляева, он на какую-то, пусть небольшую долю, но вполне серьезно воспринял вчерашнее, всеми ушами услышанное заявление: «Завтра ожидается плюс тридцать семь в тени, воды на этаже опять не будет, придется банку пива принести...» Воды, конечно, порой неделями не бывает на верхних этажах учреждения — обычная хроническая недоработка строителей, а скорее, проектировщиков здания, но ведь не повод же это был Смышляеву войти, спустя минуту после утреннего звонка, в отдел с раздутой матерчатой сумкой с четко вырисовывающимися боками двух литровых банок, глухо-наполненно стукающихся друг о друга? Дорофеева прошиб сложный пот и вдохновения, и недоверия, и удивленного восхищения, который выступает у всякого наблюдающего, как осмелевший от вина гражданин сам вступает в пререкание с милицией: а вдруг заберут?

Меж тем события развивались своим чередом, но предварительно поясним, что нынешний отдел Дорофеева еще пару лет тому назад имел очень сложную структуру: был он комплексной лабораторией со своими конструкторами, тематиками, технологами. Даже химики были, а сам Дорофеев руководил в лаборатории конструкторским сектором. С ростом числа сотрудников лаборатория превратилась в очень громоздкое сооружение, поэтому была вскорости разукрупнена на два отдела. Так Дорофеев

вступил на следующую административную ступеньку. Но поскольку прежние владения лаборатории сохранились в виде сложной сети проходных комнат и глухих чуланчиков, то при дележе Дорофеев получил одну большую комнату и чуланчик, соединенный с комнатой коридором. В чулане сидела его заместительница Розалина Тимофеевна Веснянская со своим маленьким сектором расчетчиц из трех девиц. Коридор же между комнатой и чуланом принадлежал второй, химико-технологической, половине бывшей лаборатории; вдоль его стен расположились шкафы с документацией, химпосудой и холодильник «ЗИЛ», в котором надлежало хранить реактивы, но на самом деле сотрудники обоих отделов клали туда до обеда приносимые из дома тормозки, а после обеда — купленную в буфете колбасу и сосиски. Так вот, Смышляев поздоровался устно с народом не отдельно, за руку, с начальником, прошел за свой кульман (видно было под доской — сбросил с ног уличные сандалии и обул казенные тапочки), после чего загремел переставляемыми банками, нагло-весело прошествовал мимо Дорофеева с цветным полиэтиленовым пакетом, в котором стояли банки с пенистой коричневой жидкостью, и всей комнате видно было через незатворенную дверь в коридор, как он устанавливал пакет в холодильник.

— Чего ставишь? — спросил, протискиваясь между свободной стенкой коридора и спиной присевшего перед распахнутым холодильником Смышляева, молодой угрюмый лаборант Васюков.— Правду говорят, что пива принес?

Если бы... так, пожрать.

«Халявщиков опасается,— ухмыльнулся Дорофеев.— Давай, давай! Васюкова ты мне не трожь, его да Мирошникова — кого еще на осень в колхоз, а зимой и вообще по разнорядке парткома на курсы механизаторов отправлять?» Очень его обрадовало, что Васюков не сумел напроситься на пиво, проще стало ситуацию обыграть, не вмешивая полезного, обидчивого парня. А план в голове создал он тотчас, как увидел входящего в отдел, гремящего банками Смышляева. А тот, не чуя надвигающейся бури, окончательно уверовав в спасительность аннигиляции, захлопнул холодильник и отправился, на ходу вынимая из кармана халата сигареты, для зарядки трудового дня в курилку, куда и ходил до самого обеда каждые полчаса, не выдерживая за своим кульманом в нарастающей духоте более получаса.

Меж тем солнце разогревало одиноко возвышающуюся посреди приземистых цехов, старых корпусов КБ и подсобных зданий бетонную, поставленную на попá гигантскую спичечную коробку. Внутри ее, как в чайнике, закипело задолго до полудня. Не помогали зашторенные с солнечной стороны окна, распахнутые фрамуги. Жара вместе с городской пылью заливала помещения. За столами кисли распаренные служащие в легчайшей, но, увы, от того не менее пропотевшей, скользко-липкой одежде. К одиннадцати все женщины побывали в туалете, откуда вернулись в халатах, под которыми уже не угадывалось признаков платьев, юбок, блузок. Девицы и молодые замужние женщины до тридцати, но с крепкими бюстами поснимали даже лифчики. Мужчины, в свою очередь, волновали нестарых замужних женщин волосатостью рук и торсов под полузастегнутыми халатами. Мирошников пришел на работу в сандалиях на босу ногу. Сам Дорофеев томился в облегченной форме начальника: рубашка-апаш, легкие брюки, летние туфли с дырочками — изделие дружественных индийских кустарей. Только высшие начальники, редко-редко стремительно проходившие коридорами из кабинета в кабинет, были одеты в полные пиджачные пары с галстуками, в стукотящие полуботинки на каблуках. Но у них это все натренировано, это люди другой породы, которым процесс терморегуляции тела подчинен...

Полдень. Мученье, казалось, достигло вершины, выше которой не может и быть. В эти томительнейшие минуты даже самых идеологически выдержанных сотрудников, даже малых и средних начальников нередко посещает дьявол-искуситель: мель-

кает недозволенная мысль о преимуществах службы в закордонных офисах, где кондиционер обычное, плевое дело, не как здесь, где примитивной услуги прохладительный прибор стоит только на подоконнике в кабинете самого Трибелнна, да и тот раз в месяц выходит из строя.

Дорофеев усилием волн отогнал антипатриотическое видение, взглянул на часы: до обеда двадцать минут. Разумеется, он не сидел до того сиднем, не ждал, пока пиво зарвавшегося Смышляева охладится до +5 °С. Все было подготовлено, оповещен Кладунов, подключены к акции Розалина Тимофеевна, начальники Мишина и Пнрожникова (их решил заодно приструнить Кладунов, хотя последние не были его людьми), партгрупорг отделения. Лишь профсоюзный руководитель, недавно назначенный бывший молодой специалист Афремов, встал в позу, отказался. По деловым, конечно, соображениям, поскольку Пирожников, намеченный в пострадавшие, только что дал принципиальное согласие на изготовление Афремову плакатов для его диссертации. Ничего, у Кладунова отличная память. Отказался бы и начальник Мишина, но был он в отпуске. Согласился замещающий.

Несколько раз у Дорофеева возникало острое желание стопроцентно у д о с т о в е р и т ь с я; даже, проходя по делам коридорчиком к Веснянской, взялся было за ручку холодильника, но, испуганно оглянувшись на случайный шум, устыдился, оставил намерение. Розалина Тимофеевна, непосредственная, как всякая женщина, предлагала послать девочек, но Дорофеев отклонил. Смышляев импонировал двум из ее девиц. Она все же послала третью — подхалимажную Людочку, но было поздно; Юрка Васюков застучал молотком, завизжал напильником в своей слесарке, что располагалась в нише все того же коридорчика, и как только Людочка якобы по своему обеденному делу открыла холодильник и заприметила, что хитрый Смышляев задвинул пакет в самый зад нижней полки, к тому же заваленной горой чужих тормозков, как хмурый Васюков шуганул ее:

— Чего шаришь?!

Но зато Розалина Тимофеевна доставила куда более ценные сведения; находясь по своим делам у соседей-технологов, она заприметила Смышляева, шепчущегося с Галочкой, смазливой девицей, имеющей отношение к техпроцессам с использованием спирта (ее подозревали еще в преступной связи с Виктором).

«Та-а-эк, значит, решили полный банкет учредить!» — восхитился Дорофеев. А тут совсем маслом по сердцу: забежал на минуту в отдел к приятелю Пирожников с большой красной папкой, стрельнул якобы у того закурить, мимоходом кивнул на папку, дескать, вот халтура — адрес Петрищеву (начальник одной из лабораторий КБ), полсотни на той неделе стукнет... Дорофеев хорошо знал, чем Пирожников берет плату. Из коридора донесся обеденный звонок. Все вскочили с мест, сорвались, схватили кошельки, устремились к холодильнику. Дурман как рукой сбросило.

6. О вреде обедов всухомятку

Служивший в отделе народ издавна делился на две неравные группы по обеденным признакам: большая часть обедала в столовой, меньшая — прямо на месте, принося с собой из дома тормозки. Понятно, что в столовой люди обедают по необходимости, но хворые гастритом, гурманы, ленивые и просто не переваривающие картонных шницелей, обсыпанных сухарями каких-то подошв, мутных крупяных супчиков и прочих прелестей ведомственного общепита, предпочитают приносить из дома бутерброды с колбасой, ветчиной, сыром, куски вареных кур, яйца всмятку, заваривая на десерт чай или кофе — по средствам.

В социальной психологии есть понятие «группы по интересам». По этой теории

выходит, что каким бы случайным и внешне непрезентабельным был объединяющий людей в группу признак, но тем не менее из анализа его можно сделать серьезные оргвыводы, порой ошеломляющие, бьющие в набат, тревожащие, заставляющие задуматься, принять меры и пр. Дорофеев, собаку съевший на руководстве малыми коллективами, духом не ведал модных психоаналитических теорий, но хитроватым нутром крестьянского потомка чуял верность таких утверждений. Взять хотя бы такой ничтожный объединяющий признак, как отказ посещать учрежденческую столовку и обедать на месте? Любой, самый дотошный профессор еще недавно столь подозрительных социопсихологических наук, любой начальник высокого ранга, руководящий тысячными массами трудящихся, переучившийся на многочисленных курсах повышения квалификации руководящих работников, где один из главнейших предметов все та же социальная психология, микроклимат коллектива, до тонкостей разобранные взаимоотношения администрации и подчиненных,— все они только рассмеялись бы, услышав, что существует такой фактор групповой характеристики, как «обедающие на рабочем месте». Но это понятно даже зеленому выпускнику вуза. Те люди большого полета, с народом общаются через злющих секретарш, через начальников, через статистические таблицы, а Дорофеев никогда отдельных кабинетов не занимал и на курсах был только единожды, еще в начсекторах ходя, да и курсы оказались чисто техническими. Посылали после повышения еще раз на административно-руководящее, но он отказался, ссылаясь на смежников, затянувших с выдачей документации, что грозило срывом плана всего отделения. На самом же деле стоял май, дача требовала неусыпного внимания.

Казалось, совершенно разные по характеру, возрасту, полу и склонностям люди оставались на обед в отделе, но если проанализировать? Нет, то была группа, да еще с какими потенциальными возможностями социального обособления! Во-первых, налицо учрежденческий антипатриотизм — пренебрегая столовой, они выражают вызывающее недоверие собственно к руководству предприятия, якобы не знающему и, что совсем нехорошо, не умеющему организовать нормальную работу столовой без получасовых очередей, без картонных котлет. Налицо недоверие к качеству пищи, то есть недоверие к коллективу работников столовой. А ведь те стараются, ссылаясь на единые общесоюзные нормы раскладки, государственное ценообразование, всеобщие дефициты, трудности с высококалорийными и сезонными продуктами, то есть... Дорофеев чуть побледнел, когда додумался до глобальных выводов: речь шла уже об организованном недоверии к государственной системе общественного питания и далее — о нежелании понимать постоянно-временные трудности в стране и т.п.!

Но это лишь одна сторона, хотя, если вдуматься, то самая серьезная в качестве объединяющей данную группу и характеризующая ее отнюдь не с самой положительной стороны. Существенным объединяющим моментом является лень. Да, именно лень! Всем им неохота поднимать сплющенные зады от сидений стульев, переобуваться, пускаться вниз (лифт часто не работает), выстаивать длинную очередь, шататься с подносами в поисках свободных столов, относить подносы, наконец, возвращаться назад... Куда проще добрести до холодильника, вынуть свой сверток, залить кипятком из чайника стакан, не торопясь пожевать, а огрызки, газетные обрывки смять в комок и, даже не оборачиваясь, бросить в мусорную корзинку позади своего стула. Именно в личное, обеденное время проявляется успешно маскируемая во время работы лень. А ленивый работник, даже если он сверхуспешно справляется с заданиями, потенциально всегда может подвести. Лень — порок, хорошо скрываемый, но неизлечимый. К тому же лень имеет чуть поменьше миллиона градаций; среди них две наиболее часто встречающиеся и диаметрально противоположные: кипучий лентяй и лентяй флегматичный. Первый суть человек настроения; может целыми днями, в исключительных случаях даже месяцами, сидеть, явно лениться, но потом, когда лениться надоедает, либо обстоятельства

прижимают, он единым штурмом проделывает всю провороненную работу и даже сверх ее — про запас на период следующего приступа лени. Флегматичный лентяй — обратное явление. На вид он упорно, безостановочно работает, но когда надоест, то расслабляется и потихоньку ленится. Среди последних наибольший процент обедающих на месте. Большая ошибка спутать флегматика с человеком, просто отдыхающим, ибо внешне их действия во всем совпадают, но различие методологическое: неленивый человек отдыхает как бы нехотя, в силу физиологической необходимости, а лентяй — с наслаждением.

Нет большего вреда работе н а ш е г о учреждения, чем текучесть кадров. А кто чаще в процентном, относительном выражении, увольняется? — Обедающие на местах. Да, это так. Дорофеев с карандашом в руке проанализировал данные по своему отделу (ранее еще не своему) за несколько лет работы и доказал правоту такого вывода. Совсем не трудно было обосновать его, хотя причины здесь тоже не однозначные. Во-первых, оторванность, хотя бы на 45 минут — продолжительность обеденного перерыва в учреждениях с «черными субботами» — от коллектива, способствующая обретению пагубной самостийности мышления. Без должной дружеской поддержки, без спайки и оптимизма общности дела они замыкаются в себе, мучительно, бесцельно предаются бесполезному самоанализу, из которого якобы спасительный выход им грезится в перемене места службы. Известно, что лучше всего там, где нас нет. Затем этому способствует несколько лучшее качество домашней пищи по сравнению со столовской, что автоматически, по природе человеческой, обостряет симптомы аристократизма, ведет к некоторому пренебрежению окружающими, следовательно, создает стену непонимания, откуда прямой путь к уходу из коллектива. Наконец, обедая на месте, служащие почти на час остаются предоставленными самим себе, без начальника, без коллектива опять же, лишь в своем узком кругу. А поскольку служащие, начиная с должности ведущего инженера, инстинктивно полагают для себя неудобным обедать на месте, то круг этот не только узок числом, но и ограничен своими невысокими должностными рамками. Совсем несложно представить, какие разговоры, вокруг чего ведутся за неторопливым пережевыванием и чаевничаньем: жалобы на низкую зарплату, на интриги Розалины Тимофеевны, на тупой принципиализм Кладунова, на его, Дорофеева, личные качества. Именно здесь зарождаются и закрепляются слухи о «хороших» конторах, где мед сам в уста течет, начальники на одной ноге с подчиненными, платят много, а делать ни черта не надо. Понятно, в какую сторону такие разговоры дезориентируют и развращают человека.

Дорофеев — гуманист, что, впрочем, не отрицает общеначальнического гуманизма же. Начальник, по сути своего положения, должен быть чутким, внимательным, но в то же время не давать послаблений. Отсюда и рабочее понятие административного гуманизма; этот оттенок общеполезного качества в чем-то сродни принципу разумного эгоизма Базарова, если вспомнить классика школьной программы. Формулировка административного человеколюбия, если попытаться переложить ее в официальных терминах, очень пространна, велеречива, содержит массу хороших слов, синтаксически построена на периодах, каждый второй из которых начинается с союза «но». А общий смысл таков, что начальнику показана гуманность в отношениях с подчиненными и тем более показана, чем дисциплинированнее последний, чем большую пользу приносит обществу в составе конкретной производящей ячейки. В свете такого подхода понятно и требуемое от начальника отношение к недовыполняющим, тем более — злостно не выполняющим свои обязанности подчиненным. Но как быть с обиженными от природы, кто в силу физических или иных недугов, недоработок не может быть вперед идущим знаменосцем дисциплины и самоотдачи?

Принцип административной гуманности гласит, что таковые обязаны работать по способностям. А способности у недужных уменьшенные, значит, в силу основного принципа социалистического воспроизводства их доходы также пропорционально уменьшаются. Здесь-то умный начальник даже превышает уставный уровень гуманизма и держит подчиненных с уменьшенными возможностями на усредненном окладе. Как это ни жестикулярно великодушно, как ни гуманно, но все же начальник желает иметь сотрудников с олимпийским здоровьем, примерных семьянинов с легкой толикой душевной, общественно-политической, культурно-образовательной тупости, очень трудолюбивых. Такой под удар начальника не подставит, много не требует, благонамерен, на стройку легко соглашается, от колхоза не отвертится да и не захворает в горячее время окончания квартала. Масса достоинств!

Так вот... к чему речь? Все к тем же обедающим на местах. «Если человека не устраивает, прямо скажем,— думал Дорофеев,— малокалорийная, столь же малокачественная столовская пища, значит, желудок его требует лучшего, значит, он не натренирован, вот-вот готов впасть в болезнь, в гастрит, язву... А желудок, как врачи утверждают, штурман человеческого организма, в любой момент обладатель такого желудка может сдать, стать этаким болезненным балластом коллектива».

...Много, около двух десятков, пунктов такого рода домыслил Дорофеев, двадцать с лишком лет наблюдая за людьми, но самый последний довод особенно его беспокоил: все обедающие на местах отмечены печатью нестандартности мышления; короче, у всех них наблюдались сильные отклонения в сторону увлечений, побочных работе и нормальному быту. Конечно, сам факт наличия увлечения ни о чем дурном не говорит. Напротив, система интересов поощряется общественным мнением и прислушивающимся к нему мнением официальным, но в случае, если увлечение не слишком захватывает человека, а лучше всего помогает ему в основной работе. Будь Дорофеев — он и не знал кем, чтобы декретировать в очень широких масштабах, ну... например, этаким верховным муфтием всего мира в части откупа контроля над увлечениями — этим-то муфтием,— он привел бы в строгую систему соответствие хобби и основных профессий, сделав первые стимулирующими дополнениями последних. Например, различные библиотекари, архивариусы занялись бы книголюбительским спортом, строительные инженеры и архитекторы — усовершенствованием своих дач, частных домов. Врачи интересовались бы ветеринарией домашних животных, обрезкой ушей пятнистым догам, хвостов — доберманам. Начальники... тут он задумался и ловко выскочил из затруднения — начальникам следует коллекционировать почтовые марки! Почему? Он так и не смог себе объяснить. Просто такое хобби имелось у его бывшего начальника Гриневицкого, у нынешнего руководителя КБ Трибелина, у его второго зама, а также у заместителя главного инженера Дунайцева. «Они лучше знают, почему так!»,— отмахнулся от строгой логики Дорофеев. А вот эти самые на-месте-обедающие? Все поголовно с увлечениями, но с какими-то дикими, извращенными, не укладывающимися в разработанную им систему. Инженер-конструктор третьей категории Сергунчиков, вчерашний молодой специалист, способный, усидчивый парень с хорошо развитым пространственным воображением, ловко чертит самые сложные сборочные чертежи. Дважды за три с небольшим года работы в КБ получал по десятке прибавки, последний раз с повышением в должности. Тихий, спокойный, щупловатый, невысокого роста, домовит, живет в пригороде в собственном доме с женой и родителями. Занимался бы огородом, а зимой радиолюбительством, паял бы приемники рядом с тепло натопленной печкой и до старости лет собирал мечту жизни — цветной телевизор. Для работы польза какая! Ведь Сергунчиков как раз занимается в отделе проектированием блоков радиоаппаратуры. Так нет ведь, йогой увлекся! Что это за поветрие такое? Как ненормальный, сидит, сидит, вдруг на часы зыркнет, из стакана, рядом всегда стоящего, воды хлобыстнет пару

глотков, да не просто, а как курица — в рот зальет, голову запрокинет и заглатывает... После чего минуты две руки по швам, нос вверх, сидит, как палку проглотил. Каждые полчаса. А три раза в день ка-ак уставится на цветной кружок с пятак размером, приклеенный к доске кульмана, лицом этак соскучится, замычит: «Ом-мм, ом-мм, о-о-ом!» Не по себе делается. Работе особого вреда нет, он тут же наверстывает, хорошо парень работает, но соседей отвлекает. Те рады похихикать, позлословить, а время-то рабочее золотое идет... Молчит полдня, только свое «ом-мм» пробурчит, но вдруг разойдется, народ, лишь бы ничего не делать, кругом обсядет его, слушает, а тот лекцию читает, только слышно: медитация, пратнаяма, хатха, карма, кундалини... В обед же развернет свой тормозок вегетарианский с какой-то дрянью, хотя родители в год двух кабанов забивают по семь пудов, перед собой отксеренную книжку Вивекананды или Рамчараки раскроет и замрет, только редиска с луком на зубах хруст-хруст! Надо поинтересоваться, кстати, кто ему размножает, надо себе переснять брошюру — есть у кума — по варке варенья, жена просила.

А чем увлекается Курбаченко? Ему по возрасту и воинскому прошлому в шахматы или в преферанс играть с однополчанами, он же знай в обед наворачивает копченую грудинку с целиковым батоном по двадцать пять копеек — в левой руке, а правой строчит. Писателем в отставке заделался. Так хотя бы свои военно-интендантские мемуары писал, нет, который год сочиняет биографический роман о любимом военном теоретике Карле фон Клаузевице! Во сне такое не привидится.

Давыдовой больше к лицу подошло бы рассматривание журнала мод или чтение какого романчика под свой диетический творог, можно гривенники в шампанскую бутылку складывать. Никто дурного слова не скажет, так она туда же: задумала диссертацию писать, полагает, что это, во-первых, мыслимо, не согласовав ни с кем из руководства да при всей ветви восходящих начальников без ученых степеней, и неужели думает, что именно таким способом следует мужа искать?

О Смышляеве говорить нечего. У него одно увлечение другое сменяет и все дичайшие: то принесет на работу груду палок, угольников, нож сапожный, ворох бумажного хлама и, наскоро закусив бутербродами с вареной колбасой, начнет переплетать книги, клеем на весь отдел развоняет. А то ремонтирует электроподогреватель для жидкого детского питания или Библию вслух читает, но чаще всего прячется с Мишиным и Пирожниковым за кульманом, о чем-то тихо шепчутся, звенят посудой, всхохатывают, видать, анекдоты про руководителей партии и правительства рассказывают, после же уходят в курилку. Ясно. Спирт технический пьют. То-то смазливая Галочка порой бочком-бочком, глазки неравнодушному к ней Курбаченке строя, пробирается за смышляевский кульман, похихикивает со всей компанией... Один раз, не выдержав смешков из угла, как бы по делу (уходил Дорофеев на обед, как принято у начальников, на полчаса позже, а эти «сторожевые» полчаса играл в шахматы) зашел за линию кульмана, но троица сидела в рядок за столом, жевала булочки с запеченными сосисками, пила чай и рассматривала какой-то малопристойный журнал на отличной мелованной бумаге, выписываемый на валюту техбиблиотекой для сектора дизайна. Спиртоноша Галочка, облокотись своим знаменитым на все КБ — даже Давыдова, ее врагиня, в счет не шла — бюстом на столешницу, также с интересом сравнительного характера смотрела в журнальчик. Все четверо нагло уставились на Дорофеева, предложили чайку. Тот как-то вывернулся, ретировался почти что смущенный. Смутила его внеслужебная поза Галочки.

Но ведь пьют, пьют, собаки! И запашок спиртовой трудно с духами Галочки спутать, и Смышляев с графином за свежей водой летает, Пирожников свертки слишком объемные для простого тормозка приносит да держит всегда их аккуратно при ходьбе, вертикально, а по лицу благообразного Мишина видно: вожделеет!

Пора, пора кончать. Тем более есть инструкция от Кладунова.

7. Момент истины, или роль рекламы в торговле автомобилями

Из коридора донесся заливчатый обеденный звонок. Все повскакали с мест, сорвались, схватили кошельки, устремились к холодильнику. Дурман как рукой сбросило! Как и предвидел Дорофеев, все у них шло по тщательно разработанному плану; бедняги подумать не могли, что их тайна раскрыта с точностью до жестов, рассчитана до секунды. Смышляев подошел к холодильнику, попутно — боковым зрением засек Дорофеев, взял на заметку — шаловливо полуобняв спешащую сегодня в столовую разрумянившуюся Галочку, терпеливо, что не соответствовало его характеру, дождался, пока Сергунчиков, Курбаченко, Давыдова, еще кто-то из дружественного технологического отдела разберут свои свертки, солидно и нагло вытащил нагруженную банками, множеством небольших свертков сумку и проследовал за кульман, опять-таки от избытка предвкушающей радости попутно огладив Давыдову по крутому плечику. Тотчас же прибыл Пирожников. В руках (в обеих!) он держал сверток, как всегда вертикально. Последним явился Мишин со своим вкладом в газетной бумажке. За кульманом загремела посуда, что-то со стуком стругал ножик, послышался громкий отвлекающий разговор о футболе.

Наступил момент действия. Дорофеев поднялся, для порядка собрал бумаги в кучу и чуть громче обычного, обращаясь к зажевавшему с урчанием грудинку Курбаченке, объявил:

— Пойду я, Петрович, пообедаю.

— А шахматишки что ж?

— С утра не позавтракал, прямо с дачи, не в форме...

И вышел, очень ловко на ходу прикрутив замок с наборным шифром. Следом вышла из коридорчика Розалина Тимофеевна, для гласности громко удивилась: дескать, Михал Иваныч ушел, что ли? А шахматы? Тоже мне игрок! И ушла, не забыв оставить дверь приоткрытой. Штатным игрокам за столом Дорофеева еще до обеда была дана Кладуновым неясная команда оставаться на своих местах. Через минуту состоялся полный сбор. В небольшом отдалении по коридору, вроде бы у отделенческой доски объявлений, маячили: Дорофеев с заместительницей, партгрупорг, начальник Пирожникова, и. о. начальника Мишина. Последним подошел очень серьезный Кладунов. Вся компания молча, организованно двинулась, но у двери в отдел притормозила, а Дорофеев неслышно — впрочем, очень громко хрустел репкой йог Сергунчиков и маскировал дверной скрип — вошел в комнату. Из-за углового кульмана яростно звенела посуда, лилась жидкость, неслись радостно-возбужденные голоса. Дорофеев дождался принятого у троицы гагаринского «поехали!» и тотчас широко распахнул дверь изнутри. Толпа набежала на кульман Смышляева.

— Ба, Михал Иваныч! Решили в столовую не ходить? — приветствовал хозяин.— Милости про...— и осекся, разглядев высившуюся над кульманом голову Кладунова, а под кульманом насчитав, вместе с кладуновскими, пять пар ног,— милости просим к нам на окрошку!

Дорофеева слегка шатнуло. Трое служащих с ложками в руках сидели вокруг большой суповой миски с окрошкой. Холодный пар валил от нее, возбуждая язвенный аппетит. Кусочки колбасы играли в догонялки с розовыми ломтиками ветчины, на глубоководных мелях затонувших картошек и огурцов, маскируясь в зеленой тине лука, подвсплыли округлые мины-маслины. Айсбергами плавала заснеженная сметана. В левых руках (левша Пирожников в правой) соучастники атаки держали по ломтю хлеба с горчицей. В стаканах пузырилась минералка с дольками лимона. За миской, прислоненный к подоконнику, лежал удобно обращенный к лицам обедающих

свежий номер полутехнического-полупорнографического дизайнерского журнала. На развороте его воспроизводилась реклама американского автомобиля для семейных путешествий: загорелая красотка стягивала левой рукой с выдающихся бедер мини-бикини, а в правой держала стилизованный под легионерский римский значок плакат, на котором по-английски было написано, а карандашом по-русски приписано: «Я отдаюсь только в автомобилях марки «Ленд-Ровер!» К углу тем временем подтягивался местный народ. Раскрыли рты Курбаченко, Давыдова. Последняя презрительно смотрела на красотку с плакатом, Сергунчиков поперхнулся репкой.

...Позавчера вечером жена Смышляева, наскучившись жалобами супруга на жарищу в конторе, подсказала рецепт противоядия: сделать в обед себе окрошку, а сегодня рано поутру сама сходила за квасом.

8. Этот май-баловник

Вот так с шутками-прибаутками, с холодной окрошкой пережил Смышляев жаркие месяцы. Август вообще пролетел незаметно, на весь месяц послали в строительный цех на бетономешалку: пять замесов — полчаса лежи на досках, загорай. В сентябре вышел отпуск, там и до зимы недалеко. Начиная с середины марта Смышляев ходил по утрам на работу веселый, даже афоризмы о начальниках приобрели либерально-философский оттенок. А на работе все спорилось, горело в руках. Куда девалась тоска и мрачность прошедших зимних месяцев, когда жена каждый вечер попрекала, что-де до пенсии на ста шестидесяти пяти рублях будешь сидеть...

— Что ты, хуже всех работаешь? — вопрошала она, закончив стирку или приведя из сада дочь в начерно испачканном за день пальто. Это было очень обидно слышать, поскольку Смышляев работал лучше всех в отделе. Жена в такие моменты казалась кривой ведьмой, появлялось желание погулять, сходить в кино с Галочкой. Да и Дорофеев, совсем зауважавший его после срамной истории с окрошкой, всей душой был бы рад прибавить работящему подчиненному, но...

— Понимаешь, Виктор, в КБ вообще сейчас туго с прибавками,— доверительно пояснял он заугрюмившемуся Смышляеву,— сам понимаешь, предприятие молодое (КБ четыре года тому назад отделилось от завода), только организовалось как самостоятельное, расходы, стройки, неустойки — фондов нет!

Но на переломе марта месяца засияло освободившееся от зимних пут солнце, а с ним повеселевший Дорофеев подозвал поутру Смышляева, усадил рядом, попросил завтра принести номер диплома, предложил ознакомиться с черновиком характеристики на него. Тот внутренне возгорелся от радости: прибавка к Маю! И должность конструктора первой категории! Вот почему ходил он на работу довольный, афоризмы сочинял необидные, работа стократ спорилась. Через какой-то месяц с небольшим двадцатка прибавки и высшая инженерная должность. Слава Богу, все обошлось, не нужно будет униженно просить более удачливых однокашников, устроившихся в теплые места, посодействовать... нудно, противно, со скандалом, с уговорами увольняться, обживаться вновь, «рекомендовать» себя, оставаясь после работы. Жена отойдет, да и утомлять начали бесплодные вечерние тайные прогулки с Галочкой: некуда приткнуться, уединиться, да ей замуж пора... с таким-то бюстом?! Смышляева то и дело поздравляли Курбаченко с Давыдовой, йог Сергунчиков рекомендовал проверенные самим Рамчаракой асаны — позы для подавления излишних радостных эмоций, а Галочка, милая душа, подарила ему для хранения деловых бумаг при новой должности роскошную папку «под кожу» с тиснением. Дорофеев, встречаясь глазами с ним, понимающе и ободряюще подмигивал, Розалина-обозлина обиженно поджимала губы, когда в отдел приносили на подпись Дорофееву отпечатанную характеристику, заготовки протокола.

Чем ближе к Майскому празднику, тем ярче, теплее светило солнце, согревая душу Смышляева. Но чем радужнее мечта, тем свирепее бьет по макушке разочарование, а оно чаще всего опережает свершение желаемого. Так случилось с невезучим в служебном усердии Смышляевым. За четыре дня до заседания аттестационной комиссии требовательно и гневно задрожал, зазвонил красный телефон внутренней прямой связи без диска-номеронабирателя. Дорофеев поспешно, но почтительно снял трубку, выслушал, на лице его проступило странное выражение: то ли радоваться, а скорее всего, ожидать взбучки.

— Виктор! Смышляев! Пошли к Начальнику, зачем-то меня с тобой вызывает.

Молча спустились, не дожидаясь лифта, на третий этаж, причем Дорофеев бросал короткие, испытующие взгляды на захолодевшего подчиненного. Робко вступили, повинуясь немому жесту Веры Григорьевны, через тамбур в просторный кабинет Трибелика — и оба ужаснулись вмиг виду разгневанного лица Владислава Сергеевича, первым его словам:

— Выбирайте сами, кого из вас увольнять: Смышляева или Дорофеева?

У менее закаленного Смышляева все оборвалось внутри. Некстати вспомнилось, что Галочка вчера намекнула на неприятные осложнения в своем стройном организме. Что творилось в душе более ответственного за поступки подчиненных Дорофеева, об этом можно только догадываться. Во всяком случае, после короткой беседы-монолога Начальника он пробыл две недели на больничном — жена Дорофеева работала врачом в поликлинике, а земля на даче подсохла к концу очень теплого апреля и требовала ухода.

Правда, никого не уволили

9. Тень покойного фюрера

Начальник и главный конструктор КБ Владислав Сергеевич Трибелин недавно отметил сорокапятилетие, жизнь его радовала. Действительно, почему не радоваться, если он — самый молодой глава предприятия не то что в главке, но во всем министерстве. К середине пятого десятка, практически молодым еще человеком, он имел директорскую должность, степень доктора наук (одна только диссертация, сделанная и принятая к защите в городе *Х.*, стоила КБ полмиллиона рублей хоздоговорных денег), массу ответственных знакомых в министерствах. Среди сотрудников КБ ходил уверенный слушок, что Начальник вхож и куда выше! Да еще два ордена за успехи в руководстве, двое детей-отличников, пятикомнатная квартира в центре, здоровье бывшего спортсмена-любителя, одна из лучших в городе коллекций почтовых марок, неиссякаемая воля к продвижению вперед, а также отменный жизненный оптимизм. Кто из читателей служил или посейчас работает в учреждениях подобного рода — а кто из инженерной братии там не работал? — тот задумается: чего-то не хватает? Но не хватает настолько обыденного, соответствующего должности Трибелина в 70-х годах, что мы даже пропустили это в перечислении: две Государственные и одна Ленинская премии, звание «Заслуженный изобретатель РСФСР» (автор свыше 400 изобретений), член редколлегии отраслевого научно-технического журнала и прочая, прочая.

И в это утро он неспешно прошелся, словно какой-нибудь Смышляев, от дома до учреждения, благо идти три квартала, поднялся пешком на третий этаж, сурово и презрительно окинув взглядом серо-стальных глаз большую очередь служащих к лифту, в кабинете просмотрел кой-какие срочные бумаги, телеграммы с вечера, а ровно в девять, приказав Вере Григорьевне отложить планерку на четверть часа, уже на лифте поднялся на восьмой этаж и, распугивая своим появлением курильщиков, направившихся было в курилку при мужском туалете, проследовал в кабинет Кладу-

нова. Все его радовало, вот только как всегда туалет-курилка огорчила; сколько он не боролся во всю силу данной ему власти с курильщиками — никакого результата. Слышно из-за двери: хохочут, опять с самого утра толкутся, окурки куда попало бросают. «Посади свинью за стол...» — в который бессчетный раз подумалось ему. «И чего они без конца курят? Работой, что ли, не загружены?» Сам Начальник тоже курил, но он же не стоит целыми днями в предбаннике сортира, не мусорит, а курит свою «Яву» в кабинете, аккуратно пользуясь подаренной еще к 40-летию лично Дунайцевым хрустальной пепельницей. А окурки, когда их после совещаний много набирается, выносит Вера Григорьевна или ее помощница Марина, молодая супруга личного шофера Трибелина. «Как это отвратительно — курить в зловонном отхожем месте!» — с недоумением размышлял Начальник. Кстати припомнился недавний разговор с заместителем начальника главка по материально-техническому снабжению Цфасманом. Милейший Аркадий Исаакович увлекался историческими параллелями, а в тот раз, оставшись наедине с Трибелиным в своем кабинете — засиделись допоздна, согласовывая номенклатуру поставок в КБ на новый финансовый год — между делом рассказал Владиславу Сергеевичу о происхождении некоторых обычных норм поведения на промышленных предприятиях страны, равно и в других общественных местах. Оказывается, до начала 30-х годов курить в туалете считалось столь же непристойным, как, например, там же, усевшись на унитаз, кушать борщ или сборную солянку. Кстати, до тех же времен никто не садился на этот унитаз, если в кабине не было двери, либо дверь была наполовину отпилена сверху или снизу, как то принято у нас в общественных местах и на производстве. Переворот в курительно-унитазном деле совершил не кто иной, как Адольф Алоисович Гитлер, который, заботясь о своем здоровье и не вынося запаха табачного дыма, нещадно гнал курящих райхсминистров и фельдмаршалов из служебных помещений райхсканцелярин, которым только и остались для курения туалетные помещения. Надо полагать, у Гитлера имелся персональный сортир, как, например, у наших нынешних руководителей предприятий, у Трибелина тож. Понятно, что обиженные райхсминистры тотчас уравняли с собой в правах все семидесятимиллионное население Германии. Геббельс сочинил обоснование: борьба за здоровье нации требует удаления курильщиков из всех служебных и иных помещений. Кстати, роль личности в истории не ограничивается войнами», примирениями, разорениями народов. Можно продолжить пример с курением. Наш вот вождь Сталин всю жизнь курил, потому антиникотиновой пропаганды при нем не припомнят старшие поколения. При некурящем (кажется?) Никите Сергеевиче медики забеспокоились было о вреде табачного дыма, но было не до них. Пока Леонид Ильич курил свою «Новость» по 18 копеек пачка, пропаганда никотинового вреда глухо и невнятно бормотала, но когда Брежнев, заботясь об угасающем здоровье, бросил «Новость», появились в городах плакаты с позеленевшими легкими и ограничения в продаже сигарет подросткам. Пример можно распространить на алкоголь, продолжить во времени...

Вышибание же или обрезка дверей в кабинках туалетов была предпринята в Германии чуть попозже для предотвращения укрывания там отлынивающих от работы рядовых арийцев. Дальше все просто. Немецкая выдумка насчет курения и сортиров понравилась если не курящему Сталину, то уж кому-то из его окружения; здравый опыт пересадили на отечественную почву. А они у нас взяли на вооружение подвиг Павлика Морозова. И поныне забытая тень покойного фюрера витает в наших совмещенных туалетах-курилках, кстати, вредно воздействуя сверхконцентрированным дымом на справляющих естественные нужды некурящих.

«...Неряхи и бездельники»,— сделал окончательный вывод Трибелин, входя в кабинет начальника 2-го отделения. За пару секунд до того он все же хотел зайти в туалет, распечь распоясавшихся курильщиков с восьмого этажа, но вспомнил, что сего-

дня приезжает главный инженер главка с рядом ведущих специалистов предприятий-смежников, и мысль о расправе тотчас была вытеснена соображениями о привычной расстановке сил перед ответственной визитацией: кого из начальников отделений и отделов позвать на совещание, какие материалы по изделиям выставить напоказ, а какие спрятать подальше, где заказать ужин и прочее. О курильщиках он забыл напрочь, тем более, что, прослышав о появлении на этаже Самого от попавшегося ему навстречу Юрки Васюкова, все побросали только что раскуренные сигареты и папиросы, Лохматых затушил трубку, привезенную им из последней поездки в колхоз, самолично выструганную, притворно беспокоясь насчет производства, разбежались, как вспугнутые включенным светом клопы. Через пару минут весь этаж знал: сегодня у Кладунова день рождения, и Владислав Сергеевич лично поднялся на этаж поздравить его. Все были потрясены демократизмом, чуткостью Начальника, а экзальтированная Людочка Целиковская, тайно и трусливо влюбленная в Трибелина, восторженно заявила:

— С таким начальником хоть на край света! Необыкновенный человек.

Ответственная встреча произошла пополудни и свершилась как нельзя лучше. Гости остались довольными неутомимой деятельностью начальника КБ, последний же еще на ступеньку поднялся в завоевании личной приязни очень ответственного министерского руководителя, пусть на маленькую, но ступеньку, а в его сложной, стремительной карьере всякая крупинка пополняла мешок конечной цели, название которой он не доверял даже собственной пыжиковой шапке. Шляпе летом тож. Но несмотря на общее хорошее итоговое впечатление, все же вышла мелкая неприятность, заставившая Начальника внутренне покраснеть, а на следующее утро очиститься в безудержном гневе: опять курильщики подвели!

На восьмой этаж гости поднялись к концу осмотра подразделений, выполняющих наиболее ответственные заказы. Заодно поздравили Кладунова. Так как процедура осмотра дело долгое, то, естественно, к концу его некоторые из состава делегации, в том числе главный инженер главка, начали проявлять некоторое, правда, заметное только наблюдательному взгляду Начальника, беспокойство. Мигом сообразив, Трибелин миновал последнюю на этаже, малозаметную в масштабах КБ лабораторию и повел гостей освежиться. Как и пристало пикантности момента, гости и Начальник перешли от деловой сосредоточенности к шутливой интонации. Встав в ряд перед шеренгой писсуаров, они затеяли такой вот разговор, не теряя, как деловые люди, ни одной, даже интимно-санитарной минутки:

Н а ч а л ь н и к: Прошу прошения за задымленность. Это у нас и туалет, и курилка. Маловато площадей под сангигиену.

Г л а в н ы й и н ж е н е р: Да-а? А я подумал, что это все продолжение того отдела, в котором столько коридоров и глухих комнаток.

Н.: Ха-ха! Маловато, Василий Афанасьевич, маловато у нас площади, пора нам, хе-хе, расширяться!

Г. и.: О-о?! У вас, я смотрю, не только туалет с курительной комнатой совмещен, но и писсуары с мусорницами?..

Н. (побледнев и только сейчас заметив сигаретный охнарик в писсуаре Главного): ...Да-а, гм-мм (смешавшись, но лишь на секунду), а Путкарадзе, говорите вы, вторую неделю, как в Свердловске? Надо сегодня же позвонить по вертушке, поздравить. Не у каждого сын в тридцать два года папаху получает!

Затем Начальник скоро и умело перевел разговор на неслужебное, но, в общем-то, околослужебное. Внешне он оставался спокойным, благодушным, хлебосольным хозяином, но, пропустив вперед себя гостей, выходя последним, он с таким гневом посмотрел на двух топтавшихся, чувствовавших себя не в своей тарелке от присутст-

вия при интимном туалете начальников высочайших рангов курильщиков, застигнутых врасплох, что у тех сердца рухнули оземь.

Из-за проклятого окурка на самом высшем витке развития сорвалась и провалилась несколько лет тщательно разрабатываемая Трибелиным операция по расширению территории КБ за счет отторжения от материнского завода площадки, занятой старыми складскими помещениями. Что-то будет? В отделе Дорофеева вспомнили, как в позапрошлом году предшественник Юрки Васюкова по лаборантской должности, полный балбес Завьялов повадился бросать двушки и даже гривенники в писсуары (за десять лет предвосхитил идею нынешних кооперативных сортиров, подлец!), что заприметил Владислав Сергеевич и срезал на 25 процентов премию за квартал всему отделению Кладунову, дескать, зажировались, деньги вам некуда девать...

10. О преимуществах человеческого фактора

Начальник не был бы таковым, когда б не смог задержать выход гнева до окончания расследования; только в этом случае наказание достигнет наивысшего воспитательного эффекта. На другое утро Трибелин поодиночке вызвал а кабинет некоторых подчиненных Кладунова из числа руководителей низовых звеньев, людей понятливых, исполнительных, тупо-преданных, и выдал им ряд определенных инструкций. Список для вызова подготовила Вера Григорьевна, консультируясь по телефону с Кладуновым. Вызванных объединял один общий признак — все они были курящими.

Весь день и первую половину следующего наблюдательный человек мог отметить необычную активность отдельных курильщиков из числа мелких начальников, ранее избегавших задерживаться в курилке восьмого этажа рядом с простым народом более двух-трех минут. Они прямо-таки не могли усидеть на рабочих местах, а высасывали сигареты до самого фильтра, тут же от них прикуривали следующие, охотно вступали в спортивные, охотничьи, рыболовные, военно-пенсионные разговоры, хохотали над непристойными анекдотами армейца Курбаченки, не забывая при этом бдительно просматривать все углы, закоулки курительной и писсуарной частей комнаты.

Наступало утро второго дня следствия. На рассвете между пятой и шестой стражами Начальнику снился сон. В том сне правдоподобно воссоздавались события позавчерашнего дня: утреннее возбуждение, встреча гостей, экспедиция по учреждению — все совпадало вплоть до момента, когда, стоя в писсуарной шеренге, главный инженер главка весело и иронично протянул, грассируя по-столичному:

— О-о?! У вас, я смотрю, не только туалет с курительной комнатой совмещен, но и писсуары с мусорницами?..

Далее все замелькало кинематографически: чуть смазанные историей с окурком проводы гостей, мимоходом команда одному из доверенных подчиненных извлечь и сохранить окурок. Окурок извлечен, помещен в специальный герметичный сосуд из химлаборатории, в котором отправлен на экспертизу в областную криминалистику. Оттуда спешным курьером в чине сержанта приносят бумагу с гербовой печатью, на которой записаны химическими формулами компоненты слюны и мочи (пардон!). По спецзапросу из Министерства присылают анализ продукта выделения главного инженера главка, составляется ведомость рассогласования показаний двух анализов, на основе которой формируется анализ-робот слюны злоумышленника. Из той же криминалистической лаборатории под залог красотки из отдела Дорофеева (Начальник имел в виду, конечно, Давыдову, но, может, и Галочку?) привозят оборудование для съема отпечатков зубов, анализа мочи и слюны всех курильщиков восьмого этажа. Несколько дней кипит работа; администрация и отдел кадров расспрашивают, анализируют, думают заполночь. В итоге создается список курильщиков, стабильно по-

требляющих тот же сорт сигарет, что и нарушитель. В список зачисляются под индексом «Б» профессиональные «стрелки» чужого табака, а также курильщики со сходными признаками с других этажей, но по работе часто бывающие в отделении Кладунова. Итого до полусотни человек. У всех у них снимают оттиски зубов, берут анализы, сверяют, ищут, данные заносят на перфокарты, вводят в самую производительную ЭВМ ЕС-1060 учрежденческого вычислительного центра. Машина потеет, урчит и выдает через сутки результат, который под охраной стрелка ВОХР доставляют Начальнику. Все ясно, окурок бросил профессиональный «стрелок» старший инженер Фомичев с шестого этажа отделения Гриневицкого. Начальник багровеет, наливается кровью мщения, требует на правеж Фомичева, но ему докладывают, что-де злоумышленник в панике успел уволиться без «отстоя», сославшись на переезд в другой город. Начальник скрежещет зубами от обиды, просыпается, зло проводит домашнее утро, кричит на ласковую свою супругу, сына обзывает обалдуем, а заспанную с вечеринки дочь потаскухой, вызывает машину и через три квартала едет в КБ. После обеда в приемную тихой лисой проскальзывает Н., что-то шепчет на ушко расстроенной Вере Григорьевне, та незамедлительно пропускает его в кабинет, и Владислав Сергеевич слышит, что только что в курилке восьмого этажа инженер Смышляев бросил в тот же самый писсуар окурок того же сорта. Начальник кричит в селектор Вере Григорьевне:

— Дорофеева со Смышляевым ко мне!

Смышляев остался без вожделенной прибавки и повышения, а к Октябрьским праздникам малоизвестный, года три всего работающий в КБ ведущий инженер Н. из четвертого отделения, на удивление всем, получил медаль за трудовые достижения. Но народ особо личностью Н. не интересовался, поскольку другое, случившееся в конце лета событие, связанное с поездкой Владислава Сергеевича за границу, волновало и занимало умы. Однако об этом чуть позже...

11. Чайный гриб

После загранкомандировки в Бельгию Владислав Сергеевич, как крупный и самый молодой в отрасли руководитель, талантливый ученый, был зачислен во вновь открывшуюся Промышленно-техническую академию при Совмине. На время его учебы врио руководителя КБ (тогда еще никто не знал, что после окончания академии Трибелин пойдет на повышение) назначили не главного инженера Волчанова, как то следовало бы по логике вещей, а его заместителя Дунайцева. Первое время служащие, особенно женский персонал, частенько вспоминали добрым словом своего Начальника. Даже некогда обиженный им Смышляев сравнивал достоинства прежнего и нового шефов не в пользу второго. Как-то в хмурый осенний день, когда Дорофеев, сославшись на недомогание, уехал с утра на дачу подправить к зиме забор, окопать яблони, весь отдел дружно плюнул на докуку-работу и устроил «час воспоминаний». Сначала позлословили о Давыдовой, с утра ушедшей в женскую консультацию сдавать анализы (по слухам, она спуталась с Кладуновым и готовится стать матерью-одиночкой), затем перешли на Владислава Сергеевича. При упоминании его имени Курбаченко и Сергунчиков весело переглянулись, а Смышляев с Мирошниковым приглушенно рассмеялись, стрельнув глазами на угрюмо читавшего «Науку и жизнь» Вадима Афиногеновича Лохматых, самого пожилого из сотрудников отдела, предпенсионного ведущего инженера. Тот не обиделся, сам включился в воспоминания о казусе, случившемся с ним во время о н о .

В девять утра, всего лишь через полчаса от начала рабочего дня, с интервалом в десять — пятнадцать секунд волна телефонных звонков в порядке строгой очередно-

сти прокатилась по кабинетам начальников отделений, затем отделов, в последнюю очередь захватила наиболее важные полуавтономные сектора. Задействовал сигнал спешного сбора, поэтому Вера Григорьевна не стала передавать команды по субординационной цепи, то есть позвонить только начальникам отделений и передать распоряжение Владислава Сергеевича о срочном вызове всего командного состава. Прямой вызов, конечно, гарантировал максимальную скорость собирания, но, как всякое послабление в сторону демократии, приводил к неизбежной утечке информации. Действительно, уже через пять минут, сгрудясь в курилках и уголках оставшихся без начальственного досмотра отделов, лабораторий и секторов, народ в полном недоумении подыскивал возможные причины и вероятные последствия: что же такое случилось? День качества? Но сегодня не вторник. Заседание НТС*? Так это по понедельникам нечетных недель последнего месяца квартала. И так далее. Все оргдни оставались либо пройденными (среда — партийный день), либо еще не наступившими: пятница, например, когда Начальник с 14.30 дает вздрючку всему учреждению по итогам трудовой недели. Четверг — рыбный день в столовой, но так как лососину туда не завозят, а верхнее руководство обедает отдельно — сам Начальник, проживая рядом, обедает дома — то как действенная причина в догадках, не фигурировал. Тем не менее настенные часы в приемной показывали четверть десятого четверга четной недели — все на «че», тамбурная дверь кабинета затворилась за последним, виноватым в опоздании, а потому прошмыгнувшим серой мышкой, чтобы не быть покусанным серо-стальным взглядом Владислава Сергеевича, Пируэтовым — начальником отдела техдокументации.

Как же быть смятенным служащим? Строились самые экзотические догадки вроде попадания в вытрезвитель зама главного инженера Дунайцева, песенника, в своей компании гитариста и бывшего кавээнщика, либо вообще слияния их КБ с соседним заводом, от которого они только-только отделились благодаря энергии и пятилетнему обиванию порогов в Москве Владислава Сергеевича. Кое-кто из женщин с солидными мужьями лисичками втирались в приемную якобы презентовать Верочке «Мишку на полюсе», вложить в папку «На подпись» письмо, но та сама ничегошеньки не ведала; просто позвонили Владислав Сергеичу из Москвы по вертушке, а он тотчас велел ей собрать руководителей всех подразделений. Тамбурные же двери все глушили, на то они и тамбурные, так что женщины расслышали только тон на уровне ноты «ре» третьей октавы — свидетельство голоса Начальника. Слов не разобрали, вернулись ни с чем. А в 9-53 тамбур распахнулся и с гулом высыпал руководителей всех трех звеньев: начальников отделений, отделов и полуавтономных секторов. Народ попрятался по своим комнатам, в любопытстве замер.

Начальники же всех трех рангов бодро разошлись по своим местам и объявили всенародно: едет большой начальник из главка, сам Цфасман, будет задавать смотр учреждению, поэтому следует все привести в порядок, всем надеть белые халаты, дежурить при рабочих местах. Визиты маститых «генералов» в молодое, набирающее силу учреждение дело обычное, а все работы по подготовке встречи давно обыграны и распланированы. Еще два года назад Владислав Сергеевич провел несколько однодневных учебных тренировок с последующими разборами, поощрениями, нагоняями. Служащие тщательно вытерли розданными завхозом тряпками столы, стулья, конструкторы — свои чертильные приборы, а в лабораториях установили в радующий душу порядок приборы, выключили чадящие паяльники, выветрили кадильный дух канифоли.

Гость, известный уже в КБ Аркадий Исаакович, прибыл только после обеденного перерыва, посовещался с полчаса в кабинете Начальника, затем начался обход учре-

* Научно-технический совет.

ждения. Все шло гладко по выверенной программе, ничто не предвещало непредвиденного, однако же казус случился в отделе Дорофеева; что-то не везло ему в последнее время! Именно здесь следившая за своим бюстом Давыдова по наущению йога Сергунчнкова второй год отращивала чайный гриб. Гриб разросся и забухтил половину трехлитровой банки. Вторую же, верхнюю половину раз в три дня Давыдова заливала подслащенным чаем. Вообще в этой комнате любили живую природу. В противоположном от закутка Смышляева углу стоял купленный вскладчину аквариум с китайской рыбной мелочью, который опекал Курбаченко, он даже пробовал кормить рыбок мелко наструганной мороженой копченой грудинкой.

Обычно при высоких визитах непривлекательную банку с грибом прятали за аквариум, но в этот день Давыдова пришла на работу сильно расстроенной; накануне наконец-то подвернувшийся ей приличный претендент, которому она успела отдать самое дорогое, признался, что женат и имеет двоих детей, и забыла упрятать гриб, стоявший на подоконнике. Хорошо хоть Мирошников в самый последний момент успел задернуть банку шторкой. Так вот, когда делегация вошла в отдел Дорофеева, всегда веселый, вечно моложавый замначальника главка наметанным глазом заприметил полузашторенный гриб, удивился при близком рассмотрении его громадности, погрустнев, вспомнил вслух, что такой же растила его любимая бабушка Эсфирь Соломоновна... Понятно, что после этих слов сам Владислав Сергеевич бросился к банке, несколько заметался с тяжелой посудиной в руках, но тут очутившийся рядом Кладунов схватил со стола ведущего инженера Лохматых его личный граненый стакан, проверил на чистоту и подставил к уже наклоненной Начальником банке. Дунайцев с парторгом КБ одновременно переняли наполненный по этикету на 3/4 стакан, поднесли гостю. Аркадий Исаакович в три приема выпил настойку, похвалил и продолжил прерванные грибом рассуждения о сохранности казенной мебели и совершенствовании методов ее инвентаризации. При этом гость не глядя протянул вбок руку с порожним стаканом, никто не подоспел его подхватить — все были восхищены демократическим интересом высокого начальства к грибу,— и стакан, выпущенный начальствующей рукой, упал на пол. Случилось чудо: стакан, угодив не на линолеум пола, а на железную опору кульмана, разлетелся на мелкие, со спичечную головку, морозные осколки. Так обычно разбивается каленое автостекло, но никак не восьмикопеечные граненые стаканы. Начальник с Дунайцевым заизвинялись перед гостем, однако тот, подлинный демократ, не обиделся совсем, даже поинтересовался: что это, мол, у вас специальные стаканы такие, будто из автомобильного стекла? Все от души рассмеялись удачной шутке и прошли за гостем в следующий отдел. Выходивший последним Кладунов окинул Лохматых тяжелым свинцовым взглядом, а женщины, исключая онемевшую от личного горя Давыдову, зашипели на Вадима Афиногеновича, что-де даже стакан у него ненормальный, а тот загрустил о потере нежно любимого им стакана, что стоял на его столе еще задолго до отделения КБ от завода. Под гнетущим впечатлением взгляда Кладунова и напора женских обвинений он почувствовал свою вину, ушел курить, мечтая о скорой пенсии.

Слова же высокого гостя о необычном поведении рядового с виду стакана глубоко встревожили, взволновали Начальника: ну, черт Лохматых, я тебя ощипаю! Будешь министерским руководителем стаканы с фокусами подсовывать!

12. Первый приступ

На следующий день Дорофеев вернулся с утреннего разгона у шефа задумчивым, хотя положение дел в отделе было на редкость завидным: никто за неделю не опоздал на работу, плановые задания закрыли в срок, даже с опережением, замначальни-

ка главка пил в отделе чайный гриб и остался доволен... Тем не менее Михаил Иванович, усевшись за стол, бесцельно задвигал перекидным календарем с гербом города Ижевска, повертел грошовой шариковой ручкой, затем встал, заходил между рядами столов и кульманов, снова сел, задвигал беззвучно губами, завертел вдругорядь ручкой, сломал ее нечаянно. Все заинтересовались. Дорофеев во второй раз поднялся со стула, сделал восьмерку по комнате. После трех таких маневров даже новенькая чертежница, несовершеннолетняя Эльвира (глядя на нее, Смышляев как-то поддел расшалившегося Пирожникова: «Кончай Эльку лапать! Знаешь, что это пятнадцать лет строгого!») догадалась, что Дорофеева как магнитом тянет к столу Лохматых, а тот, почуяв недоброе, трусливо склонился над раскрытым наугад справочником по приборным муфтам, тотчас отложил его, с невзаправдашним усердием приступил к разлиновыванию нового журнала регистрации отступлений от технологических норм для нужд отдела; целый месяц все сотрудники отфутболивали эту нудную работенку.

Наконец, выбрав момент, когда женщины гурьбой вышли в коридор и далее в комнатку Розалины Тимофеевны смотреть принесенные для продажи Людочкой сапожки, Дорофеев подозвал Лохматых, усадил рядком с собой.

— Э-э, Вадим Афиногенович, как у вас с планом, успеете к концу квартала закончить кинематику?

Но Лохматых, старый служащий, определив по голосу, что не в этом официальном вопросе суть, совсем сник, только кивнул головой, сглотнув горестный сухой комок в горле. Оглянувшись по сторонам, Дорофеев тихонечко поинтересовался: зачем это он такой интересный стакан из автомобильного стекла держал на рабочем месте? Афиногеныч стал поспешно уверять, что это, во-первых, самый обычный стакан, но тут же испугался: а вдруг вчера с утра какой шутник или злоумышленник подменил?! И забормотал, что-де стакан, может, вовсе не его, перепутали, переставили...

Дорофеев, сообразив, что истины не добьешься, и, видимо, имея инструкцию особо Лохматых не озадачивать, свел разговор к холодной канцелярской шутке, поспрашивал для проформы по работе и отпустил перепуганного старика. Тот даже задержался на всякий случай на полчаса после работы, а перед этим за день исчертил недельную норму чертежей. Однако больше его не тревожили. Но, сидя за своим кульманом, механически двигая карандашом и циркулем, он по интонации начальника отдела, дважды заходившего Кладунова, потом зачем-то и завхоза КБ нутром чуял: веревочка-то вьется и скоро-скоро захлестнет его шею. Стало тревожно, тоскливо. В тот же вечер Лохматых зашел в рюмочную, а потом вовсе напился вдрызг со встретившимися ему Мишиным и Пирожниковым. Вспоминая о нашумевшем в КБ случае со стаканом, все хохотали, Лохматых называл коллег сынками, лез целоваться, однако даже спьяну о своих подозрениях не говорил, боялся сглазить.

Тем временем в высоком кабинете металась охваченная крепкой черепной коробкой Трибелина неудержимая мысль: отчего так странно разбился стакан? Неужели эта старая калоша Лохматых стал таким дерзким, нарочно подстроил шутку? Нашел, мерзавец, с кем шутить! Да как подумать-то посмел?! Он позвонил в отдел кадров, затребовал личное дело Лохматых. Через несколько минут листал тоненькую папочку: серая анкета, первобытная жизнь вечного инженера-исполнителя без полета мысли отразилась на нескольких листочках дела. Настолько все серо, гладко, что глаз так и не смог ни за что зацепиться, ни одного крючка. Бумага десятилетней давности о попадании в вытрезвитель и на пять лет пораньше — штраф за квартирный скандал с тещей также не давали пищи для оргвыводов в данной ситуации. Отослав с помощницей секретарши Мариной дело назад, он поочередно и наедине беседовал с Дорофеевым, Кладуновым, партгрупоргом второго отделения. Расспрашивал тонко, наводяще, посреди служебных дел, с улыбкой вспоминал о вчерашней истории со стака-

ном, так взволновавшей учреждение. Но и наиболее проницательные люди с восьмого этажа не могли подсказать, за что зацепиться. Кстати выяснилось, что Кладунов и партгрупорг никогда не разговаривали с Лохматых, даже не знали, как того зовут.

13. Тайное становится явным

Понятно, что и Дорофеев, тем более Кладунов, с ними, и партгрупорг, стреляные воробьи — раскусили, что их вызывали не по планам отдела и отделения в целом, не по работе с молодыми специалистами-комсомольцами, хотя Трибелин очень искусно, вроде бы в шутливой форме касался истории с граненым стаканом. Ясно было, что ничтожное происшествие почему-то встревожило Владислава Сергеевича. И каждый из троицы сам по себе продолжил, развил одну и ту же мысль — а, может, не такой уж это ничтожный случай? Может, за него кой-кому поответственнее Лохматых головы не сносить? Ишь, тихоня седой, что натворил: стакан, да еще с фокусом, подсунул самому Цфасману!..

Итак, Дорофеев побеседовал с виновником, но к истине даже близко не подобрался. Партгрупоргу было сложнее вступить в контакт с Лохматых, не выискивалось общей темы, но он не растерялся. Вскоре случился общегородской субботник по очистке тротуаров ото льда. Получив накануне по телефону из парткома КБ задание подготовить из числа сотрудников отделения человек двадцать крепких мужчин, партгрупорг раскрыл блокнот, взял ручку и первым делом отправился в отдел Дорофеева. Для конспирации сначала записал Мирошникова, Сергунчикова, Курбаченко, только потом остановился перед кульманом Лохматых, имя-отчество которого заучил заранее:

— Как, Вадим Афиногенович, выйдем мы с тобой на субботник? — Тот по въевшейся привычке полной безответственности, близкой пенсии и окончательной стабилизации оклада хотел отмахнуться, сославшись на радикулит, но, вспомнив про стакан, а к тому же у партгрупорга глаза ласково маслянились, что настораживало,— согласился, даже не поинтересовавшись, за отгул ли субботник? Очень встревожился Лохматых и в субботу, хотя работал аккуратно, старался со своим ломом поспеть на участки потруднее, потел, выдыхался, но не отставал от самых физкультурных людей отделения. Партгрупорг, отмерявший участки сколки льда и указывавший, какой толщины слоем песка посыпать не поддающиеся очистке участки, внимательно присматривался к Лохматых, отметил, что тот нарочито старается. Это настораживало, значит, чувствует за собой вину, но как выяснить суть ее? Он крутился около провинившегося, заводил отдаленные разговоры, но только сам встал в тупик и бедолагу запутал окончательно.

Дело грозило обернуться тайной, то есть серьезным, а потому тщательно скрываемым проступком. В последовавшую за субботником неделю, во вторник, Лохматых повели на допрос к Самому. Вадим Афиногенович, узнав о вызове, побледнел и ушел на казнь, в последний раз окинув мутным, слезящимся взором родной отдел, мысленно распрощавшись с сослуживцами. Надо ли говорить, что он впервые в жизни шел в кабинет такого ранга да еще по персональному вызову. И хотя Владислав Сергеевич разговаривал мягко, лишь с веселыми намеками на шутку со стаканом, все более интересуясь китайскими обычаями (Лохматых в 50-е годы несколько лет пробыл в Китае в служебной командировке, участвуя в наладке поставляемого его заводом оборудования), но тем не менее Лохматых глубоко разволновался, пот прошиб его, озноб, он вдарился в панику, лепетал вздор, оправдывался, клялся, «что больше не повторится»... Начальник с брезгливой жалостью отпустил его восвояси, подумав: «Интересно, хоть и потемки чужая душа, но вправду он испугался чуть не до моче-

испускания или такой притворщик искусный?» А дело стояло, требовало незамедлительной разгадки, которой не было. Круг дознаний замкнулся, прямое и косвенное следствие результатов не принесло, пришлось прибегнуть к экспертизе.

Трибелин вызвал своего референта — ученого секретаря НТС, отдал распоряжение составить письмо в Институт стекломатериалов, с которым КБ было завязано по небольшой второстепенной теме. В письме руководитель КБ просил в порядке технической помощи проконсультировать своего представителя по вопросу, изложение сути которого поручается посыльному. Затем он разъяснил референту техническую сторону дела, велел незамедлительно, взяв из гаража «Волгу» главного инженера, мчаться в Москву в стеклоинститут и дотошно расспросить главных специалистов.

Действительно, на другой день к вечеру референт возвратился и привез письменный официальный ответ, а также устные пояснения, но все оказалось чушью: следовало, что обычные стекла бытового назначения приобретают свойства, похожие в части дробления на морозные шарики на закаленное автомобильное стекло, чуть ли не исключительно при взрыве водородной бомбы или пролетания шаровой молнии на расстоянии 0,5 миллиметра. Круг замкнулся и на экспертизе.

Прошло полгода, случай со стаканом забылся, тем более что, но слухам, Начальник добивался через Цфасмана и Путкарадзе заграничной командировки, не до лохматовских стаканов. Сам же Вадим Афиногенович успокоился, и не удивительно: волновался-то он при полностью чистой совести, не его вина, что ширпотреб стекольный такой странный стакан изготовил. Но тем страшнее в своей полной неожиданности была расплата за содеянное. Жарким летним днем Лохматых вновь вызвали к Начальнику. Перепуганный до икоты нарушитель примчался в кабинет, был допущен строгой, с обиженно и гневно поджатой губой Верой Григорьевной в тамбурную дверь. За длинным совещательным столом с равномерно расставленными тяжелыми стеклянными «под хрусталь» пепельницами сидели председатель профкома, парторг, Кладунов с побледневшим Дорофеевым. За отдельным столом суровел Начальник. Поодаль на диванчике скучал пришедший по производственному делу Дунайцев, досадуя на задержку по пустякам. Он смотрел в окно, покачивая ногой на ноге, теребил тисненую папку. Лохматых не посадили, Трибелин с места в карьер громом вдарил:

— Товарищ Лохматьев, почему вы злостно нарушаете внутренний распорядок и дисциплину? Почему вы регулярно пьете на рабочем месте казенный спирт?

Удар получился ниже пояса, у Лохматых подогнулись колени, он едва удержался от падения плашмя на мягкий палас. Действительно, редкий проходил день, чтобы старый инженер не метнул в горло дозу разведенного технического спирта. Была у него такая слабость. «Но откуда? Как? Почему?» — смятенно хватался за обрывки мыслей престарелый служащий. Ведь пил он в начале обеда, не афишировал. У него была тщательно разработанная технология потребления незаконного напитка. Ежедневно в 10 часов он неприметно клал в карман халата вынутый из верхнего ящика стола маленький продолговатый сверток в газете и, захватив журнал отступлений от технорм, шел в опытное производство; дело обыденное, порученное ему еще в старозаветные времена. Проходя к цели инструментальным цехом, Лохматых заходил на минуту-другую в каморку родного брата, работавшего старшим мастером, запирал дверь на замок, разворачивал сверток и передавал брательнику плоскую самодельную фляжечку из тонкой нержавейки. Брат же, сызмальства уважая старшинство, отпирал сейф, привычно, без мерки наливал в посуду 50 граммов. Перекурив наскоро, Вадим Афиногенович шел дальше в сборочный цех. Фляжку же заворачивал в прежнюю газетку. В самом начале обеденного перерыва, когда в отделе развивалась суета, Лохматых на одну треть выдвигал нижний высокий ящик конструкторского стола и виртуозно, на ощупь выливал спирт в заранее установленный там граненый

стакан с 50—60 миллилитрами воды (фляжечка также помещалась в стол заранее). К этому времени заканчивал шмыгать к холодильнику и обратно Смышляев с компанией, Сергунчиков отворачивался от кульмана, а заодно от Лохматых, садился за свой стол, закрыв глаза, начинал творить предобеденную молитву: «Ом-мм! Ом-мм!..» Остальных обедающих на месте и шахматистов закрывал от Лохматых его большой кульман «Райсс-Ординат». Тогда Вадим Афиногенович изогнутым движением руки извлекал стакан, неприметным жестом выливал его содержимое в рот, а порожнюю посуду заливал тотчас из заварного личного чайничка заранее приготовленным дегтярного цвета крепчайшим чаем. Закусив бутербродами с иваси и вареной колбасой, он выпивал два стакана своего чая, для надежности тщательно разжевывал мускатные орешки, запасенные еще с лучших времен в большом количестве, после чего шел курить. Никто никогда запаха за ним не наблюдал.

Все было продумано, держалось им и братаном в строжайшей тайне, и вот...

«Не сдаваться, отрицать все»,— решил Лохматых, отчаянно труся, но...

— ...И пьете его уже десять лет. Это вопиющее нарушение!!

Такого Лохматых, и без того слабый духом, не вынес, точность исчисления времени добила его волю, Вадим Афиногенович потерянно и сбивчиво молил о прощении, полностью признав де-факто все свои прегрешения. Выдал и брательника.

14. Горячечный сон преступника

После «раскола» Лохматых строгим голосом было велено идти на рабочее место, ждать решения, которое в этот день так и не последовало. Ночью ему снилось...

То ли слишком жирным иваси Вадим Афиногенович закусывал в этот горестный вечер тепловатое, вчерашней заливки пиво в «Трех сестрах» (пивная площадка в парке с тремя ларьками, в которых настоятельницами служили две родные и одна двоюродная сестры) или очень переволновался, но странные ассоциации вплелись в сон: снова всплыл злосчастный стакан и в сонной голове представилась совершенно нелепая картина.

Видел он себя ранним морозным утром пришедшим на службу. От прекрасной погоды за окном весело сиделось, спорилась нудная работа над извещениями об изменениях типоразмеров винтов и гаек. А ровно в 10.00, тоже как всегда, отправился к брату, захватив заветный продолговатый сверточек. Младшой открыл сейф и, к удивлению Лохматых, вместо плоской жестяной канистры вынул большую овальной формы консервную банку, в каких иногда продают каспийскую кильку пряного посола. Он с интересом наблюдал, как брат консервным ножом вскрывает посудину, думал: «Не иначе теперь Николка к спирту станет и закуску выдавать!» Но в отворенной банке тяжело, плотно гатилась красно-кирпичного цвета вязкая паста. Брат же объяснил, что на этот месяц для промывки деталей выдали не обычный ректификат, а концентрированный спирт, смешанный с томатной пастой. С этими словами чайной ложечкой он наложил в подвернувшуюся майонезную банку сто грамм пасты. Изумленный Лохматых, закончив дела в сборочном, вернулся к себе, а перед самым обедом выяснилось, что воды во всем КБ нет, промерз и лопнул магистральный подводящий водопровод. Как же пасту развести? И время шло, уходили драгоценные обеденные минуты. Однако на помощь пришла увертливая мыслишка. Лохматых развернул сверток с тормозком, намазал кусок любимого рижского спиртово-томатной пастой и скушал сложный бутерброд. Приятное тепло растеклось по желудку. «Тот же эффект!» — подумал удовлетворенный Вадим Афиногенович, намазал на следующий кусок рижского остатки пасты, аккуратно съел. Но здесь в желудке защемило, продернуло резью, страшная жажда раскаленным песком ожгла рот, губы,

нёбо, язык. По инерции распорядка дня он побрел, скрючившись, в курилку. Не успел Лохматых сделать пару мучительных затяжек, как из раскрученных кранов захлестала вода. Вадим Афиногенович подхватил с полу трехлитровую банку, в которой уборщица держала соду для мытья раковин, высыпал в мусорницу слипшиеся серые комки, едва сполоснул и в единый вздох выпил три литра поды, отдающей хлоркой. Не останавливаясь, наполнил банку вдругорядь, вновь выпил. Жажда не утихала, Лохматых проснулся, пошел на кухню и заглотил две кружки холодной воды.

15. Ассоциативное мышление начальника

— Каков тихоня?! — официально возмутился самый младший по чину из оставшихся в кабинете Дорофеев и с трепетом выслушал устно-конфиденциальный выговор Начальника за слабую работу с подчиненными. С тем Михаил Иванович был отпущен, а когда в кабинете остались только заинтересовавшийся Дунайцев и Кладунов, лица доверенные, Владислав Сергеевич убрал с лица служебную строгость, заменив ее довольством удачно исполнившего опыт естествоиспытателя, а затем рассказал как о н с а м дошел до истины. Двое высокоподчиненных с восхищением и душевным восторгом внимали.

Как-то субботним днем, спустя полгода от той злополучной истории со стаканом, Владислав Сергеевич (Владейчиком в быту звала его добрая супруга) отдыхал, лежа на канапе в верхней комнатке-светелке своей ладно срубленной заводскими плотниками дачи в Никифоровских выселках. День перекатился через зенит, голова приятно покруживалась от сытного обеда с гостем и дачным соседом — директором станколитейного завода, легко дышалось в лесном воздухе, внизу супруга с дочерью перебирали клубнику на всякое варенье. «Приятный джем получается из клубники»,— утверждал свою мысль расслабленный отдыхом и неслужебной обстановкой Владислав Сергеевич. Минутами он впадал в дрему, покоился в полусне-полуяви, думал ни о чем. Часам к шести сон совсем его покинул вместе с выветрившимися парами инвалютного армянского брэнди из столичной «Березки». Владислав Сергеевич раззевался, взглянул на часы: до ужина полчаса, внизу только затарили клубнику, теперь гремели кастрюлями; понесся ввысь, пронизая светелку, острый запах поджариваемой приправы, приятно зашипели грибы, гибнущие в кипящей сметане, глухо зашмякали разбиваемые яйца. Яишенку Владислав Сергеевич уважал с вытопленным соленым салом, как по большим праздникам готовила мать в далеком деревенском детстве на Орловщине. Как все спорилось в руках у его мамы, двужильной крестьянки, хотя и дьячковой дочери. Она всегда вытопленные шкварки оставляла для младшего из шестерых, для Славика, еще раскаленными ссыпав на ломоть ржаного хлеба. В либеральные 60-е годы Владислав Сергеевич любил по молодости в застолье, в своем кругу вспоминать своих пращуров: из разночинцев мы, колокольное племя! Но в автобиографии всегда писал: из крестьян.

Владислав Сергеевич мысленно представил бутылочку польской зубровки, что обливалась слезами в холодильнике внизу, осторожную первую рюмку и закуску — теперь уже наученной им женой приготовленный кусок ржаного со шкварками... тело сладко заныло от предвкушения. Будучи истовым семьянином, он отогнал мысль о том, что в половине девятого просигналит у ворот его служебная «Волга», на которой уедут в город жена с дочерью с тем, чтобы утром еще прикупить на базаре клубники — на даче ее растить некому и недосуг,— а через часок в незатворенную калитку скользнет из темноты привезенная обратным рейсом той же «Волги»... Но надо было чем-то занять оставшиеся до ужина полчаса. Под руку попал старый номер «Юного техника», что когда-то читал сын. Потом за ненадобностью собравшуюся

кучу аккуратная жена отправила на дачу. От нечего делать Владислав Сергеевич закурил, залистал со снисходительной полуулыбкой прожухлый, пыльный журнальчик и вдруг дернулся, ужаленный, поднялся с канапе резко, пересел на табурет у стола.

«КАК ОБЕЗОПАСИТЬ САМОДЕЛЬНЫЕ
МОТОЦИКЛЕТНЫЕ ОЧКИ»

Далее под заголовком описывалось, что обычно самодельные мотоциклетные очки, преимущественно в сельской местности, изготавливают из простого оконного стекла, что создает значительную опасность для глаз водителя при авариях. Однако, если их закалить, то стекло в таких очках приобретает все качества автомобильного, то есть при разбиении рассыпается на мелкие, с тупыми гранями осколки. Закалить же стекло можно в домашних условиях, раз двадцать-тридцать последовательно окуная его в концентрированную азотную кислоту и в водный раствор соды. Возникающие локальные перегревы закалят стекла очков...

Здесь послышалось: «Владе-ейчи-и-к! Спускайся кушать!». Он отложил радостную мысль до понедельника, положил удобного формата журнальчик во внутренний карман пиджака и спустился к шипящим томным грибам, застывшей глазунье, плачущей от холода импортной зубровке. Был он весел и счастлив; в этот день сразу две женщины очень хвалили его аппетит. Хвалили ночью и на следующий день.

Дальнейшие действия Начальника привели к полному, неопровержимому разоблачению Лохматых. В понедельник референт срочно убыл в «Волге» с хмурым от недосыпания шофером Самого в тот же НИИ стекломатериалов, где заключил от имени КБ договор на проведение исследований вспомогательного, но экстренного характера. Через месяц Начальник получил и тщательно изучил отчет в фирменной тисненой папке. Вывод на последней сто тридцать восьмой странице был лично отчеркнут красным карандашом:

...Итак, на основании вышеизложенного можно утверждать, что обычное стекло с неравномерной, усредненной до 2,49 мм толщиной и с равномерной кривизной радиуса 36 мм приобретает свойства умеренно закаленного стекла (типа автомобильного) при эксплуатации последнего в условиях 3000±25 циклов локальных перегревов, имеющих место под влиянием экзотермической реакции разведения спирта этилового промышленного (ректификата) водой хлорированной в соотношении: 55 % C_2H_5OH— 45 % H_2O.

Зав. сектором термической обработки стекла, д.т.н., лауреат Государственной премии — *В. К. Петров*
Ст. научный сотрудник, к.х.н., лауреат премии им. Менделеева, доцент — *А. С. Вайсбурд*

Список использованной литературы при составлении отчета открывала магистерская диссертация Менделеева «О разведении спирта водой». За спешность выполнения договорной работы КБ перечислило на счет НИИ 120 000 рублей, понятно, что тема работы имела гриф секретности.

После изучения отчета Начальник позвонил в бухгалтерию, поинтересовался среднегодовым числом рабочих дней. Еще раньше он поручил Кладунову — кровь из носа, но узнать, с какого времени Лохматых пользовался тем самым стаканом. Задание взялась выполнить Розалия Тимофеевна. Она подучила свою подчиненную Людочку, которая очень нравилась непритязательному спортсмену Мирошникову. Короче говоря, Мирошников, опаленный страстью, заманил деда Афиногеныча в пивную и узнал тре-

буемое: стакан этот Лохматых обнаружил в кармане своего пальто наутро после бурного посещения сосисочной «Жемчужина» ровно десять лет тому назад, считая до разбиения посудины. Итак, исполнительная Людочка в порыве рвения по службе изменила своему жениху-курсанту, отбывшему на маневры, Мирошников побывал на седьмом небе счастья, но Начальник теперь смог расставить все точки над «*i*».

Полученные агентурным и аналитическим путем цифры сопоставили и нашли, что они прекрасно совпадают. При среднегодовом числе рабочих дней в 304,7 число циклов разведения спирта водой хлорированной составило 2 839, что почти идеально соответствовало юбилею стакана. Полагая, что в один прием разводилось по 50 миллилитров спирта, референт на осьмушке бумаги подсчитал: Лохматых украл у государства около 190 литров технического спирта.

Все последовавшее за этим открытием вы знаете. Лохматых объявили строгача, депремировали за квартал, поставили его стол и кульман рядом с Дорофеевым, лишив уютного местечка, а потом вовсе услали до белых мух в подшефный колхоз.

Дорофееву же официально порекомендовали играть в шахматы до или после работы, а в обед следить за подчиненными. Теперь он с крайним интересом присматривается — по рекомендации Кладунова — к йогу Сергунчикову.

Да-а-а... Были же веселые времена!

16. Досье 408

В конце июля 197... года в Бельгии, в Льеже, проводилась LXXVII традиционная международная выставка-ярмарка охотничьих ружей и промысловых снастей. Как всегда, льежское шоу-сафари собрало многочисленных пестрых посетителей. В шумной, разномастной толпе досужих американских и кувейтских туристов легко выделялись коммерческие лица в выдержанного тона, модного в сезоне делового покроя одежде: кирпичный с серыми прожилками пиджак, светло-синие брюки, желтая рубашка. Гиды — студентки из Англии и Испании на языковой практике раздавали проспекты, в многочисленных тирах демонстрировались стрельбы. За два дня до официального закрытия в специальном выпуске бюллетеня выставки был опубликован список экспонатов-призеров, отдельно на охотничьи ружья и на промысловые снасти. Экспонаты из СССР были отмечены в обоих списках — малая золотая медаль традиционно тульскому семизарядному охотничьему карабину с оптическим прицелом «Изюбр-2» и поощрительный приз за оригинальность традиционных решений промысловому капкану «Улыбка акулы». На табличке, прикрепленной к секции стенда с капканами, значились имена конструкторов: «Владислав С. Трибелии и Николай А. Серебренников. Дизайнер Артур Н. Пирожников. В/0 «Машприборэкспорт».

За неделю до открытия выставки Саймон Костах, старший технический эксперт 31-го отдела разведуправлення при комитете начальников штабов, раскрыл только что принесенное от оперативников досье под номером 408 «бис». Индекс «бис» означал, что исходные данные находятся в стадии сбора и подготовки, но сейчас по срокам, но полноте представленных документов пришло время присвоить досье индекс «прим», то есть составить справку-заключение по материалам и передать в агентурный отдел. В держателе досье и в его кармашках находились: проспект с открывающейся через неделю ежегодной Льежской выставки-ярмарки с отмеченным окантовкой красным маркером описанием капкана «Улыбка акулы», несколько проспектов с более ранних выставок охотничьего снаряжения без отметок, справка о марках и предприятиях-изготовителях капканов в СССР, фотокопии, подколотые к ним переводы из иностранных, преимущественно советских газет, в том числе местных, кой-какие протоколы, заполненные вопросники на засекреченных бланках, ксероко-

пия описания к секретному же советскому изобретению, микрофиши и комплект отпечатанных с них фотографий Владислава С. Трибелина в различных ситуациях и позах: в Москве, в своем городе, даже переснятая с местной газеты «К сияющим вершинам» из рубрики «Избранники народа» — к выборам в областной Совет народных депутатов.

Костах внимательно и поочередно изучил документы, некоторые перечитал дважды, делая выписки, занося отдельные сведения и цифровой материал в память компьютера; терминал с пультом ввода-вывода данных и дисплеем помещался справа от рабочего стола. Несколько раз он звонил в оперативный, агентурный отделы за справками и уточнениями. Через три часа работы Костах взял из ящика стола бланк заключения, вставил в пишущую машинку, подключенную к терминалу, заполнил графы, поминутно заглядывая в разложенные на столе документы, блокнот ведения дела, выводя на экран дисплея нужные цифры, имена, отдельные фразы. К часу дня он закончил работу, уложил документы и отпечатанное заключение в футляр досье, вытащил из наружного кармашка обложки флажок с надписью «бис», вставил новый — «прим», закрыл крышку, щелкнув боковым замком, и отдал вызванному курьеру для передачи в агентурный отдел.

На следующий лень в агентурном отделе обсуждался материал по досье 408 «прим». Докладывал заместитель руководителя «русского сектора» подполковник Дэвид Мэтолак:

— ...Итак, полагаю, нам предоставляется самой судьбой ниспосланный уникальный случай вступить в непосредственный контакт с человеком, досье на которого покрылось пылью долгого ожидания; этот мистер Трибелин уже снится мне по ночам, еще немного — миссис Мэтолак начнет меня ревновать к нему. Этот крупный специалист из России попал в поле нашего зрения еще шесть лет назад, когда по агентурным каналам поступило сообщение, что на базе одного из структурных подразделений крупного ...ого завода готовится к созданию мощная научно-исследовательская организация. Действительно, через два года было создано Конструкторское бюро, руководителем которого был назначен Владислав С. Трибелин, тогда лауреат Государственной премии, кандидат технических наук. Проведенная нашими коллегами из оперативного отдела экспертиза по русским источникам научной и патентной информации выявила к настоящему времени огромное число теоретических работ — прикладные результаты русские не публикуют в доступной нам печати,— около двухсот (?!) только открыто опубликованных изобретений, и все это в различных отраслях техники, но первым автором везде стоит Трибелин! Я не оговорился, Трибелиным опубликованы работы и созданы изобретения именно в совершенно различных отраслях техники, включая электронику, компьютерные информационные сети, технологию обработки металлов и пластмасс, баллистику летательных аппаратов и т.п., но это только кажется абсурдным; наши коллеги обработали весь массив данных на последнем суперкомпьютере фирмы «Ай-би-эм» по специализированной программе, подготовленной в Массачусетсом технологическом институте на кафедре знаменитого Майка Флоренса, и получили потрясающий результат: комплекс известных нам (а еще большее число нам неизвестно!) работ, выполненных Трибелиным с коллегами, направлен на создание автономной автоматизированной системы с элементами искусственного интеллекта, возможности использования которой в военных объектах колоссальны. Судя по агентурным данным последнего времени, фирма Трибелина уже создала опытный образец этой системы, в то время как аналогичные работы, проводимые «Роквелл корпорейшн» по программе военного ведомства, находятся лишь в стадии технического проекта. Налицо стратегически важное отставание!

— Мистер Мэтолак! — перебил капитан Веласкез.— Прошу назвать источник информации о создании опытного образца и степень ее достоверности.

— Хорошо, Роберт, я отвечу на твой вопрос. Абсолютно достаточно верной информации у нас попросту нет, ибо нет второго Пеньковского в военном министерстве русских. В КБ Трибелина, как вы понимаете, у нас тоже гостевого пропуска не имеется. Именно потому я считаю выезд Трибелина в заграничную командировку единственным шансом для стирания пыли с его досье, что наши возможности получения какой-либо конкретной технической информации о его детище из России равны нулю. Город, в котором расположена фирма Трибелина, для иностранцев закрыт или почти закрыт, так что рисковать дипломатом или хорошо внедренным агентом неразумно. В Москве же он проводит все время в министерстве, приезжает из своего города и убывает назад в персональной машине. А ведь только он один способен четко представить принцип работы и устройство системы, а каждый из сотрудников знает только «свой шесток», как говорят русские. Теперь об источнике информации. Вот вам список награждений, званий, отличий, полученных Трибелиным за последние два-три года,— Мэтолак зачитал треть страницы.— Роберт, вы, надеюсь, удовлетворены без пояснений?

Благодарю вас, сэр. Я удовлетворен полностью вашим ответом.

— Да-а? Уже удовлетворены? Но я ведь еще не открыл главный козырь: в досье имеется копия описания к закрытому изобретении Трибелина с коллегами, которая обошлась нашим налогоплательщикам в кругленькую сумму 15000 долларов, но которая, право, того стоит. Это изобретение, где соавторами патрона выступают, как обычно, его ближайшие технические исполнители Волчанов, Дунайцев, Гриневицкий, Кладунов и некто Сергунчиков — надо полагать, случайный в их группе доктор или кандидат наук, выполнявший вспомогательные исследования,— прямо указывает на профиль работы фирмы Трибелина, ибо речь здесь идет о реализации искусственного интеллекта с условным названием «Идеальный йог». Право, русские в последние годы стали чуть раскованнее, приобрели чувство юмора, хотя бы в кодовых наименованиях! Вот так, Роберт! Кстати, именно названные выше четверо — постоянные соавторы изобретении Трибелина. Иногда, но достаточно часто фигурируют фамилии Цфасмана и Путкарадзе, но обратите особое внимание: последние фамилии почти или вовсе не повторяются: Сергунчиков, Алдошин, Смышляев, мисс Давыдова, Дубовой, Мишин, Афремов, Ассатурьян, Петрищев, Серебренников — соавтор капкана. Дорофеев, правда, встречается раз десять. И так далее; картотека таких «замыкающих» насчитывает около ста фамилий на 211 известных нам изобретений. Отсюда следует, что в лице мистера Трибелина мы имеем уникум энциклопедической научной и технический мысли; впрочем, в более скромных масштабах эта ситуация в современной технике не так уж редка, когда один выдающийся изобретатель, большой аналитический ум, непрерывно выдвигает гипотезы, ищет, обосновывает принципы, группа же талантливых сотрудников — в данном случае их четверо, но можно предположить таковыми Цфасмана с Путкарадзе — переводит научную мысль на язык техники, разрабатывает программы исследований, а все остальное окружение, эти самые Сергунчиковы, Смышляевы... выполняют черновую вспомогательную работу, например, разработку узлов по заданным параметрам. Но весь принцип комплекса, системы формируется и держится в этом самом «большеголовом» центре исследовательской фирмы. Роберт? Я уже догадываюсь, видя ваше нетерпение, о следующем каверзном вопросе: чего это автор глобальной идеи к охотничьим капканам любовью воспылал, да?

— Ну-у, мистер Мэтолак, я поражен...

— Роберт, вы не совсем верно представляете структуру больших современных предприятий либо неправильно поняли Маркса в университете. На классическом примере булавочного производства тот обосновал принцип разделения труда и сущность специализации, но для современной промышленности характерна встречная

тенденция — интеграция. Одна и та же фирма производит аэрокосмические самолеты и детские велосипеды. Второе — побочный продукт, ибо сейчас чисто велосипедная фирма разорится без поддержки и заказов Пентагона. Проанализируйте на досуге состав продукции наших гигантов «Дуглас аэроспейс», «Крайслер», «Вестингхаус»? Точно так же капкан — побочная продукция мозгового треста Трибелина, а точнее — удачный вариант модификации узла, по всей видимости, первоначально предназначавшегося для использования в специальной технике.

Итак, согласно досье Владислав С. Трибелин занимает должность главного конструктора КБ — исследовательской фирмы, но что любопытно, он одновременно является и незаурядным администратором, руководителем этого исследовательского центра. Вот полное наименование его должности,— и Мэтолак зачитал сначала в транскрипции: «*Natshalnyk y Glawnyi Constrooktor*», а затем в переводе с русского.— Роберт? Ваш вопрос?

— Видите ли, я всегда недоверчиво относился к совмещению двух и без того хлопотных по отдельности ответственных постов; ведь никто из вас не знает бригадного генерала, являющегося одновременно командиром и начальником штаба? А у штатских? Гм-мм...

— Но ведь у Эдиссона за спиной не сидел отдельно взятый «Начальник Эдиссона»? Вы на это намекаете, Роберт?

— Эдиссон, к счастью, работал в одиночку, во всяком случае в молодую, самую творческую свою пору. Современная же исследовательская фирма — это тысячи специалистов, сотни параллельных разработок. Я, конечно, понимаю, что колоссальные умы науки могут назначаться административными руководителями в порядке *honoris causa*...*

— Роберт! Все же пора вам переходить от университетских представлений к логике реалий. Это только в Детройте автомобильный король, спасший от налогового ведомства для детишек и внуков свой капитал основанием очередного фонда, может в благодарность получить от местного университета мантию почетного доктора, а в России-то заслуги принято отмечать орденами, их у них много, но не должностями!

И Мэтолак в пять минут закончил свое выступление. Скоро завершилось и обсуждение. Суть выводов состояла в том, что русские совершенно неожиданно вырвались вперед в той отрасли техники, которая по преимуществу обслуживает военные заказы и где они до сих пор занимали более чем скромные позиции: где-то на уровне Испании и Бразилии. Именно поэтому следует принять самые решительные меры для выравнивания сложившегося дисбаланса. Учитывая практическую невозможность сбора конкретной технической информации на территории СССР и редкий случай выезда академика Трибелина в Западную Европу, невозможно упустить вариант активной агентурной разведки.

— Пребывание советской делегации в Бельгии ограничено тремя днями,— сообщил Мэтолак,— это время следует использовать для продуктивной работы. От руководства разведуправлением и от нашего куратора из Пентагона получены широкие полномочия. В крайнем случае разрешена ситуация инцидента. С Госдепартаментом согласовано, кроме того, мы можем рассчитывать на самую активную помощь коллег из Лэнгли.

— Надо полагать, в Госдепартаменте много любителей охоты с капканами, иначе откуда такая опека мистера Трибелина, как будто он спроектировал тысячемегатонный боеприпас в пачке сигарет,— шепнул-таки Веласкез соседу майору Вильфриду Уиннери.

На следующий день диспозиция, разработанная накануне в оперативном отделе,

* Почетного отличия (лат.).

была утверждена шефом разведуправления, окончательно согласована с заинтересованными ведомствами. Ввечеру того же дня резидент парижского отделения получил подробные инструкции. Наутро он сам с двумя помощниками отбыл в Льеж, где их встретили подполковник Мэтолак и скептик Роберт Веласкез, вылетевшие из Нью-Йорка накануне вечером.

17. Приятные знакомства и подготовка к балу

Официальное открытие выставки-ярмарки состоялось в десять утра в конференц-зале построенного еще в середине прошлого века дворца — административного здания фирмы-устроительницы традиционной выставки. О ружьях этой фирмы почти полторы сотни лет мечтают все охотники мира, а автоматами, карабинами и пистолетами, которыми так любят вооружаться — армии стран «третьего мира». После вступительных слов президента фирмы, зачитавшего приветствие короля бельгийцев, речей виднейших из гостей, включая принца Уэльского и императора островов Тонга — известных охотников, делегации и корреспонденты проследовали в соседний двухсветный зал, на стенах и стендах которого представлялась полуторавековая история ружейного концерна. Мэтолак, Веласкез и парижский резидент, представлявшие не очень известные в Европе газеты западных штатов, с восхищением обменивались впечатлением, продвигаясь вдоль стендов. В какой-то момент они поравнялись с делегацией из четырех человек, вполголоса разговаривавших по-русски. Мэтолак сверил запечатленные в тренированной памяти фотографии из 408-го досье с лицами делегатов, их именами на подколотых к лацканам пиджаков карточками. Все подтверждалось: Владислав С. Трибелин — руководитель делегации; Николай А. Серебренников в проспекте выставки значился соавтором мэтра в создании конструкции любопытного капкана «Улыбка акулы». Третьим был бодрый лысоватый толстяк, по наведенным справкам — представитель В/О «Машприборэкспорт», а о профессии и жизненном кредо последнего члена делегации, атлетического сложения, по виду преуспевающего в мировых рекордах яхтсмена, было задумываться неприлично даже зараженному университетской рефлексией, плохо знающему реальную жизнь Веласкезу. То был их коллега-журналист, но только с другой стороны. Сделав последнее открытие, Мэтолак, Веласкез н резидент с уважением оглядели невысокую спортивно-худощавую фигуру с проницательными серо-стальными глазами, с чуть заметной ученой проседью волнистых волос. Такой человек стоил личной охраны!

К концу третьего дня пребывания в Льеже Мэтолак имел вид досадливой лисицы, так и не сорвавшей лозу; его усиленной группе никак не удалось войти в контакт с членами русской делегации. Более того, нм даже приблизиться к ним не пришлось: Трибелин и Серебренников держались друг друга, а яхтсмен не выпускал их ни на миг из поля зрения. Толстый весельчак собственной ценности не представлял, он с Трибелиным познакомился по пути из Москвы. Последний представился экспортеру доцентом-охотоведом. Ни одно из апробированных средств не пробивало зону отчуждения. Мэтолак сумел взять у главы делегации интервью для представляемой им газеты «Медфорд кроникл» (шт. Орегон), но вытянул лишь несколько общедружелюбных фраз, а на итоговой пресс-конференции, состоявшейся в заключении второго дня работы выставки, от делегации присутствовал толстяк — экспортный представитель, так что подготовленному парижскому агенту Мэтолак дал отбой на грубопровокационный вопрос. Большие надежды возлагались на вечерний прием третьего дня,— банкет, традиционно даваемый фирмой-устроительницей. Команда Мэтолака минуты спокойной не провела за эти три часа. Начать с того, что яхтсмен утроил во время приема бдительность, уже ни на шаг не отходил от своих подопечных, только

вольный стрелок экспортер — на всякий случай — был уловлен Веласкезом и слегка им подпоен. Толстяк расчувствовался, раскрыл душу, доверительно сообщил простому американскому парню, репортеру провинциальной газетки из Форт-Брагга (шт. Калифорния), что лучше бы выставка обосновалась в более веселом городке — Париже или Вене.

Поскольку прием значился в программе выставки как «вечер с дамами», то специально выписанную из амстердамской резидентуры разведуправления красавицу агентессу представили отбившемуся на пару минут угрюмому, неловко себя чувствующему доктору Серебренникову. Ошарашенный, приятно взволнованный вниманием ослепительно-роскошной женщины, простак Серебренников безропотно, полагая, что так надо, принял приглашение новой своей знакомой, прелестной молодой вдовы, носящей по мужу титул графини Бельгии, пройтись к бару выпить по коктейлю, тем более что не знающему европейских (а равно и азиатских, африканских...) языков мистеру Серебренникову будет легче общаться с ее помощью; графиня говорила на прекрасном русском языке будучи, как она сообщила «милому рассеянному доктору», внучкой русского аристократа, уехавшего из России еще до «вашей грандиозной революции». Но здесь интересную парочку атаковали подоспевшие яхтсмен, служивший делегации, кроме всего прочего, переводчиком, и шеф делегации. Парижский резидент, собственно и познакомивший Серебренникова с очаровательной графиней, оказался тут как тут, предложил продолжить путь к бару большой компанией.

Сдружившаяся пятерка потягивала коктейли, обменивалась кисло-сладкими взглядами, графиня щебетала об охотничьих угодьях своего поместья на полпути между Ипром н Брюгге. Трибелин, замаскировав свой серо-стальной взгляд волевым наклоном головы, мысленно, со страстью раздевал богинеподобную... яхтсмен и парижский резидент поддерживали общую беседу. Серебренников, избегая взглядов патрона, грустил о прошедшей молодости. Кстати, из беседы выяснилось, что графиня-охотница и русская делегация соседствуют в отеле «Гентский путник». После такого приятного открытия в порядке долга вежливости прелестной даме было сделано распаленным академиком Трибелиным предложение собраться вечерком, по возвращении с банкета, в баре отельского ресторана и продолжить начатое.

— По нижегородскому обычаю, как говорят у вас в России,— улыбнулся парижский резидент, отлично знавший все обычаи в мире. Графиня благодарила наклонением головы.

18. Крепкий орешек

За полчаса до полуночи по среднеевропейскому времени в баре отеля команда Мэтолака предприняла последний дипломатический бой. Места заняли по диспозиции. За столиком бара, расположенного в имитирующем пещеру — по отношению к залу ресторана — кубической формы помещении, откуда хорошо просматривалась сцена варьете, расположились графиня, Трибелин с Серебренниковым, Мэтолак. По отношению к разноязычным русским и американскому журналисту (последний скрывал до поры знание языка собеседников) графиня любезно взяла на себя обязанность переводчицы. В полутора метрах, так, чтобы можно расслышать и порой вставлять фразы в разговор, на фортепьянных вертящихся табуретах у стойки бара уселись яхтсмен и парижский резидент. Побратавшиеся Веласкез и толстяк из В/О «Машприборэкспорт» с двумя девушками-гидами, студентками-старшекурсницами из Глазго, сидели за столиком поодаль. Наконец, в дальнем, темном конце стойки бара и за столиком у входа — по диагонали комнаты — виднелись безликие помощники резидента. Веселье началось с легких коктейлей, только экспортер налег на

виски, а происпанский Веласкез чинно тянул херес. На эстраде варьете восемь танцовщиц исполняли полный чувственного трепета «Торжество Камы»*; их эластично выгибающиеся животы блестели завлекающе и страшно в своей бесстыдной зовущей обнаженности. Экспортер вытер слюну в правом уголке губ.

За главным столиком непринужденно лился общий разговор, умело поддерживаемый двуязычной графиней. За другим экспортер и Веласкез накачивались виски с хересом, рассказывали девушкам скабрезные международные анекдоты. Веласкез осторожно интересовался насчет женолюбия технических боссов русской делегации. Коллеги за стойкой и входным столиком пили легкие взбадривающие коктейли, опекающими взглядами окидывая главный столик, весь искусственный грот бара. На эстраде индийская мелодия сменилась африканским тембром. Не привыкшие к ночной жизни Трибелин с Серебренниковым подавляли подступавшую вялость замороженным мартини и любованием формами бельгийской помещицы. Так тянулось до двух ночи, после чего графиня изобразила усталость: жаль, дескать, но ей придется скоро покинуть столь приятное общество до утра, так как она не привыкла в здоровой сельской жизни засиживаться допоздна. Проводить она попросила «мэтра Владислава Сергеевича», как «самого мужественного из собеседников, в присутствии которого безопасность слабой женщины гарантирована, как и железная хватка конструируемых им капканов». Польщенный Трибелин, уже с час как ощущавший несколько пугавшую его безудержную страсть, на миг загорелся, потом несколько сник, побледнел, растерянно взглянул на яхтсмена, но графиня решительно и утомленно повисла на его руке, направляя неверные шаги спутника к боковому входу в холл отеля. Не успела закрыться портьера за ними, как остальная компания мигом распалась; резидент и яхтсмен слетели со стульев, как птахи, тотчас же куда-то нырнули. Веласкез и экспортер разобрали студенток, разошлись по своим номерам, причем первый, понятно, занимал апартаменты рядом с графиней, а девушку он тотчас отправил баиньки. Помощники резидента заняли позиции на этажах. Осиротевшие Мэтолак с Серебренниковым вслед за остальными ушли в отель. Подполковник почти что уговорил слабо понимавшего английскую речь спутника подняться к нему в номер и выпить на посошок настоящего шотландского, но вынырнувший яхтсмен, извинившись, увлек соотечественника для телефонной беседы с ТАССом; отзывы о выставке завтра должны пойти в печать и в вечерний телевыпуск новостей. Мэтолак, слабо скорбя о потере собутыльника, вошел в соседний (с другой стороны по отношению к Веласкезу) с графиней номер, расстегнул спортивную сумку, вытащил аппаратуру, установил на стенку направленные микрофоны, в заранее подготовленное отверстие вставил глазок видеокамеры, надел наушники, включил встроенные магнитофоны: простой и видео.

Хотя длительная специфическая служба Мэтолака в разведке отучила его чему-либо удивляться, смущаться, краснеть, волноваться, словом, освободила от всяких эмоциональных перегрузок, тем не менее то, что вытворяла в соседней комнате» графиня с мэтром, осатаневшим от лошадиной дозы подсыпанного в баре возбудителя, видения раскрепощенной жизни Запада (в номере накануне по телевизору) и непревзойденного по чувственности роскошного тела, совершеннейшего секс-искусства, заставило подполковника не раз прикладываться к стакану с сильно разведенной содовой виски, закуривать. Во всяком случае его не тянуло в сон, он не зевал. Порой — о чу́дная природа человека! — ему становилось по-мужски жаль ответственного чиновника и технического гения Трибелина, которого он заставил химико-сексуальными методами грубо нарушить все те инструкции, за что по возвращении за Железный занавес его ждало полное разжалование, а может, пожизненная сибирская каторга.

* Бог любви в индуистской мифологии.

Однако скоро чувство жалости сгинуло; чем глубже дело шло в ночь, а потом в рассвет, тем досадливее становилось выражение лица подполковника; отбросив побочные всхрапы изощренной животной любви, он с чуткостью матерого кота вслушивался в звуки осмысленной речи. Но, увы, как ни крутила хитро поставленными вопросами графиня, ничего конкретного ни она, ни технически более грамотный Мэтолак не услышали, хотя создалось впечатление, что Трибелин, несмотря на ограниченную, но все же ощутимую порцию наркотика, говорит вполне искренне — с отключением активного сознания, но с полностью освобожденным подсознанием. Под влиянием этого наркотика, созданного для лечения глубоких психопатий двумя нобелевскими лауреатами в области медицины, любой, самый закомплексованный, молчаливый человек откровенничает по-ребячьи. Само собой понятно, что в искренность взрослого человека подполковник разучился верить еще до поступления в начальную школу, ибо его родитель также был потомственным разведчиком. Мэтолаку на инструктаже в Лэнгли сообщили, что на испытаниях препарата в секретной лаборатории ЦРУ только один специально тренированный супермен не поддался его действию. Еще с четверть часа прислушавшись к словам Трибелина о его русских любовницах, исторических воззрениях Цфасмана, непосильных планах по колхозам и стройкам хозспособом, Мэтолак почувствовал одновременно восторженный озноб и огромное уважение к противнику. Он всего ожидал от человека с такими волевыми, умными серо-стальными глазами, но чтобы судьба послала ему в работу русского Муция Сцеволу, овеществленного Джеймса Бонда?

Под утро, сняв и отбросив в раздражении наушники, выключив бесполезную в таком деле аппаратуру, Мэтолак окончательно понял, что полковником ему до пенсии не стать: при его-то стаже работы принять шефа делегации за средней хитроумности человека? Острое чувство зависти, сложно заплетенное со все возрастающим уважением к мэтру, в очередной раз пронизало его. Так истинный профессионал уважает знающих дело противников, но завидует виртуозам и монстрам. Однако пора подвести черту, словесно-дипломатические и секс-наркотические атаки захлебнулись. (Последний раз острое чувство зависти посетило Мэтолака месяц спустя, когда он случайна узнал, что амстердамская агентесса, к величайшему своему изумлению, в первый и последний раз в жизни... забеременела!). К тому же Серебренникова сторожил поседевший за ночь яхтсмен. Экспортер, напившись в стельку, спал с восхищенной такой оригинальностью девушкой, но он информацией не обладал. Ничего не оставалось, кроме использования крайних мер инцидента. Мэтолак собрал в номере по телефону всю свою команду.

Помятый лицом Мэтолак вкратце разъяснил ситуацию, объявил содержание секретной инструкции, наметил диспозицию. Соскучившиеся по делу конфиденты разбежались по постам, весело разыграли детективное действо. Пока Веласкез провокационно торчал в номере Серебренникова, дурачась пьяным и отвлекая яхтсмена, все порывавшегося идти за Трибелиным звонить в ТАСС, графиня выслушала по телефону команду, сбрызнула лицо впавшего в забытье на креслах мэтра аэрозольным снотворным. Перед дремой усталого партнера практичная дама порекомендовала ему одеться, имея в виду строгий нрав отельных горничных. Вызвав коллег, она скоренько переоделась, побросала в дорожный сак порнушные принадлежности ночного туалета и, пока резидент с помощниками упаковывали Трибелина в ящик-чемодан с выставочной ружейной эмблемой, застегнула молнии своего сафари. С помощью двух вызванных носильщиков из отельной прислуги сундук с коллекционными ружьями снесли вниз и погрузили в микроавтобус, где шоферил один из помощников резидента. В стоящий рядом «шевроле» сели Мэтолак, Веласкез, хмурая от сопереживания общей неудачи амстердамская агентесса.

19. Утро на люксембургской границе

...Трибелин проснулся неведомо где; ему с трудом удалось втолковать, что находится он за сотню с лишком километров от Льежа. В это самое время почерневший лицом от сознания того, с какой детской простотой его провели, яхтсмен вышел на связь с Центром и имел неприятнейший, однако частично (странно, почему?) подбодривший его разговор. Он ожидал намного худшего. Первым делом спросили с тревогой, не разобрав поначалу, не похищен ли Серебренников? А узнав, что украден один лишь глава делегации, заметно повеселели, спокойный голосок дали необходимые указания. Через посольство в Амстердаме тотчас сделали официальные запросы. Бельгийские власти провели тщательные розыски в Льеже и его окрестностях, не нашли, в местной печати появились обычные сенсационные предположения, что-де виднейший русский ученый-ядерщик, глава промышленного концерна профессор Владислав С. Трибелин решил просить политического убежища, а пока что с помощью очаровательной американки-мнллионерши скрылся в укромном уголке Испании, чтобы замести следы и не быть похищенным агентами КГБ. В правой прессе задавался риторический вопрос: не слишком ли действенна и всемогуща сеть советской разведки в странах НАТО, в частности, в беззащитных странах Бенилюкса? Правые газеты писали это, восприняв предположение местных газет за свершившийся факт похищения отказника академика мсье Трибелина. Два дня первые полосы венчались аршинными шапками; кто печатал о похищении израильской разведкой, а кто о самоубийстве русского академика, вдохнувшего перед смертью воздуха свободы. В посольстве получили из Москвы текст официальной ноты. Наутро третьего дня, когда Серебренников, радуясь как дитя, что его успели вывезти из этой проклятой заграницы, давал последние уточняющие показания, а посол в Бельгийском королевстве получил указание в 12-00 дня по среднеевропейскому времени вручить ноту по назначению, раздался звонок, секретарь посольства взял трубку. Голос на очень правильном, видно, тщательно изученном русском языке сообщил, что мсье Трибелин находится в полицейском участке города Арлон, что на люксембургской границе в ста пятидесяти километрах по дороге через Намюр. Тотчас секретарь связался с полицией Арлона, где подтвердили: час тому назад на окраине города дежурный полицейский обнаружил человека в состоянии, очень сильно напоминающем последствие серьезного опьянения, и доставил его в комиссариат. Человек этот ни на одном европейском языке не говорит, однако перед самым звонком г-на секретаря комиссар Пашер сумел разобрать несколько слов, похожих на немецкие, из которых следовало, что перед ними русский подданный.

Через два с четвертью часа Трибелин был доставлен в посольство. Посол сдал в архив неиспользованный текст ноты, а еще через пару часов руководитель делегации улетел через Франкфурт-на-Майне в Москву.

События, последовавшие вослед: во всех бельгийских, в большинстве крупнейших западных газет напечатали сенсационное сообщение о том, как крупнейший русский ученый, близкий к военно-промышленному комплексу, Владислав С. Трибелин, увлекшись французской актрисой, забыл предупредить своих коллег и посольство, очевидно, совсем потеряв голову, провел с очаровательной соблазнительницей пару дней в отеле маленького городка Арлон на люксембургской границе, после чего, расставшись с ней и не успев протрезветь, был доставлен в полицейский комиссариат, откуда убыл в советское посольство на высланной за ним машине. Через неделю «Литературная газета» дала опровержение, рассказав о грубой провокации, предпринятой американской разведкой, но «товарищ Т. не поддался ни на какие уговоры и угрозы, решительно отверг все гнусные предположения о якобы компрометирую-

щей его связи с так называемой бельгийской графиней, сумел настоять на своем освобождении от вопиюще противозаконной узурпации». В заключение, по просьбе трудящихся, высказывалось предположение — не слишком ли вольготно чувствуют себя американские спецслужбы на вольнолюбивой земле Тиля Уленшпигеля и Ламмэ Гудзака? Сам же Трибелин был вскоре направлен на двухгодичную учебу в только что организованную Высшую промышленно-техническую академию, после окончания которой получил назначение начальником главка в родственное прежнему своему министерство. Серебренников — начальник 23-го отдела, давший подписку о неразглашении, ни слова никому в КБ не сказал, отсылая любознательных к «Литературке», всю жизнь потом проклинал свое давнее увлечение охотой (родом был из Коми АССР) и то, что, поддавшись уговорам Кладунова, отделению которого навязали пункт соцобязательств по товарам ширпотреба, разработал документацию иа капкан и даже защитил его авторским свидетельством. Трибелин же давно мечтал побывать за границей — присмотреться к тамошним методам руководства, поэтому через Цфасмана и Путкарадзе добился включения капкана, кстати, действительно оригинального, в состав экспозиции на выставку-ярмарку в Бельгии.

20. Наших не возьмешь!

Выписка из стенограммы, представленной подполковником Мэтолаком в оперативный отдел:

Мэтолак: Мистер Трибелин, я полагаю, здесь не место рассуждениям о степени нашей ответственности за ваше похищение, мерах законности и пр. Это все делается сейчас на высоких государственных уровнях. Мы же люди подчиненные, поставлены перед свершившимся фактом. Итак, вы являетесь руководителем и главным техническим организатором разработки системы, пригодной для использования в военных целях. Я уже доказал, по всей видимости, степень нашей осведомленности. Вы все отрицаете; вот основной и неоспоримый аргумент: фотокопия описания к вашему изобретению «Идеальный йог», прямо подтверждающему тематику проводимых вами работ.

Трнбелин: Это фальшивка!

М.: Неделовой разговор, мистер Трибелин. Поверьте, мы слишком тщательно собирали досье на вас, чтобы решиться на вынужденный шаг похищения, грозящий внешнеполитическими осложнениями. Итак, я сейчас назову несколько десятков разработок, проводимых в вашем Центре, где вы являетесь Главным конструктором...

Через полтора часа:

Т.: Вы глубоко заблуждаетесь, полагая, что подпись под заявкой на изобретение может принадлежать исключительно членам творческого коллектива. Подписи зачастую ставят руководящие работники.

М.: За что же им... подписи?

Т.: За обеспечение условий, содействие во внедрении, например.

М.: Я понимаю, мистер Трибелин, вы начали очередной маневр. В изобретательности вам, конечно, не откажешь. Решили выдавать себя за чистого администратора и убедить нас, что вы заставляли своих подчиненных незаконно вписывать ваше имя под изобретениями, статьями, монографиями и техническими разработками?

Т.: (Невольно забыв об обстановке, возмутившись): Почему незаконно!!

М.: Но ведь у вас в России такие вещи строго караются законом! Слушайте, я зачитаю вам соответствующий текст, содержащийся в ваших бланках справок-заявлений на изобретение: «...При этом нам известно, что соавторами изобретения могут быть только лица, внесшие творческий вклад в создание изобретения, и что включение в соавторы лиц, не принимавших участия в творческой работе по созда-

нию изобретения, влечет за собой ответственность а порядке, определяемом законодательством союзных республик». Бланк формы № 1, вторая страница, отпечатано в ППП «Патент», город Ужгород. Вам, конечно, это хорошо знакомо?..

Через десять следующих часов непрерывного допроса, после исследования на детекторе лжи обессиленный графиней и суточным допросом Трибелин лежал в небольшой комнатке на жесткой кушетке. В соседнем помещении — аппаратной детектора лжи — Мэтолак и два оператора, прослушав и проанализировав выданные машиной результаты, окончательно пришли к выводу: либо детектор лжи есть порождение лженаукн, либо Трибелин, впридачу к талантам выдающегося изобретателя и администратора высшей квалификации, по совместительству служит в разведке и работает искуснее всех ранее встреченных Мэтолаком супершпионов.

В последовавшую затем ночь была произведена терапия допроса в сне-анабиозе, вызванном специальным вспрыскиванием и подачей чистого кислорода для стимуляции процесса выхода информации из самых тайников подсознания спящего в активную зону мозга. Увы, выскочившие ассоциации содержали мнения о бюсте некоей мисс Давыдофф, другой молодой женщины, живущей в отдельной квартире, мечты о Золотой звезде и звании академика — все это густо подперчивалось общеполитической тематикой, терминологией администрирования.

...Вторые сутки чередовались изощренные методы научного допроса. Результат на 99,98 процента гарантировал: Трибелии абсолютно некомпетентен в научно-технических вопросах, из математики хорошо помнит четыре действия арифметики и таблицу умножения, слабо представляет основные направления работы руководимой им фирмы, конструкторским пространственным воображением не обладает, очень интересуется сельским хозяйством. После звонка в Нью-Йорк Трибелина для маскировки насытили по-шоферски — через анальное отверстие — алкоголем, отвезли сонного в маленький городок на люксембургской границе, усадили на парковую скамейку и умчались... получать выговор по службе.

21. Эпилог с анонсом

Минули семидесятые — с песнями, плясками, долгими и нескончаемыми аплодисментами, переходящими в бурные овации, прерываемыми здравицами в честь и лично! В недоумении, смутном ожидании прошла первая половина восьмидесятых годов. Запомнились они подернутым туманом безвременьем, а в ассоциативной, столь уважаемой начальниками памяти остались эти годы единой, долгой, с моросящими бесконечными дождями осенью, перемежаемой оттепельными зимами с неделями, звучащими траурными мелодиями, вслед за которыми радио сообщало об очередной серии переименований городов, улиц, пароходов. Дождались шестидесятники времен переустроечных. Как раз на третий-четвертый года от знаменитого майского постановления 85-го года большинству из них стукнуло по сорок. Юбилей с его хлопотами, поздравлениями, а тут километровые очереди за едой и питьем. Все же выкрутились юбиляры, кто как мог, отпраздновали как следует. Изменения в служебном быте шестидесятников произошли. Посмелее они в курилках, при малом и даже среднем начальстве критические разговоры вели. Ксероксы из университетских городов и столиц читать перестали, а набросились на толстые отечественные журналы, «Огонек» и «Аргументы и факты», там намного более интересные статьи и ро́маны тискать начали. Много, но все более теоретически рассуждали со знанием дела об оптимальных процессах самогоноварения. А так все осталось по-прежнему в стенах КБ: тот же колхоз, овощная база № 7, кирпичный завод, где, по разнарядке, трудились ИТР совместно с сидельцами ЛТП, стройки разные. На основной работе — та

же бумажная волокита, то же вычерчивание гаек, болтов. Впрочем, здесь изменения наметились: на КБ выделили два персональных импортных компьютера. Теперь девочки-программистки машинные языки Бейсик и Автокад на них изучают, а в обеденный перерыв молодой кандидат наук Афремов с машиной в шахматы играет. Все чаще машины эти начинают использоваться по прямому назначению: с помощью приданных им печатающих устройств-принтеров набираются и размножаются в семи цветах служебные записки, бланки на оформление отгулов, правила пользования лифтом, соцобязательства на отдельские стенды информации и объявлений.

Смышляев придумал по дороге на работу 467-й афоризм о начальниках, теперь носится с идеей издать их отдельной книгой. Разговаривал он со мной на эту тему. Будучи профаном, истинным шестидесятником, беспомощным во всех внеслужебных делах, я порекомендовал Виктору созвониться с Валеркой Овцовским. Валерка в начале 70-х годов по распределению работал в нашем КБ, тогда еще в составе завода. Служил он в секторе дизайна с Пирожниковым, хотя закончил институт по гидравлике, потом женился на москвичке, сделался сценаристом, теперь стал почти известным драматургом, ездит в соцстраны опытом обмениваться. Смышляев созвонился с хорошо ему знакомым Опцовским, взял отгулы, съездил в столицу. Однако возвратился пасмурный. Оказывается, сейчас другая конъюнктура в литературе и искусстве: рекомендуется писать о мафии, возрождается после недолгого забытья милицейская героическая тематика, антиалкогольная тоже в большом фаворе, да вот никто серьезно писать об этом не хочет. Хотя несвоевременно, рановато пока, но можно попробовать сочинять о героях грядущего: совкупцах, независимых брокерах, дилерах и прочих шулерах-гешефтмахерах. В сталинизм молодым и близко не следует бумагу переводить, здесь еще на пятилетку хватит рукописей, что не успели напечатать в предыдущее потепление, а на подхвате железобетонно стоят более зрелые поколения пятидесятников. О брежневской эпохе — желательно косвенно, не обидно для ныне здравствующих. Не напечатают о художествах недавно снятых всем кагалом, точнее — куренем, первых и вторых секретарей обкомов, о евреях, крупных партийных работниках «по состоянию здоровья». Следует выражать оптимизм в международных делах, милицию задевать играючи, по мелочам, необидно. Поскольку в ходе переустройки исчезновения начальников не предвидится, то язвительные афоризмы о их природе, функциях, происхождении и психологии специфического мышления не нужны широким массам. Очень Смышляев огорчился. Теперь он выдумывает максимы и эссе о любви, ее природе, женщинах вообще. Я читал. Все похабное у Витьки выходит из-под пера. Да-а, порнография, крайний натурализм, смакование, эротика, по словам Овцовского, тоже в ближайшее время печататься не будут. О проститутках — можно, но не всем и только в плане социально-моральном, воспитательном. О самих проститутках желательно отзываться с уважением, что гарантирует успех у молодежной и женской читательской массы. Вспомнив о рекомендациях Овцовского в части сексо-полового вопроса, Смышляев разозлился и прервал второй том своих эссе. Как Николай Васильевич Гоголь. Теперь он, неуемная натура со слепым расходованием энергии, жертва инфантильной эпохи, заканчивает диссертацию на степень к.т.н. под названием «Влияние слабых доз направленных излучений из коротковолновой части СВЧ-диапазона на ускорение яйценоскости пчеломаток; подвид пчелы «*Apis meltifica*». Он воспользовался текущей конъюнктурой — на КБ «свалили» в плане ширпортреба побочную тематику по разработке аппаратуры для медико-биологических исследований.

Милые мои шестидесятники! При всех грядущих переустройствах останетесь вы малыми детьми, честными, в основе своей скромными, работящими, увлекающимися, немного скептиками и напускными циниками, не умеющими жить «не по средствам».

Такое вот — потерянное для лозунгов и целенаправленной деятельности — поколение народилось. Ведь если кто из вас (единицы из единиц!) и ушел сейчас в новомодные кооперативы из КБ, НИИ, то не в торгово-грабительские, не спекулятивно-перекупщицкие, а в самые что ни на есть дуболомные, коловоротные: дома и дачи строить нуворишам от шашлыков, на горбу своем круглое таскать, плоское катать.

Мир вам!

Тамара Булевич
(г. Красноярск)

ПРОЩАНИЕ С ГЕНИЕМ
(глава из книги)

Тамара Анатольевна Булевич — известный сибирский писатель, член Союза писателей России, Академии российской литературы, многократный лауреат международных литературных конкурсов с вручением Золотых медалей им. К. Симонова за повести «Фрося-Ефросинья»/2007, «Тропой Любви»/2012/; медали «Золотой Пегас» /Хорватия, 2013/ и именного Знака лауреата конкурса «Ее величество книга!» / Германия, 2013/ за повесть «Плач рябины» и др. Автор семи повестей, романа «Горячие тени» и поэтического сборника «Моя планета».

Вторая декада июня выдалась душной, по-летнему жаркой, с предрассветными голубыми туманами и обильными росами.

Секретарь райкома, распахнув окно, засмотрелась на хвойный бор, оставленный когда-то строителями на радость детворе и селянам. Теперь он бойко и широко разросся, вплотную подступил к ветхому зданию райкома, охраняя его стены в непогоду от северных студеных ветров.

За окном на разлапистых вековых деревьях вовсю гомонили птицы. Кто только там не гнездился! Но Екатерина Алексеевна ждала вылета своего давнего любимца.

И вот он! Иглохвостый стриж. Селезнева не могла на него насмотреться: крупный, черно-бурый, с белой отметиной на лбу, изящными, мощными крыльями, словно отлитыми из металла и свистящими при полете. Редкая, самая быстрая птица. Небожитель!

Стриж со стрижихой много лет назад заняли в дупле старого кедра «суперлюкс» и теперь ежегодно сюда возвращаются, чтобы вырастить за весну-лето двух прехорошеньких стрижат.

Глава семейства держится солидно, чинно, даже слегка горделиво. Он часто показывает подружке и всему крылатому сообществу, кто на самом деле здесь первый летун, виртуозно носясь то высоко над землей, то между пушистых лап густо растущих хвойных старцев и молоденьких пихтушек.

В общении с соседями стриж сдержан, молчалив. Лишь изредка, по крайней надобности, кого-то строго приструнит: «Сии-ирр!». И не понять: так вежливо обращается к провинившемуся собрату или своим покриком намекает тому, с кем имеет дело.

Вдруг из-под стрехи туда-сюда засновали быстрокрылые ласточки, нося в сильных, аккуратных клювах разных букашек да червячков для вечно голодных и большеротых птенцов. У ласточек нет ни минуты свободной, чтобы присоединиться к лесным птичьим посиделкам.

«Пора и мне за рабочий стол»,— подумала Екатерина Алексеевна.

...Сегодня у Селезневой соберутся руководители шахты и поселковых предприятий.

«Надо, поддерживая друг друга, успешно провести предстоящую навигацию. Расскажу, как работает шахта. Начальником штаба предложу избрать Ильина. Орешек ничего себе! Неспроста министр давно уж приглашает его в Москву. Но Игорь Васильевич с ответом не торопится. Хотя замену себе подготовил. И какую! Кудрявцева. Тот потянет шахту, будь здоров. Посчастливилось же мне с эпохой. Застала людей — гигантов ума, дела, большой человеческой души сибиряков, покорителей Заполярья и космоса, разработчиков богатых северных недр. Все сполна хлебнули горестей, утрат, беспризорного детства, одолели голод, разруху первых лет молодой страны, пережили 37-й, победили фашизм. И по сей день их не обозленные, не обугленные суровыми испытаниями сердца молоды, дерзновенны и горячи. Они попрежнему остаются нужным, востребованным страной авангардом».

Постучавшись, из приемной заглянула секретарь-референт Виолетта Иванова.

— Екатерина Алексеевна, звонит секретарь крайкома Прокопьева. Переключить на кабинет?

— Да, пожалуйста.

Еще ничего не зная о предстоящем разговоре, обрадовалась уже тому, что вновь пообщается с уважаемым ею партийным лидером.

— Здравствуйте, Нина Силовна! Внимательно слушаю вас.

— Доброе утро, Екатерина... Алексеевна! Не отрываю от срочных дел?

— Оперативный штаб по навигации и зимовке провожу в девять. Через полчаса.

— Хорошо. Буду предельно краткой. Нам с вами предстоит командировка. В Риме по линии ЦК и министерства культуры проводится кинофестиваль советских фильмов с участием многих наших знаменитостей. Там будет и Андрей Тарковский. Вам известен этот кинорежиссер?

— Еще бы! Со студенчества ценю и обожаю.

— Даже так? Порадовали. Значит, единомышленники. А после фестиваля за свой счет предлагаю слетать в Милан. Эти три дня вычтут из отпуска. Как? Согласны?

— Согласна! Вот повезло-то.

— И загранпаспорт есть?

— За границей ни разу не была...

— Срочно фотографируйтесь и передавайте пакет с командиром рейсового борта. Мой водитель заберет его в аэропорту Черемшанка. Остальные формальности за мной. В понедельник надо быть в Москве, а сегодня у нас пятница. Да! Как с итальянским? Владеете или со справочником?

— Владею. Сейчас в оригинале читаю «Римские рассказы» Альберто Моравиа. Жаль, поговорить на итальянском не с кем. Нина Силовна, извините за нескромный вопрос: что из одежды брать?

— Нашего — ничего. Оденемся в московских магазинах. Только не забудьте сообщить мне, каким бортом передадите пакет. Успехов и до встречи!

Екатерина Алексеевна едва успела положить трубку и унять откровенно и неудержимо бьющуюся в груди радость, как ее пригласил Задушный.

Валерьян Модестович явно пребывал не в лучшем настроении. На приветствие Селезневой никак не отреагировал, даже головы не поднял, и с красным недовольным лицом перелистывал какие-то бумаги.

— Пашешь-пашешь, и хоть бы куда! А тут без году... Ладно, чего уж... Звонили из отдела пропаганды крайкома. Вы включены в список участников какого-то фестиваля. За рубеж, насколько знаю, не выезжала? Собирайся... ся... тесь... Тьфу ты, черт! Велят, чтобы послезавтра была у Прокопьевой. Дел, понимаешь, выше крыши, а им только поразвлекаться. Лети уж, коль высокому начальству потребовалась.

Злясь, он переходил от «вы» на привычное для него обращение к людям — «ты».

Клокочущая внутри Селезневой радость сразу поостыла, затвердела давящим комом, и она, молча выслушав Задушного, пригласила его принять участие в первом заседании оперативного штаба.

— Сама разбирайся. Своих заморочек — во! — и зачем-то на два дня уехал в Косачи.

Члены штаба собрались дружно и бурно, напористо стали вносить одно за другим дельные предложения. Ясно было, что конструктивное обсуждение проблем предстоящей навигации и зимовки коснулось интересов каждого руководителя.

Стали вырабатывать проект соглашения. Председатель правления банка «Тайга» Карл Петрович Шредер предложил сконцентрировать денежные средства участников соглашения на едином счете:

— Так оперативнее производить взаиморасчеты с предприятиями, речными портами, автотранспортниками,— мотивировал Шредер.

Дельное предложение обсудили, одобрили и поддержали.

Начальником штаба единогласно избрали, как и намечалось, Ильина. Только директор комбината питания Свербицкий не то в шутку, не то завистливо качал головой:

— Ну, Ильин, ну, везунчик! И тут сладкого пирога власти ухватил самый большой кусок.

— А хочешь, Людомир Каримович, я до крошки его тебе отдам? — почему-то вдруг обиделся на него Ильин.— Еще один хомут на шею вешаю, а он!..

— Что вы, что вы, Игорь Васильевич! Бога ради, не сердитесь. Неудачно позавидовал...

Руководители от идей и практической позиции второго секретаря райкома воспряли духом: «Вот это да! Это помощь!» — расходясь, пожимали Селезневой руку:

— Спасибо. Своевременно и толково посоветовались. А главное — на злобу дня. Одолеем навигацию — и зима покажется теплее, короче.

В Шереметьеве борт рейса «Москва — Рим» с визгом снялся со стояночных тормозов и, шурша новенькими шасси, начал выруливать в направлении взлетной полосы, окаймленной светящимися неоновыми столбиками.

— Хорошо переносите полеты? — участливо спросила Прокопьева.

— Прекрасно. А вы, Нина Силовна?

— Не очень... Давление частенько подводит. Но, надеюсь, на сей раз обойдется. До Рима — не рукой подать, а потому диалог между нами будет долгим. С приятной собеседницей и время пролетит незаметно.

Селезнева с интересом рассматривала над аэровокзалом ярко горящее рубиновым светом панно «МОСКВА», хорошо видное из салонов лайнеров улетающим и прилетающим пассажирам. Ее внимание привлекли огромные часы, стрелки и циферблат которых высвечивались единым цветом с панно.

— Мы прилетаем в полночь? Придется ночь провести сидя в кресле?

— Что вы! Обязательно встретят и разместят в уютном номере. Я заказала двухместный, не возражаете?

— Отлично.

— Сейчас посмотрю гостевой проспект. Приземлимся в аэропорту Леонардо да Винчи, или его еще называют Фьюмичино, в двадцать один час. Он в получасе езды до нашего отеля «Де ля Минерв». Я в нем дважды останавливалась. Изумительный сервис, каждый номер уникален. Смешанные стили: модерн и классика. Самая красивая терраса в городе! Это без преувеличения. Причем чуть ли не единственная с

видом на купол Пантеона. Кажется, протяни руку — и перелетишь в далекое прошлое, коснешься его древних, стылых стен. А вокруг сказочно красивый город. С террасы видны...— и вдруг, опомнившись, стыдливо продолжила: — Да что это я! Обо всем сами услышите, увидите ...

— А мне интересно, ведь я никогда не путешествовала. Даже о достопримечательностях Москвы и Ленинграда знаю из книг да проспектов. Заучила наизусть экспозиции залов Третьяковской галереи, Эрмитажа и многое другое, чтобы себя невеждой не чувствовать.

— Какую же память-то надо иметь, ангел вы мой?!

— А Рим больше Москвы?

— Думаю, гораздо... Обязательно поездим по вечному и бесконечному, солнечному и ночному.

— А чем Рим помнится вам?

— В двух словах трудно ответить. Наверное, всем увиденным в этом захватывающем дух городе... Надменной роскошью, безумной скоростью автомобилей, огромным количеством бродячих кошек в Колизее, пытающихся перейти через перекресток. Магия Рима, на мой взгляд, заключается в неповторимом сочетании глубокой древности и яркой современности. Империи возвышались, переживали упадок, а он оставался по-прежнему неизменно великим. Визиткой планеты...

— Как здорово звучит — «визиткой планеты»!

— Екатерина Алексеевна, а если я вас попрошу рассказать об Андрее Тарковском? О Тарковском-человеке. Из его работ, кроме «Ностальгии», вроде бы все смотрела. Скажу честно, не раз прослезилась. Глубоко копает прошлое и настоящее человечества. Землянам в душу лезет. Иногда до слез больно... Мы с Андреем ровесники. Может, и это сказывается. Но заставить Прокопьеву плакать?! Тут надо крепко постараться! Встряхнуть мозги и одновременно сыграть на чувствах. Такое не каждому режиссеру удается. Надеюсь, покажут нам «Ностальгию». Не станете надо мной смеяться, если опять ресницы мои оросятся?

— Что вы! Я тоже не могла сдержать слезы и в «Ивановом детстве», и в «Зеркале»... Об Андрее Арсеньевиче хотелось бы знать гораздо больше: до мелочей, до пылинки. В наших СМИ прочтешь о нем только что-нибудь отрывочное, тенденциозное, нередко это откровенное злопыхательство его коллег-бездарей. Выручает знание языков. Что касается Андрея Арсеньевича — пользуюсь в основном зарубежными новостями, иногда материалами студенческого самиздата. До сих пор однокурсники присылают два-три раза в год зачитанные до дыр ксерокопии. Итак, с чего начнем, Нина Силовна?

— Давайте с Андреевых истоков.

— Хорошо. Мать Андрея Арсеньевича — Мария Ивановна Вишнякова, в свое время окончила Литературный институт. Говорят, недурно писала. Отец — известный поэт Арсений Александрович Тарковский.

— Они вроде в разводе?

— Да, но стараниями Марии Ивановны дети постоянно общаются с отцом. Любят его. И Андрей Арсеньевич, и его младшая сестра Марина.

— А как вы относитесь к мистике, «снам» Тарковского?

— Синхронно понимаю, без напряжения считываю с экрана все его аллегории. В основном-то на этих кадрах и мечется, стенает душа моя. Казнится, сопереживает. Такова форма, стиль безмолвного разговора Андрея Арсеньевича со зрителем. Где-то на уровне философии подсознания. Это, думаю, и есть его истинное восприятие всего бытия и диалог с окружающим миром, человечеством, конкретной личностью.

— Да... Талантливый составитель и собиратель «снов».

— Я считаю, Тарковский — гений. Жаль, что до обидного мало снимает. Давно не видела новых работ. Может, что пропустила? После уже мною названных фильмов смотрела «Андрея Рублева», «Солярис», «Сталкер»...

— Я ничего другого тоже не припоминаю,— задумчиво поддержала Прокопьева.— Неужели опять тормозит его творчество наша партийно-государственная система?! Или, может, неконтакты с Госкино? Да-а... Не учат нас добру уроки прошлых лет... Где-то читала, очень уж Андрей любит себя: мнительный, капризный.

— И вовсе нет! — твердо встала на защиту Тарковского молодой секретарь.— Нам пора понять: гении рождаются и нужны миру для перетаскивания общественного самосознания на целые десятилетия — какой там! — эпохи вперед. Они — провидцы, первопроходцы, оракулы. Причем здесь нюансы их характеров, неустойчивость настроений, обществом же и отдельными людьми спровоцированные?! Надо уметь прощать им мелочное, бытовое. Заботиться лишь, чтоб только уютнее жилось, думалось, творилось. Обеспечивать условия для создания как можно большего количества гениальных произведений. Они — указательный перст, вехи для нас, для потомков. Пусть гении, ниспосланные нам откуда-то свыше, излечивают больное человечество своей высокой духовностью, чутьем истины жизни учат быть людьми... Вот это бесценно.

— Согласна-согласна,— закивала Нина Силовна.— Мы привыкли нянькаться с тысячами серых мышек. Суем соски в рот. Вскармливаем. А те, конечно же, рождают себе подобных — опять же сереньких и пакостливых... Мало знаю и о детстве Андрея. Пожалуйста, поподробнее, что помните,— уже полностью погрузилась в океан — Тарковского — Прокопьева.

— С удовольствием. Рос большим умницей. Начитанным и в то же время живым, озорным мальчишкой. Часто в раздумьях отрешался от действительности, абстрагировал. Умел органично сливаться с природой. Обладал абсолютным музыкальным слухом. Отлично рисовал. Окончил художественную школу. Они с красавицей-сестренкой Мариной могли часами наблюдать за озерными или речными водорослями. Потом в кинофильмах мы видели эти кадры — диалоги через них со зрителями, этот его доступный чутким умам и душам водный мир.

Российская природа у Андрея Арсеньевича — полноправное, размышляющее, кричащее, говорящее на понятном для всех языке действующее лицо его картин. Для меня особенно дороги и памятны трогательные, живописные русские луга, речки, озера в «Андрее Рублеве».

— Да. Сильнейшие психологические и эмоциональные кадры,— согласилась Нина Силовна.— Где-то читала, после войны пятнадцатилетний Андрей болел туберкулезом, но вроде излечился. Злодейка-война... По сей день гонится за нами с косой... Продолжайте, продолжайте, Екатерина Алексеевна.

— В юношеские годы серьезно увлекался, прекрасно знал классическую музыку. Любил симфонии Чайковского, Бетховена, Моцарта. Часто ходил в консерваторию и... продолжал хулиганить. Да еще как! На Серпуховке связался с дурной компанией, бросил институт востоковедения, но Мария Ивановна, к счастью, и на сей раз на самом краю пропасти успела схватить сына за рубаху — отправила его с геологической экспедицией в наш край.

— Впервые слышу!

— Да-да. Целое лето провел тогда Андрей Арсеньевич на Курейке, в Туруханском районе. После сибирской «ссылки» работал в каком-то московском НИИ. Пережив такие встряски, взялся за ум. Двадцатидвухлетним поступил на режиссерское во ВГИК, в мастерскую Ромма. Наконец-то ступил на судьбоносную, ему предназначенную стезю.

— Век живи и век... Поройтесь-ка еще потщательнее в памяти. Хотя... У нас почти не остается времени. Надо же! Мигом пролетело. И давление... тьфу-тьфу. С вами, мой ангел, одно наслаждение уму и сердцу.

— Во! Вспомнила. Андрей Арсеньевич нравится женщинам, но взаимностью их не балует. Держит даже талантливых, с мировым именем красавиц от себя подальше.

— Ну, хоть одно отрицательное качество в нашем кумире обнаружилось! — по-женски съязвила Нина Силовна.— Перед вами бы, белокурая северянка, не устоял.

— Смущаете... Антон мой тоже подначивал. Особенно донимал итальянцами. Они, говорит,— мужская соль земли. На все сто блудливы, сладострастны, коварны. Да и наши братья-славяне тоже вне ока семьи — не мазилы.

— Не знаю, не знаю... А пока, прелестница, нам предстоит посадка. Парим над Фьюмичино. Кстати, симпатичнейший мини-сити.

— Так быстро?! — с сожалением удивилась Селезнева.

— Рада вашему восклицанию. Значит, не до конца замучила расспросами. Их еще на десять полетов хватит. Не стесняйтесь меня вовремя останавливать. В то же время прошу снисхождения: я ждала нашей встречи не один год. Вы стали близки мне. Со студенческой поры живет в памяти Катя-Катенька, которая в свои юные годы поразила многих завидной целеустремленностью.

— А я счастлива жить, когда рядом такие столпы времени, как Черныш, Кудрявцев, Ильин, Золотарев, Прокопьева... Вы же, словно мощные атомные электростанции, подпитываете нас энергией. И, конечно, интеллектом. Вас, Нина Силовна, в крае все уважают. Нет, не по должности. За человеческую значимость... Не то, что иные, при куда более скромных личностных качествах,— искренне призналась Селезнева.— О себе и о семье без утайки расскажу. Хотя биографию-то вмещаю пока в полстраницы: родилась, училась, начала работать. Расскажу и о родословной. Когда-то в сибирских селах Селезневых было не сосчитать. А после войны из мужской половины нашего рода остались в живых — моих пальцев рук хватит. Из близких — только мой родной дед Павел.

— Замужем?

— За Антоном Ермаковым. Тоже горный инженер. На шахте вместе трудились.

— Не обижает?

— Что вы? Конечно, нет. Весь поселок знает — Антон с жены пылинки сдувает.

— Еще бы. И давно знакомы?

— С пяти лет.

— Так у вас, однако, скоро серебряная свадьба! — и обе рассмеялись.— Будем считать эту информацию лишь предисловием, а страницам вашего детства, юности, взросления — наш отдельный недосып. И не один.

Самолет мягко коснулся земли великого Леонардо да Винчи.

Через полчаса черный шестисотый «Мерседес» летел к Риму, паря над автострадой. Россиянки от непривычной для них скорости под двести притихли, с замиранием сердца ухватившись за подлокотники сидений.

Бывая в Италии, Прокопьева знала, что автомобиль для итальянца — особый ареал мужской жизни, где он чувствует себя полностью в своей стихии. А правила дорожного движения? — они в полном несоответствии с национальным характером и привычками водителей-итальянцев.

Не успели женщины прийти в себя от «шоковой терапии», как милый и услужливый таксист Сильвио с шиком подвез их к парадному подъезду отеля «Де ля Минерв».

И... понеслись сибирячки по расписанному «от» и «до» круговороту событий ки-

нофестиваля. Два партийных секретаря, привыкших самостоятельно распоряжаться временем, кроить и выкраивать, расставлять по своему усмотрению точки над «i», уже на третий день устали от бешеной круговерти просмотров кинофильмов, обсуждений, дискуссий и встреч с киногруппами.

Посоветовавшись, решили отпроситься на денек-другой у руководителя советской делегации Борисова. Сославшись на неотложные личные дела и встречи с итальянскими коллегами, сумели-таки убедить Петра Алексеевича. Тот доброжелательно и сочувственно пожурил для проформы за отрыв от «коллектива» и, конечно же, понимая их истинные намерения, тонко намекнул:

— За каждым членом советской делегации гостеприимные хозяева закрепили видных итальянских деятелей культуры. Вашим гидом вызвался быть сам Тонино Гуэрра! Позволю напомнить, на его счету более 150 киноработ, три «Оскара», семь «Пальмовых ветвей». Это тот самый Гуэрра, который работает с гениальными режиссерами мира. Именно он стал соавтором знаменитых фильмов Федерико Феллини, Микеланджело Антониони. Вдвоем с нашим Андреем Тарковским писали сценарий «Ностальгии». В Италии говорят, что именно Гуэрра создал национальный кинематограф.

— Петр Алексеевич! Удобно ли отнимать золотое время у маэстро с мировым именем?

— Не переживайте. В жизни Тонино — милейший человек. Великодушный, щедрый. Его супруга — Элеонора Яблочкина, русская. Вдова директора многих картин Александра Яблочкина. Когда-то работала редактором на «Мосфильме». После смерти Саши встретилась с Тонино в Москве. От любви к ней Гуэрра лишился покоя, буквально таял на глазах. Скупил все розы в ближайших от «Мосфильма» киосках. И по сей день они влюблены друг в друга. Понятно, русские были и есть для Элеоноры самые желанные гости. У Тонино тоже особое, теплое к нам отношение. Лора никогда не допустит, чтобы оно остыло. Не без ее доброго участия тот не только стал соавтором «Ностальгии», но и всячески помогал Тарковскому во время съемок в Италии. Вот уж воистину, кому свыше дано всего в избытке: таланта, души, дара провидения. Он же — архитектор, художник, философ, поэт, драматург, агроном и садовник. Друг Георгия Данелия. Давний мой друг.

Полистав свой дорожный «колдунчик», Петр Алексеевич дал несколько телефонов Гуэрры, в том числе домашний.

— Тонино предупредил, что будет рад встрече с вами в любое время. Теперь о деле. Послезавтра состоится показ «Ностальгии» с последующим обсуждением. Хотите выступить, Нина Силовна?

— А можно определиться потом... после просмотра?

— Конечно. Разыщите меня или передайте в президиум записку. А пока задержитесь на минутку. Сам позвоню Тонино.

Он включил громкую связь, и женщины услышали приятный мужской бас.

— Гуэрра ...

— ...Так вот, дружище, сибирячки жаждут с тобой повидаться. И смотри в оба,— закончил разговор Борисов.— Доверяю двух удивительных женщин, золотой фонд Сибири, красавиц. Чтоб и волоска ветром не сдуло. Найдешь для них русскоговорящего итальянца? Думаю, им не терпится окунуться в манящий тайнами Рим, а без «языка»... как?

— Поищу. Не забывай, Петя, я сам русский по жене. Не волнуйся, начальник, твое задание будет выполнено.

Борисов рассмеялся и пояснил, что Гуэрра незамедлительно найдет их, как только справится с одним, в данный момент непростым, вопросом.

— В связи с фестивалем переводчики нарасхват.

— Петр Алексеевич! Перезвоните ему. У нас Екатерина Алексеевна в совершенстве владеет итальянским. Справится.

— Да ну?! И такие кадры держим в таежной глухомани?

— Пыталась забрать в крайком. Да орешек оказался не по зубам. Корнями держится за родной север. Упирается. Хочет прожить в Эвенкии всю жизнь.

— Это хорошо. Уважаю стойкий характер. И возьму ее в номенклатурный резерв.— Мельком глянув на часы, покачал головой.— Ух, ты! Я же в цейтноте. Опаздываю, милые дамы, в технический университет к студентам. Увидимся на «Ностальгии». Знакомьтесь с Римом. Приятного вам отдыха.

Не успел таксист Сильвио довезти их до отеля, как позвонил Гуэрра.

— Нина... Забыл, простите, отчество.

— Не утруждайтесь, синьор Гуэрра! Обращайтесь просто — Нина.

— Очень приятно! Пожалуйста, Нина,— на хорошем русском попросил он,— передайте трубку водителю. Спасибо. С нетерпением жду, точнее, ждем вас с Лорой дома.— И по-итальянски выдал распоряжение:

— Слушай, Сильвио, внимательно... А теперь разворачивайся и вези синьор ко мне по адресу...

При знакомстве Гуэрра представился, не забыв понравившееся ему выражение — «просто Нина»:

— А я... просто сценарист, которого до сих пор не прогнал от себя гениальный Феллини,— он артистично поправил мастерски уложенные волосы, сыграв мизансцену.— Да что я опять высовываюсь? Начну по порядку. Вот моя Лора. Еще горячо любимая женщина...

И пригласил гостей в небольшую, уютно обставленную гостиную, где, уделив приличествующее время знакомству, поговорили о последних новостях в Италии и России.

— Наслышан, в Союзе скоро произойдут большие перемены? — Тонино испытывающее смотрел то на Прокопьеву, то на Селезневу.

— Да. Готовятся грандиозные проекты, если только применимы эти слова к предстоящей реконструкции политической, экономической и социальной жизни общества. Они заставят во многом измениться и нас самих,— спокойно ответила ему Нина Силовна.

«О чем это они?» — насторожилась Екатерина Алексеевна, вопрошающе глянув на секретаря крайкома. Та перевела взгляд на картины Гуэрры, потом поднялась с кресла и стала внимательно изучать их. «Мир автора удивительно чувственный, нежный и радостный».

Тонино заторопился к рабочему столу. Так элегантно собеседники закрыли не интересную им сейчас тему... Через минуту он уже бережно нес им кипу чертежей, показывая на них горящими глазами и широко улыбаясь:

— А вот в моих руках и вторая жар-птица. Конечно же, после Лоры. Она не видна воочию, выглядит, как гадкий утенок, но это пока... Здесь уже подписанная мною документация на строительство дома, фонтанов, садов, которые собираюсь возводить и взращивать в родном городке Пеннабилли.

Хозяин надолго овладел вниманием сибирячек, увлеченно посвящая их в архитектурные и эстетические нюансы предстоящего домашнего строительства. Прокопьевой особенно понравились фонтаны, работающие на энергии дождевых струй и вносящие в дом звуки где-то отшумевших водных бурь.

Улучив момент, Екатерина Алексеевна попросила Тонино подробнее рассказать о дружбе, совместном творчестве с Тарковским.

— Петр подробно рассказал мне о ваших, синьоры, высоких должностях, незаурядном интеллекте, большой осведомленности в мировой культурной жизни. Не думаю, чтобы такие начитанные дамы не знали о хронологических событиях из жизни Андрея. А вот о чем хочу побеседовать, с чем познакомить — факты, малоизвестные общественности. Надеюсь, и вам тоже. Итак, постараюсь удовлетворить ваш интерес.

...Один русский журналист, автор многих киносценариев, как-то обронил фразу, что, мол, «у нас талантливые фильмы добирались до экрана благодаря недосмотру бюрократов. Но, если уж они появлялись, получали признание, то те же бюрократы умели развить, возможно, не столь желательный им первоначально, успех». Не скрою, синьоры, за советским кино на Западе следили и следят внимательно, если не сказать, скрупулезно и ревниво.

— Ревниво?! — не выдержав, вклинилась Нина Силовна.

— Понимаю. Буду более точен — не-доб-ро-же-ла-тель-но, видя в них опасную конкуренцию. Не только идеологическую, но прежде коммерческую. Мой знакомый французский критик как-то пояснял: «А зачем нам славянские гении, когда своих пристроить некуда?». Поэтому каждый показ ваших лучших фильмов за рубежом разгорался в невидимые для постороннего глаза битвы.

— И этот... «Ностальгия»?! — непроизвольно вырвалось у Селезневой.

— Да, Екатерина...

— Называйте Катей.

— Да-да, Катя. Он — тоже. Во время кинофестивалей накаляются страсти между американским кино и европейскими киномагнатами. Вот послушайте,— и взял в руки газету,— что пишут об этом итальянцы: «В мире коммерции, окружающем кино, всегда нежелательно, чтобы у конкурента появилась яркая фигура. С ее авторитетом укрепляются и позиции страны на международном рынке кинематографии. Большой режиссер создает фильм, который забирает у рынка десятки миллионов долларов. Тарковский, безусловно, личность, способная создавать такие шедевры». Здесь это отлично понимают. И уже вовсю действуют.

— Но наши, как вы, Тонино, выразились, «большие режиссеры» все пользуются бюджетом страны.— Прокопьева полезла в сумочку, достала бумаги, чтобы уточнить суммы, выделяемые Госкино на создание новых фильмов.

— Верю-верю, Нина. Ваше государственное кинохозяйство снимало немало препон на пути создателей фильмов. Хотя, синьоры, согласитесь, в подтверждение тому есть конкретные примеры, касающиеся творческой судьбы Андрея Тарковского,— оно создавало и создает труднопреодолимые идеологические и стилистические фильтры.

— А вы не преувеличиваете, Тонино? — покачала головой в знак несогласия секретарь крайкома.

— Нисколько! — парировал ей маэстро и, чуть помолчав, продолжил: — Однако, справедливости ради, советские режиссеры, чьи картины принимались к производству, могли рассчитывать на финансовую поддержку. В Италии, да и в других странах, даже крупнейшие мастера мирового кино, такие, как Феллини, Куросава, порой отчаянно ищут продюсеров. Я лично не раз читал и слышал: «Феллини прощается со зрителем», «Наш гений Феллини нуждается в помощи, он в кризисе».

— В социалистическом плановом хозяйстве кризисов не бывает,— мягко похвалилась Селезнева. Тонино кивнул ей.

— То, что мастеров постигают свои кризисы, Феллини блестяще показал в фильме «Восемь с половиной». Знаю, и у Тарковского они случались. Не раз Андрей показывал миру, как большой мастер преодолевает творческий застой... Но какого упорства, какого самосожжения это ему стоило?..

— Тонино, вы знакомы с Андреем Арсеньевичем много лет... Какой он? На съемочной площадке, за вашим гостеприимным столом, с коллегами, женщинами? — Селезневой не терпелось напитаться информацией из бесхитростных уст Гуэрры.

— Всегда разный. Спокойный и взрывной. Беспредельно добрый и нервный. Всепрощающий и бескомпромиссный. С открытой нараспашку душой и скрытный, как улитка, уходящий в себя. С легким, веселым настроением и философствующим, перегруженным тяжелыми раздумьями. Но во всех ипостасях необыкновенно искренний и тонкий психолог. Совершает, конечно, как и мы, немало ошибок. В основном в личной жизни. А с женщинами-поклонницами, Катя, интеллигентен, держится на расстоянии, скажем, дружеских отношений. Хочу уточнить: насколько мне известно.

— А кого все-таки любит?

— Очень любит Россию, сына Андрея. Может часами рассказывать, как по-особенному пахнет русская земля, свежескошенные травы. И про раздирающие душу крики летящих осенью журавлей...

— В Италии его ценят? Кто и как?

— Конечно, ценят. Многие. Хотя есть и оппоненты. Вспомнил рассказ Андрея, как западные интриганы-толстосумы уничтожали его «Сталкера», устроив преждевременный показ в зале Каннского кинофорума. А картина-то была заявлена и стопроцентно претендовала на высшую награду в Венеции! Кстати, синьоры, вам, думаю, известно, что там было премировано его «Иваново детство».

— Да, вся страна радовалась,— подтвердила Прокопьева.

— Так вот, показ-сюрприз в Каннах стал первым подлейшим ударом по Тарковскому, его творчеству за границей. По сути, у Андрея и советского кино украли тогда первую премию. Он показывал мне телеграмму от директора Венецианского кинофестиваля Кьярини. Тот гневно оповещал, что после преждевременного показа в Каннах не может принять «Сталкера» и вынужден снять этот фильм с конкурса: таковы его условия — только премьера. Что пережил тогда Андрей! Крушение планов, судьбы... Слишком доверчивый он, слишком... Может, впервые задумался: и за рубежом порой мягко стелют, да жестко спать. Не все золото, что блестит...

Лора окликнула Тонино, и супруг помчался в столовую, откуда раздался его громогласный приказ:

— Милые синьоры, мойте руки, и прошу к праздничному столу на Лорины спагетти. Пальчики оближете! Готовит не хуже итальянок. Боже, как милостива ко мне судьба. Почти не лукавлю: Лора подарена небесами,— продолжал балагурить Гуэрра.

Стол Элеонора накрыла со вкусом, роскошно, изобильно. Чего только здесь не было. Но главное блюдо — спагетти в известных итальянских соусах — возвышалось в центре на фарфоровом постаменте. Вокруг красовались тарталетки с огромными королевскими креветками. В бело-синих розетках стояли черная икра, рыбное ассорти. И... не перечесть всяких других яств.

— Синьоры, что пьем? — громко осведомился хозяин.

— Спасибо, я — ничего! — первой отказалась молодая сибирячка.

— Вот уж не по-нашенски,— подала голос Лора.— Тонино! Возьми-ка холодненькой из холодильника. А я чуть освежусь и подсушу волосы. Жарко у плиты, но потчевать дорогих гостей дежурными кафэшными закусками не захотела. Я сейчас, быстро...

Когда она вошла в гостиную, та залилась солнцем от ее ослепительно золотистых, роскошных волос, яркостью молодого, играющего живыми красками лица с искорками изумрудных глаз. Тонино, увидев жену, аппетитно крякнул.

— Так и живу в постоянном стрессе! Глядя на нее, у мертвого все зашевелится...

— Ну-ну... Ишь ты! — охладила его пылкость Лора.

— Я имею в виду... заулыбалось, заиграло бы сердце в могучей груди любого нормального мужчины.

— Ох, хитер итальянец, ох и хитер! Наливай-ка нам всем по рюмке водки. Первый тост мой. Сегодня праздник: слышу русскую речь. Рада моим сестрицам-славянкам. Только наша земля дарит миру такую божественную женскую красоту. Спасибо вам, родные, за визит в наш дом. Это всегда для меня щедрый подарок. Я пью за вас, мои соотечественницы!

В конце застолья Тонино твердо заявил:

— Сейчас, Нина, вчетвером съездим в отель. Там возьмете, что пригодится для ночевки в нашем балконном саду под лимонным деревом и для поездки в Венецию.

— А как же «Ностальгия»?! — сразу расстроилась Екатерина.

— Просмотр послезавтра. Вечером. За два дня успеем попутешествовать. Сам покажу прелести неповторимой Венеции. А если останется чуть-чуть времени, заедем в Ватикан. Там меня тоже знают...

...Под лимонным деревом беседам не было конца. Тонино — прекрасный рассказчик, тонкий юморист. Он знал столько смешных, драматических, курьезных и трагических случаев из истории мирового кино, что гостьи заслушались и не переставали удивляться.

Перед сном решили прогуляться по ночному Риму, но позвонил Борисов, и Тонино умчался в оргкомитет, а три россиянки до рассвета проговорили о Тарковском.

— У нас с Андреем,— рассказывала Лора,— сразу сложились дружеские, доверительные отношения. Особенно за время съемок «Ностальгии». Хотя мы знакомы давно. Он был на нашем с Тонино бракосочетании в Москве. Андрей — обаятельный и умный, хотя его нельзя назвать человеком с легким характером. С оппонентами порой бывает даже жестким, не склонным к компромиссам. Но все окупается, опять же, Андрюшиной добротой, способностью критически осознавать личные просчеты. Искренне и вовремя принести извинения. Согласитесь, такие его качества характера да плюс талант дорогого стоят!

— Да-а-а... Критика себя любимого — по плечу лишь сильным, властвующим и над собой людям,— поддержала ее Прокопьева.— О непростом характере Андрея много сплетничают борзописцы. За последний год приучили малодумающих читателей к мысли, что Тарковский никогда уже не вернется на родину.

— Вот уж совсем чушь собачья! — Лора стала приводить один за другим свои доводы.— Помня мое редакторство на «Мосфильме», Андрей частенько приносит мне посмотреть — на предмет оценки и правки — свои тексты. Однажды попросил распечатать письмо к отцу. «Тебе, Лора, содержание его, сто один раз проговоренное за вашим столом, известно. Мне достаточно трех экземпляров, но файл оставь у себя, не удаляй». Слушай, переспросила я, удобно ли, все-таки личное? На что он ответил: «В нем нет никаких семейных или личных тайн. Просто для отца я четко сформулировал позиции по своему пребыванию за границей. Закончу съемку фильмов, обязательно вернусь в Россию. И будучи здесь, я — с ней. Душой, мыслями русский... Для отца это важно. А что касается моих неурядиц с Госкино, об этом много лет пишут российские и западные СМИ. Да и сам я открыто говорю...».

— Спасибо вам, Элеонора. Груз с души сняли, хотя я и не верила прессе. Андрей не может покинуть Россию. Об истинной любви к ней свидетельствует каждый кадр его фильмов.— У Нины Силовны затуманились глаза.— И как отца любит! Заботится, чтобы не переживал, не рвал сердце.

За время их долгой беседы о гении и человеке Тарковском хозяйка изредка успевала вклинить что-то и о своем Гуэрре:

— ...награжден орденом Дружбы, Почетный доктор ВГИК, автор идеи создания в Суздале музея кино... на его юбилей в Рим прилетали из всех советских республик скульпторы, художники, поэты... А еще в наш старый дом в Пеннабилли приходят кошки и собаки со всей округи... Просто поесть, пообщаться и шумно прошвырнуться по саду...

Элеонора прочитала несколько его стихов. Россиянки восторженно аплодировали ей.

— Спасибо за перевод Белле-Беллочке Ахмадуллиной. Они с моим Гуэррой большие друзья.

Тонино появился с огромными букетами роз, шампанским и коробками конфет.

— Девушки! Быстро за стол! А потом... спать, спать...

— Тонино! Уже зореет...

— Ничего! Пара часов у нас есть. Выспимся.

Благодаря его организованности и неиссякаемой энергии, запланированная двухдневная программа по Риму и Венеции была успешно выполнена. На обратном пути Элеоноре показалось, что муж сильно подустал, переутомился.

— Дорогой! Давай подменю за рулем?

— Нет уж, Лора. Две подаренные мною машины ты разбила в лепешку. Бог милостив! Сама жива и никого не покалечила. А сейчас нас четверо. Жалко! Мы люди-то хорошие...

Побывали и в Ватикане. Гуэрра жалел лишь об одном: Иоанн Павел II — первый Римский Папа, славянин — был в отъезде.

Наконец настал долгожданный час просмотра «Ностальгии». Тонино приглушенным голосом рассказывал гостьям, как непросто рождался сценарий, как он старался влюбить Андрея в Италию. Казалось, что затея удалась, но фильм получился чисто русским, с глубокой и грустной русской философией, хотя с первого до последнего кадра снимался здесь.

— Андрей с оператором сумели заснять «Ностальгию» так, будто возил я их не по итальянским ландшафтам, а по Ивановской области или где-нибудь неподалеку от Андрюшиной старенькой деревеньки, где в росистой траве-мураве стрекочут зеленые, воинственные кузнечики... Надо же так гениально «разытальянить» мою Италию!

— Тонино! Не дави,— шикнула на него Элеонора.

— Все-все, больше — ни слова. Посмóтрите и убедитесь сами: я прав.

На последующие полтора часа, забыв про все на свете, Прокопьева и Селезнева растворились в перипетиях фильма, слились с его действами и героями.

— Бесцельная, тревожная прогулка Горчакова... Один за другим городские пейзажи с мусорными свалками под струящейся, вечной водой... Стихи Арсения Тарковского... Знакомая бутылка «Московской»... Дремлющий на чуть колышущемся воздухе, почти угасший костерок человеческой жизни — все это странствие обремененной современным бытием души,— шептала Екатерина Элеоноре, считывая с экрана диалоги Тарковского с природой и героем.— Таково состояние современного человека, человечества, объяснение автора с потребительской цивилизацией Запада. И не только. Но все до боли русское... и мировая скорбь по давно утраченному и лучшему уходящему ...

Словно услышав нашептывания ее губ, Тонино, перегнувшись через Элеонору, дотронулся до Катиной руки:

— ...И еще один из его приемов... Сейчас услышите, Катя. Тексты в лентах Тарковского имеют большое значение. Здесь истории, притчи, существующие только на

словесном уровне. Вот одна из них, которую рассказывает Горчаков девочке Анджеле,— о спасенном человеке, тонувшем в луже.

И Екатерина слышит: «...вот они лежат у края этой глубокой лужи. Тяжело дышат, устали. Наконец спасенный спрашивает: «Ты что?».— «Как — что? Я тебя спас».— «Дурак, я там живу!»...

А Нина Силовна настолько «вошла в сюжет», что никого вокруг не видела. ...«Я свеча, я сгорел на пиру, соберите мой воск поутру»... Она то внутренне сжималась комком нервов, то расслаблялась и в полном отчаянии думала: «Сейчас я тоже в этой жиже грязи с поэтом, помогаю прикрыть от ветра затухающую свечу. Андрей Горчаков в покаянии несет ее не по воде — по грязи. И я рядом, грешная-прегрешная. Где-то далеко слышен собачий вой. Те всегда воют перед чьей-то смертью или своей. Поэт вконец обессилел, но по-прежнему заслоняет ладонями святой огонь... Вот уже свеча вдавлена им в край бассейна. Затушена свеча, свеча его жизни. Миг падения — конец хождению по мукам. Горчаков приехал в Италию на время, а здесь умирает, не возвращается в Россию. На самом деле не хотел, или такой роковой приговор вынесла ему судьба?!»

Россиянки очнулись на последнем кадре. Посмотрев друг на друга, увидели: обе с мокрыми ресницами...

Стремительно улетали ввысь заключительные титры, а мысли и чувства сибирячек с трудом, болезненно всплывали из глубин «Ностальгии», навсегда прощаясь с героями...

— Тонино прав. Никаких итальянских красот в фильме нет. Зато так много России, русского! — решительно утверждала Прокопьева.

— Браво, Тарковский, браво! — взволнованно вскричал искрометный Гуэрра, смотря то в зал, то на россиянок.— А я что говорил — талант! Знаете, Нина, наши киношники утверждают: «Если фильм имеет успех — это бизнес, если нет — это искусство». По-моему, Андрей завладел и тем, и другим.

Тонино почему-то крепко пожал руку до предела взволнованной Прокопьевой.

— Браво, Россия, браво! — кричал он теперь уже во весь голос. Потом, словно придя в себя, полез во внутренний карман пиджака.— Да, чуть не забыл. Лора убила бы меня непременно. Вот фотографии Андрея. Я говорил с ним. Он обязательно даст вам автограф,— достав два красивых конверта, подал их гостьям.

Раскрасневшийся и торжественный, Борисов объявлял «виновников» творческой победы.

— Фильм «Ностальгия» снят в Италии в 1983 году выдающимся советским режиссером Андреем Тарковским. По его же сценарию в соавторстве с известным в Европе и во всем мире сценаристом Тонино Гуэррой. Исполнители главных ролей — талантливые актеры: Олег Янковский — СССР, Эрланд Йозефсон — Швеция, Домициана Джордано — Италия... В фильме звучала музыка композиторов: Дебюсси, Верди, Вагнера, Бетховена. Прошу съемочную группу в полном составе подняться на сцену.

...И зал взорвался овациями! На фоне бушевавших страстей слышались восторженные возгласы на многих европейских языках.

— Уважаемые дамы и господа! — громкий и уже спокойный голос Петра Алексеевича быстро успокоил публику.— Сейчас нам предстоит перейти к обсуждению. Для выступлений записалось сто три человека.

Зрители единодушно ахнули.

— У меня есть предложение предоставить им слово, ограничив регламентом... в одну минуту. Нет возражений? В знак согласия последовали одобрительные аплодисменты.

— Тогда начнем. Слово предоставляется секретарю крайкома из далекого сибирского края Нине Силовне Прокопьевой. Прошу к микрофону.

«Ну, погоди, Борисов! Я же не записывалась!» — Она мгновенно поднялась. Идя на сцену, сосредоточенно искала точные первые слова.

— Дамы и господа! Как и многие из вас, я пребываю в глубоком волнении от просмотра «Ностальгии». Невозможно словами передать пережитые минуты с необыкновенно талантливой и, на мой взгляд, гениальной кинолентой о больном человечестве, об утраченных ценностях, об эгоизме цивилизации и русской ностальгии — состоянии души каждого из нас, находящегося вдали от родины. Нет! Я не была зрителем, сидящим в кресле. Я с первых кадров, по зову режиссера, вошла в фильм и прожила в нем все 127 минут. На одном дыхании с героями. Спасибо Андрею Тарковскому! Он за непродолжительное время сумел открыть во мне великую актрису, которая впервые в истории мирового кино сыграла одновременно все главные роли: поэта Горчакова, святого Доменико, необыкновенно красивую златовласку Эуджению... И другие тоже. Даже уличного пса и многоликую природу...

Публика на мгновение замерла, затаилась, но быстро поняла так оригинально высказанный заглавный смысл всей «Ностальгии». И вот уже кинозал взорвался шквалом аплодисментов.

— Хочу преклонить колени перед создателями шедевра мирового кинематографа!

Нина Силовна повернулась лицом к президиуму и низко поклонилась съемочной группе Тарковского. Словно по мановению волшебной палочки, искушенная публика поднялась и долго аплодировала, поддержав ее выступление и поклон «Ностальгии».

Часы неумолимо оповестили начало нового дня, когда подошла очередь россиянок взять автограф у главного триумфатора. Подняв глаза на Прокопьеву, Тарковский поцеловал ей руку и с благодарностью сказал:

— Прослушал немало речей на разных языках мира. Но чтобы вот так ...за минуту сорвать аплодисменты и поднять в свою поддержку избалованного зрителя — такое случилось впервые. Спасибо вам, Нина Силовна. Вы тоже в своем деле — талант!

— Вас обижают наши чиновники? — вдруг неожиданно, приглушив голос, задала ему вопрос секретарь крайкома.

— Да нет. Больше свои киношники до крови кусают.

И написал ей на обороте фото: «Ваши «одновременно сыгранные главные роли «Ностальгии» буду помнить вечно. С глубочайшим уважением, А. Тарковский. Италия, 1984 г.».

Затем внимательно стал разглядывать Селезневу.

— Если верно запомнил со слов Тонино, вы — Катя.

— Да, Андрей Арсеньевич.

Тарковский быстро-быстро написал: «Вам бы, Катя, сниматься и сниматься в глубоко русских фильмах. Да вы и есть, как вижу, сама Россия — прекрасная, задумчиво дремлющая, Богом забытая... Всегда ваш Андрей Тарковский, Рим, 1984 г.».

Едва разыскав Гуэрру с Элеонорой, сибирячки тепло и благодарно распрощались с ними. Сильвио отвез возбужденных, счастливых русских синьор в отель.

Через неделю фестиваль завершился. Члены оргкомитета и Борисов уехали во Францию с такой же, как в Риме, миссией пропаганды современного советского кино, а Прокопьева с Селезневой продолжили турне.

После римской жары и пережитой вместе с Тарковским эйфории Милан встретил их прохладным, освежающим до озноба ливнем. Несмотря на ненастную погоду,

женщины не стали ждать милости у природы. Завершив формальности в отеле, раскрылили над собой зонты и отправились в пешую прогулку по городу — законодателю моды и финансовому центру Италии.

— Не устали ножки? На таких-то каблуках. Я давно забыла о них. А тоже долго модничала.

— Привыкла. Кажется, родилась в туфельках на шпильке. Давайте-ка, Нина Силовна, съездим на площадь Пьяцца-Дуомо. Посмотрим Музей современного искусства, а там неподалеку и Театр Ла Скала.

— Эти-то познания откуда?!

— В Риме купила проспекты. Правда, продавались только на итальянском. Не беда. Вечером переведу вам. А завтра побываем в Национальном музее науки и техники, где выставлены научные проекты Леонардо да Винчи.

— Отлично. Много читала о нем, гениальном и таинственно-загадочном Леонардо. Немыслимо, какой-то полубог! Все на свете знал, умел, предвидел.

...Возвратились в отель, когда от вечернего яркого небосклона нельзя было оторвать глаз, заказали ужин на открытой, увитой лианами террасе.

— Надо хоть раз в день насладиться пищей. За последнюю неделю совсем есть отвыкли.

Нина Силовна продолжала расспрашивать Селезневу об Антоне Ермакове.

— Муж-то старше намного?

— На семь лет. Окончил институт, на распределении попросился в Ессейскую шахту, а я продолжала учиться.

— Не страшно было за него, как говорите, «умного и красивого»? Могли бы навсегда потерять. Случается в жизни и такое. Никуда не денешься. Не раз бывала на вашем «Эквиваленте». Почти все шахтоуправление состоит из одиноких, не устроенных в личном плане женщин.

— Да однолюб он! Чистый лебедь. По два-три раза в месяц ко мне в общежитие прилетал. А в остальные выходные дни помогал отцу по хозяйству. Его единственной родственницы, бабушки Поли, как и мамы Зои, в живых уже не было. Мой отец — на нас двоих да Ксения, тетя. Вот и вся родня. В первый год работы шахта сыграла нам с Антоном комсомольскую свадьбу. Отец тоже любит и ценит его. Есть за что.

Стрелки часов приближались к полуночи, но уходить с террасы не хотелось. Небо завораживало, притягивало, не отпускало. Неожиданно их беседу прервал звонок.

— Дорогая Нина! Завтра в Милане Владимир Максимов... Знакомы?

— Знакома.

— Так вот он и его команда готовят неприятное для нас с вами событие. Можно сказать, сенсацию. Вы не можете громко говорить?

— Да, я не одна.

— Тогда слушайте.

— Нет-нет! Я сейчас уйду в номер, чуть позже перезвоню.

— Кто это? — видя серьезное лицо Нины Силовны, встревожилась Селезнева.

— Не волнуйтесь. Звонят коллеги по нашей миланской программе. Вы пока посидите, помечтайте, а я полистаю кое-какие бумаги. Не скучайте. Скоро вернусь.

Сама же она быстро спустилась к себе и набрала Гуэрру.

— Теперь можно говорить откровенно. О чем вы? Как тревожно мне! Неужели... Андрей Арсеньевич... Нет-нет... Быть не может! Любит Россию, отца заверил...

Помолчав, Тонино подтвердил ее худшие опасения.

— Максимов тоже пытался отговорить, убеждал Андрея. Но тот слушать не захотел. Тогда Владимир сам начал подготовку пресс-конференции. Обязательно сходите, чтобы обо всем... из первых уст...

— А вам кто сказал?

— Меня предупредили анонимной запиской на просмотре «Ностальгии». Тогда вы так спешно распрощались. Да и я сомневался. Надеялся. Не стал понапрасну расстраивать. Сам до сих пор не могу освободиться от внутренней дрожи. Люблю Андрея. Себя казню... Не смог предостеречь от этого шага. У нас, Нина, говорят: эмиграция — репетиция смерти. Ошибки позволительны в молодости, да и то в личной жизни. Но когда цена вопроса — родина, то стрелка весов должна склоняться всегда в ее пользу.

— Вы говорили с ним?!

— Не раз. По телефону. Встречаться со мной не отважился. Я искал, настаивал увидеться, но он, ссылался на занятость, какие-то непредвиденные деловые встречи... в общем, на всякие отговорки, и продолжал обещать. Так и не пришел... А вскоре улетел в Швецию. Думаю, именно в фестивальные дни между нами встали какие-то сильные, заинтересованные советчики. А как же! Заманчивая Ахиллесова пята в фокусе внимания мировой общественности. Можно убить сразу двух зайцев. Вот вам и политика, и бизнес... Хотя Лариса, жена Андрея, тоже давно склоняла его к этой мысли.

— Ваше присутствие здесь было бы очень кстати.

— Не успеваю, Нина. Срочная работа с Феллини. Говорю без игры, честно. Вы с Катей симпатичны мне. Я не мог отмолчаться.

— Кто сейчас с ним? Ваши предположения, уважаемый Тонино?

— Не предполагаю. Знаю. И вам они хорошо известны. И всему миру тоже... Сами завтра увидите. По-видимому, мой авторитет подавлен ими или другими, более значимыми сейчас для Андрея людьми. Я даже по телефону чувствовал чье-то мощное давление на него. Не мог он сам так вот... вдруг...

— Тонино, спасибо за доброе отношение к нам с Екатериной Алексеевной. За доверие. Непременно пойдем на пресс-конференцию. Я вам завтра вечером перезвоню.

— Крепитесь, Нина. Мы с Лорой тоже в трауре. Она ревет. Ничего... Переживем. Жизнь продолжается.

Секретарь крайкома никак не могла прийти в себя. Сразу заныло под левым подреберьем, запульсировал, заболел затылок. Но уже собралась подняться на террасу, когда Селезнева, о чем-то беззаботно напевая, вошла в номер.

— Не помешаю?

— Что вы, мой ангел!..

— Тогда, пока вы заняты, приму душ. А потом, если захотите, посидим еще с часок под звездами.

— Завтра нас приглашают на очередное мероприятие. Пресс-конференцию. О программе точно никто не знает, однако, зреет какая-то сенсация... Там будет и наш Андрей Арсеньевич.

— Миленькая, Нина Силовна, прошу, пойдемте! Обязательно! — не услышав ответа и видя ее глубокую, растерянную задумчивость, тихо закрылась в ванной.

Стараясь справиться с волнением, усиливающейся сердечной болью, Прокопьева выпила сразу несколько лекарств. Присев на краешек кровати, сжимая до онемения пальцы и нервно покусывая губы, напряженно думала: «Сказать Селезневой правду или повременить? Авось обойдется. Андрей ли образумится, отец ли вовремя пригрозит, остановит. А может, сестра Марина на шатком пути стеной встанет».

Прошло полчаса, но облегчение не последовало. Ей пришлось повторить дозу сердечных. «Не хватало тут свалиться... Фу, наконец-то... кажется, отпускает, стало легче дышать. Может, действительно, уехать в город, отвлечься. Здесь оставаться нет никаких сил, а как пережить завтрашний день?..».

Посвежевшая после купания, восторженная и улыбающаяся, Екатерина Алексеевна присела рядом с Ниной Силовной и повторила свой вопрос:

— Так мы идем завтра на пресс-конференцию с Тарковским?

— Непременно! В кои-то лета теперь увидимся с ним...

— Ура! — воскликнула, радуясь еще одной встрече с кумиром, Селезнева.

— Хочу сказать... нет-нет... Итак, настал час знакомства с ночным Миланом. Что под крышей-то сидеть? Возьмем-ка на десерт обзорную экскурсию. Нафотографируемся в звездопадах,— пыталась справиться с собой Прокопьева, но мысли опять возвращали ее к предстоящей Голгофе Тарковского.

«Что взвалил на себя? Зачем? Где ты, Андрей, настоящий?! В письме ли к отцу, в заключительных ли твоих словах на просмотре: «Как говорят на Западе, русские — плохие эмигранты»... Или ты и есть — завтрашний?! Тогда хочется истошным голосом упреждающе прокричать тебе из Милана в Швецию или куда-то еще, где сейчас пребываешь, чтоб донесся мой вопль чуть перефразированными словами сынишки Доменико, тобою же написанными: «Андрей! Не смей! Это же край света! Пропасть!».

Нина Силовна вдруг побледнела, присела в кресло, сунув под язык нитроглицерин.

— Что с вами?! Дать воды? — испуганно спрашивала Селезнева.

— Пройдет. Такое со мной случается. Чего испугалась-то? Вот... можно опять свободно вздохнуть. А то заклинило... Через пяток минут, мой ангел, трубите «В поход!».

Но боль упорно билась в седые виски серебряными молоточками, и где-то далеко-далеко слышался успокаивающий басок Тонино: «Ничего... Переживем. Жизнь продолжается».

Екатерина Алексеевна стояла перед ней на коленях, нежно гладя ее слегка подергивающиеся, влажные руки. Вскоре лицо Прокопьевой порозовело.

— Сожалею, ночным Миланом придется насладиться завтра. Вы не расстроились?

— Нисколько. Лишь бы вам полегчало. А может, врача?

— Справимся. Чуть передохну — пройдет. Только разговаривайте со мной, пожалуйста. Мне нельзя в таком состоянии засыпать, хотя веки предательски слипаются. Видимо, от слабости.

— Не беспокойтесь, я буду рядом. Присмотрю.

Темная южная ночь заботливо укутывала город, но дворики ближайшего квартала были хорошо освещены и многолюдны. Несмотря на поздний час, бегали с мячиками неугомонные ребятишки, а их родители, сидя в беседках, чинно переговаривались. Екатерине Алексеевне вовсе не хотелось спать. Поставив плетеное кресло так, чтобы видеть лицо Нины Силовны, она с интересом наблюдала за миланцами.

«Кто они, и как живется им? О чем мечтают? Что тревожит их сердца? Счастливы ли, любимы?»

Видя грустные глаза Прокопьевой, поделилась с ней своими пожеланиями:

— Вот бы наши миланские коллеги догадались показать нам, как живут семьи в рабочих кварталах, где учатся дети, в какие игры и какими игрушками играют...

— Думаю, это осуществимо. Попросим их. Вам не скучно там?

— Нет. Так и сидела бы до утра, глядя на это чужое, висящее прямо над головой небо. У нас оно другое: безбрежное, высокое, настоящее. А здесь — словно отгороженное от холодного космоса ярким шатром мерцающих, часто падающих звезд. Удивительный мир вселенной! Жаль, в астрономии я — полный ноль. В школе не было учителя, в аттестате — прочерк. Надо самой как-то взяться за учебники. Здесь, наверное, каждый школьник — звездный профессор. Вон их сколько! Созвездий-то. И все рядом.

— Мне, Екатерина Алексеевна, стало значительно лучше.

— Правда?

— Да. Теперь спать, спать! Надо набраться сил, чтобы выглядеть на все сто! А

завтрашней ночью вынесем кресла на балкон и не пропустим ни одного звездопада. Может, посчастливится увидеть, кто сбрасывает их, небожителей, на грешную землю людям и судьбам под ноги?.. Укладывайтесь, мой добрый ангел, и вы. Нас ждет непростой день.

Селезнева зашторила окна и пожелала коллеге доброй ночи.

Запоздав с заказом такси, россиянки приехали в Палаццо Себелионе за минуту до начала пресс-конференции. За столом сидел Тарковский. Сильно похудевший, тревожный, бледный. Рядом — Ростропович, Любимов, Максимов, Ирина Альберти...

Андрей Арсеньевич заметно нервничал. Потом встал ...

— ...Я принял решение о невозвращении в СССР...

И начал рассказывать о своих неоднократных попытках достичь приемлемого соглашения с советскими кинодеятелями. Но с ним обошлись бесцеремонно, письма оставались без ответа. Холодное молчание — такова была реакция на его письмо высшему партийному руководству страны с просьбой разрешить выезд в Италию тринадцатилетнему сыну Андрею и восьмидесятидвухлетней теще.

— Из этого я понял, что меня ненавидят. Если бы хоть раз ответили мне по-человечески, я бы не покинул родину. Для меня это трагедия... Это самый отвратительный момент в моей жизни... Они оттолкнули меня...

Екатерина Алексеевна резко дернулась и застыла в оцепенении. Прокопьева осторожно придержала ее за локоть:

— Успокойтесь. Я всю ночь не спала. Даже плакала, навсегда с ним прощаясь. За дни кинофестиваля прикипела, привязалась... Хотя и раньше относилась к его работам с пониманием, сопереживанием. Считала чуть ли не единственным режиссером, по-настоящему преданным, влюбленным в Россию. А после «Ностальгии» вообще влюбилась. И вот такой... поступок... «Не мальчика, но мужа».

— ??! — синие глаза Селезневой мигом наполнились неожиданной, уже неотвратимой бедой. Ее грудь содрогалась в немых рыданиях. Лицо заливали горестные слезы отчаяния.

— Случилось непоправимое...

— Простите,— наклонившись, тихо прошептала Прокопьева.— Не решилась вечером сказать. Еще надеялась на чудо... Андрей достоин другого к себе отношения. Думаю, на невозвращение его толкнула бесконечная череда унизительных обстоятельств: не сложившиеся отношения с Госкино и, как следствие, отсутствие работы, творческие кризисы. Не последнюю роль сыграли высокомерность, духовная немота наших партийных чинуш, многолетняя разлука с любимым сыном. Тарковский ранним, впечатлителен. Не сомневаюсь, всем этим сполна воспользовались умелые, настырные советчики-кликуши... Тут таковых хватает.

Тарковский договорил краткую речь, и к нему ринулась толпа фоторепортеров. Как оказалось, в зале их было подавляющее большинство. Из Европы и Америки. «Кем-то хорошо подготовленное пропагандистское действо»,— заключила секретарь крайкома. На вопрос одного из репортеров, в какую страну Тарковский направится для жительства, тот ответил, что не знает.

— Для нас самое главное — принять это решение. Все остальное уже не имеет никакого значения... Больше никаких вопросов, интервью! И говорить о моей России плохо тоже не буду...

Быстро сойдя с подиума, он направился к выходу. Его взгляд натолкнулся на плачущую девушку. На ходу что-то припоминая, остановился у кресел сибирячек.

— Ах, да... Катя... и Нина Силовна... Чистые, прекрасные люди... Не плачьте, милые...

Теперь и Прокопьева утирала лицо большим платком.

— Пожалуйста, не плачьте... Что вы со мной делаете?! Коль так распорядилась судьба... Прощайте!

Екатерина Алексеевна после пресс-конференции отказалась от еды и увеселений. Обе, тяжело переживая случившееся, посетили несколько семей в рабочих кварталах, которые тоже произвели на них не лучшее впечатление.

Видя их осунувшиеся, погрустневшие лица, миланские коллеги тактично ни о чем не расспрашивали, хотя повсюду разносчики экстренных выпусков газет только и выкрикивали: «Тарковский! Синьор Тарковский!».

От других мероприятий россиянки вежливо уклонились.

Днем позже они улетали в Москву. В салоне царила атмосфера веселого возбуждения. Русские люди шутили, смеялись. Они возвращались домой. На родину. Только две женщины выпадали из всеобщего радостного бодрствования.

— Очень горько и обидно, что человечество расколото на два мира, два непримиримых лагеря...— грустно констатировала Прокопьева и теснее прижалась к своему «доброму ангелу».

Та сидела, о чем-то глубоко задумавшись. Казалось, ее мысли были далеко-далеко. С ним. Рядом...

— Жалеете Тарковского? Считаете изгнанником?

— Нет, не жалею,— тихо ответила ей Селезнева.— Он сделал свой выбор. И надо это уважать. У него есть родина, которая будет всегда с ним. Ее он сбережет в своем сердце. Но рожденный гением под звездным небом, он приобрел сразу весь мир. Его дом там, где сам того пожелает. Гении должны принадлежать всему миру...

Она обернулась к иллюминатору и застыла, глядя в синюю бесконечность неба. Катя прощалась с Андреем Арсеньевичем Тарковским. Прощалась с гением.